

ВВЕДЕНИЕ

Когда мы обращаемся к трудам по истории русского флота, принадлежащим дворянско-буржуазным историкам, то видим, что они начинают изложение с событий второй половины IX в.

Так например, Ф. Веселаго начинает свою книгу «Краткая история русского флота» с утверждения, что «первый морской поход в Грецию совершен был овладевшими Киевом дружинниками Рюрика, явившимися перед Константинополем в 865 году в числе 200 судов».¹

А. Висковатов также начинает изложение «морских походов русских» с того момента, как «Аскольд и Дир, вожди особой дружины, не получившие никакого участка в Русской земле, отправились с согласия князя в Константинополь...».²

В «Материалах по истории русского флота», изданных первый раз в 1914 г. и тогда носивших название «Значение флота в истории России», П. Белавенец пишет: «Первый поход русских под стены Константинополя был совершен Аскольдом и Диром. Русские дружины в 860 г. подошли на 200 судах к Царь-граду». ³Высказавший немало интересных соображений по поводу «морского элемента в древней Руси» и, в частности, восставший против крайнего норманизма указанных выше его предшественников в области изучения морской истории Руси, начинавших эту последнюю с появления норманнов на Руси, Е. Арене также полагает, что «первый поход за море» — это поход Аскольда и Дира, когда «в 866 году стая русских лодок появилась внезапно под стенами Царьграда». ⁴

Дурная традиция в русской дворянско-буржуазной исторической науке приводила к тому, что знатоки военно-морской истории начинали ее с пресловутого «.. призвания варягов», несмотря на то, что уже были опубликованы источники, изучение которых дало бы возможность отодвинуть «первую страницу русской морской истории» ко временам, предшествующим легендарным событиям 862 г.

Когда писали П. Белавенец и Е. Арене, во всяком случае, были уже известны труды В. Г. Васильевского, содержащие в себе текст и анализ «Жития Стефана Сурожского» и «Жития Георгия Амастридского».

К сожалению, современная советская историческая наука не исправила этой ошибки историков русского флота старой школы и не дала обобщающих трудов по началу мореходства на Руси. Все это побудило меня попытаться обобщить материал, накопившийся к сегодняшнему дню, и дать сводку сведений по началу мореходства на Руси. Ибо так начинать русскую историю, как это делала старая официальная дворянско-буржуазная историческая наука, означает начинать ее не с начала; так начинать историю мореходства на Руси, как это имеет место в указанных трудах, означает приступить к повествованию где-то с середины книги, так начинать историю русского мореходства означает возрождать лживую и антинаучную норманскую теорию.

1. ПЕРВЫЕ ИЗВЕСТИЯ О МОРЕПЛАВАНИИ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

---

¹ Ф. Веселаго. Краткая история русского флота, 1939, стр. 7.

² А. Висковатов. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия, изд. 2-е, М., 1946, стр. 17

³ П. Белавенец. Материалы по истории русского флота, 1940, стр. 5.

⁴ Е. Арене. Страницы морской истории. «Морской сборник», 1919, № 1, стр. 13.

Еще на начальных этапах своего этнического формирования восточное славянство освоило водную стихию. Умение переправляться через реки и озера восходит, конечно, к седой древности, к тому периоду времени, когда еще не существовало ни славянских языков, ни самих славян, и по рекам и озерам Восточной Европы плавали лишь предшественники восточных славян времен мезолита и неолита. Но этот древнейший период славянства лежит за пределами нашей темы.

В настоящей работе мы будем говорить лишь об историческом славянстве, точнее, о восточном славянстве. Нет никакого сомнения в том, что славяне письменных источников являются народами морскими. Не случайно в источниках, впервые упоминающих о славянах, во всяком случае о той их части, которая получила название венедов, эти последние оказываются жителями берегов Вислы и побережья Балтийского моря.

В «Естественной истории» Плиния Старшего, жившего в I в. н. э., мы читаем: «Некоторые писатели передают, что эти местности, вплоть до реки Вистулы (Вислы), заселены сарматами, венедами, скифами, гиррами».

В «Германии» Тацита также говорится о венетах, или венедах: «Здесь' конец страны свевов. Относительно племен пев-кинов, венетов и финнов я не знаю, причислять ли мне их к германцам или сарматам... Более похожи венеты на сарматов по своим нравам и обычаям».

Еще одно упоминание о венедах мы имеем в «Географии» Птолемея: «Сарматию занимают очень большие племена: венеды вдоль всего Венедского залива; на Дакии господствуют певкины и бастарны; по всей территории, прилегающей к Меотийскому озеру, — языги и роксаланы; в глубь страны от них находятся амаксобии и аланы — скифы».

5

И это — не первые упоминания о венедах. О венедах знали в классической Греции. Так, например, Геродот сообщает о том, что янтарь привозят с реки Эридана от енетов (венетов), Софокл (V в. до н. э.) знал, что янтарь доставляют с севера, с берегов северного океана, добывая его в какой-то реке у индов. В енетах (венетах) и индах V в. до н. э. нетрудно усмотреть виндов, или венедов.

Сравнивая и сличая скудные свидетельства древних авторов, мы можем сделать вывод, что венеды обитали к северу от Карпат до Балтийского моря («Венедского залива»).

Не случайно здесь, по Висле и у берегов Балтики, сохранилась до наших дней древнейшая славянская топонимика, не случайно еще у писателей древности упоминается Коданский залив, где ныне стоит польский город Гданск (древний Къданск). Не случайно потомки венедов — балтийские славяне, племена поморских славян, в средние века были известны как искусные мореходы.

Венеды древности, несомненно, приняли участие в формировании не только западных, но и восточных славян. Связи между западославянским поморским миром и западной частью восточного славянства (особенно, новгородцами) давно уже обращали на себя внимание и вновь были подтверждены изысканиями последнего времени⁶

Конечно, далеко не все славянские племена того периода, когда из пестрой массы индоевропейских языков выделялись и складывались древние славянские языки, — а именно этот период времени следует считать началом этнического оформления славянства, — были обитателями морских побережий и устьев больших европейских рек, впадающих в моря.

Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что, наоборот, большинство древних племен на

---

⁵ «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр., 230, 231.

⁶ И. Е. Забелин. История русской жизни с древнейших времен. М., 1908. — С. Геденов. Варяги и Русь. СПб, 1876, т. I, стр. 380–384, — Н. М. Петровский. О новгородских словенах. ИОРЯС, т. XXV, 1920.

— Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, вып. 1, 1930.

основе культурной и территориальной близости, в процессе укрепления связей и формирования родственных языков складывались в славянство в местностях, сравнительно отдаленных от морских побережий. Исключение представляла только Балтика. Анализ терминов, относящихся к обозначению понятия «море» в различных индоевропейских языках, свидетельствует о том, что слово «море» в глубокой древности означало: «большое пространство стоячей воды», «озеро», «болото». Поэтому оно отсутствует в индоиранских языках, в языках германских, где термин «зее» (See), собственно «море», сохранился (как, впрочем, и целый ряд других слов в германских языках) как реликт речи древнейшего, доиндоевропейского населения Европы.

В литовском языке, одном из балтийских языков, как известно, наиболее родственным славянским из всех индоевропейских языков, слово «море» означает устье реки, а собственно «море» носит название «юрья». Из этого следует, что процесс формирования индоевропейских языков (так сказать было бы правильнее, чем употребить обычное выражение «формирования индоевропейских народов») шел на начальной стадии где-то в основном в глубине континента, а не на берегах морей. Этому периоду в истории формирования индоевропейских языков соответствует термин «море» в своем древнейшем значении озера, болота. Мы можем датировать этот начальный период формирования палеоиндоевропейских языков III — началом II тысячелетия до н. э., когда, на основе развития скотоводства, на громадном пространстве от верховьев Дуная и Эльбы до Восточного Туркестана, к северу от Балкан, Черного и Каспийского морей, и к югу от Восточной Балтики, в бассейне Оки и Средней Волги, и далее на восток, включая Южный Казахстан и всю Среднюю Азию, на юг до Гиндукуша и Копетдага формируются культуры «степной бронзы», стадийно-хронологически и территориально связанные с образованием палеоиндоевропейских языков. Археологически — это время энеолита, первых металлических изделий, начало широкого распространения скотоводства.⁷

С течением времени большинство индоевропейских, и в том числе славянских племен, по рекам дошли до всех морей Европы и освоили их берега, а часть племен по суше вышла к побережью. В этот период слово «море» стало обозначать во всех почти без исключения индоевропейских языках «большое пространство (скопление) горько-соленых вод». Произошла одновременно и индоевропеизация древнейшего доиндоевропейского населения морских побережий. Происходило это тоже в очень отдаленные времена. О том, что уже в эпоху формирования славянских и балтийских языков, столь родственных территориально близким к ним славянским языкам, соседи славян — балтийцы уже жили на берегах Балтийского моря, говорит ряд данных. Литовцы до сих пор называют морем («юрья») маленькую речонку, некогда представлявшую собою устье Немана, и Krantas (крутой, обрывистый берег) выступ в Курском заливе от Клайпеды на юг, который, по мнению геологов, 5000–6000 лет тому назад представлял собой действительно берег моря.⁸ Анализ наименований рыб, водящихся в реках, впадающих в Балтийское море, в частности, «общность названий лосося, угря и миноги у ряда индоевропейских и финских языков указывает, что народы, говорившие на этих языках, с древнейших времен соприкасались между собой на берегах Балтийского моря». ⁹ Слово «море» в обозначении «большого

---

⁷ С. П. Толстов. Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, вып. 1, 1946, стр. 12. — Е. Ю. Кричевски и. Мезолит и неолит Европы. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК АН СССР, 1940, вып. 4, — М. И. Артемов. Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н. Я. Марра. Вестник Ленинградского университета, 1947, № 2.

⁸ А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений, СПб., 1901, стр. 7, 8.

⁹ Л. С. Берг. Названия рыб и этнические взаимоотношения славян. «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 71.

пространства горько-соленых вод», характерное для большинства индоевропейских языков, свидетельствует о том, что распространение индоевропейских языков вширь и ассимиляция ими смежных и родственных языков юга, запада и севера в этот период времени протекали в обстановке широкого использования племенами с индоевропейской речью природных богатств моря и морских побережий.

В болотах и лесах междуречья Рейна и Эльбы, в Ютландии, южной Скандинавии, на островах Балтийского моря долгое время сохранялись остатки папоноидных племен с древнейшей речью, характерной для палеоевропейцев эпохи, переходном от палеолита к неолиту (языки северо-восточного типа, по классификации С. П. Толстова), племен, еще в древности смешавшихся с пришельцами с берегов Атлантики, с племенами североиберийской культуры. Это архаическое автохтонное население только во второй половине I тысячелетия до н. э. подверглось индоевропеизации со стороны этнических элементов, распространявшихся с запада и юга (кельты), юга и востока (иллиро-фракийцы). Результатом поверхностной индоевропеизации и было образование германских языков.¹⁰ Следом доиндоевропейской речи предшественников германцев является неиндоевропейское слово *See* в обозначении моря.

В эпоху начального формирования индоевропейских языков, а тем более в период формирования языков древних славян, море было привычной стихией, и заселявшие берега морей индоевропейские племена, в том числе и те, которые в дальнейшем дали и славян и их ближайших сородичей и соседей — балтийцев, широко пользовались водными пространствами и для передвижения, и для поддержания жизни. Такие слова, как «море», «прилив», «отлив», «пучина», «лука», «залив», «пристань» и т. п., встречаются во всех славянских языках.¹¹ Общие слова, относящиеся к морю, являются следом не только культурных связей славянизирующихся племен древней Европы, но дают представление о самой культуре славян времен формирования древнейших славянских языков, о степени приобщенности их к мореходству и к жизни в прибрежной поморской полосе.¹²

Для нас не будет странным это поступательное движение славян к морям, если мы учтем, что древнейшие очаги этногенеза славян расположены в верховьях Эльбы (Лабы), Вислы, Днепра, Западной Двины, Оки, Волги, Днестра, Южного Буга. Всякие многочисленные и сильные племена, владеющие истоками рек, расселяются вниз по течению и стремятся к овладению их устьями и прилегающими к ним берегами моря. А славяне были именно такими могущественными и многочисленными племенами.

Необходимо подчеркнуть значение рек — дорог в истории славянства. Не случайно у южных славян «драга» (дорога) и по сей день означает путь вдоль воды, водоем, а у чехов канаву, ров, наполненный водой.¹³

Из всего сказанного вытекает, что река и море, вернее, сначала река, а затем и море, были освоены славянами в очень отдаленные времена. Конечно, между плаванием предков славян по рекам и озерам и плаванием по морям лежит промежуток во много тысяч лет. Люди научились форсировать водные преграды в виде рек и небольших озер еще в очень

---

¹⁰ С. П. Толстое, ук. соч., стр. 12, 13.

¹¹ А. Будилович. Первобытные славяне 8 их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Киев, 1878, ч. 1, стр. 25, 26, 281, 282.

¹² М. И Артамонов, ук. соч., стр. 105.

¹³ Н. П. Загоскин. Русские водные пут и судовое дело в до-Пс1-ровской России. Казань, 1910, стр 31

отдаленные времена, и это искусство было известно еще предшественникам славян, в то время как морские плавания, точнее, плавания вдоль берегов, стали столь обычными уже у собственно славян. Пересекать открытое море научились, конечно, еще позднее, уже на памяти авторов первых письменных источников, во времена антов.

Я отнюдь не собираюсь касаться всей проблемы антов в целом и полагаю, что сделанное в этом направлении дает мне право заняться только одной из особенностей социальной жизни и политической истории антов, как именуют восточных славян источники VI–VII вв., сохраняя наименование «славяне» за южными и западными славянами.¹⁴

Это был тот период в истории восточных славян, да и в истории славян вообще, когда они в процессе освоения новых земель и расширения заселенной ими территории, столкнулись с могущественной Византийской империей, стремившейся, в свою очередь, подчинить своему влиянию многочисленные и свободолюбивые племена славян и антов, превратить их в своих подданных, в рабов. В борьбе с Восточной Римской империей анты объединялись в племенные союзы. Эта борьба делала их воинственными и опасными врагами «ромеев» и вполне естественно в византийских источниках VI–VII в.в. анты выступают именно с этими качествами. Кроме того, следует подчеркнуть, что авторов византийских источников, говорящих об антах, интересовали именно эти качества соседей Империи.

Анты вышли на сцену мировой истории из своих дремучих лесов и степей как воинственный, храбрый и свободолюбивый народ.

«Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище». «Их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране», — говорит об антах Маврикий.

Вооруженные небольшими копьями, луками и стрелами, иногда с ядовитыми наконечниками, мечами и прочными, тяжелыми щитами, анты были опасными врагами. В густых лесах, обрывах, ущельях поджидали они своих противников и внезапно с криком нападали на них из засады. Днем и ночью, используя знание местности, прибегая к различного рода хитростям, анты нападали на врагов, изобретая всевозможные способы боя. Анты умело переправлялись через реки, «превосходя в этом отношении всех людей» (Маврикий).

Застигнутые врасплох, анты укрывались в камышах и, опустившись у берега на дно реки или озера, дышали через выдолбленные камышины, часами выдерживая пребывание в воде и укрываясь от глаз врага.

Когда враг внезапно нападал на антов в походе, они устраивали укрепление из телег, как это делали русские во времена походов в глубь степей на половцев. Такой круг, составленный из сдвинутых телег, напоминавший казацкий табор, был неприступен для неприятеля. Меткие стрелы и метательные копья антов держали врага на почтительном расстоянии от боевого стана антов.

В походах и войнах славяне и анты учились военному искусству, и настало время, когда изумившие своей доблестью Прокопия анты «научились вести войну лучше, чем римляне» (Иоанн Эфесский).¹⁵ Немудрено, что «они стали богаты, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия». ¹⁶

---

¹⁴ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. «Вестник древней истории», 1939 № 1, — Б. Д. Греков. Киевская Русь М — Л, 1944; — Борьба Руси за создание своего государства, 1943. — П. П. Третьяков. Анты и Русь. (Советская этнография), 1947, № 4. — В. В. Мавродии. Образование древнерусского государства. Л., 1946.

¹⁵ Прокоп и Готская война. — Иоанн Эфесский. Церковная история. «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 238, 252,

¹⁶ Иоанн Эфесский, ук. соч., стр. 252.

Византийцы высоко оценивали военное искусство антов, умевших воевать в самых трудных условиях, в горах, ущельях, лесах и болотах, стойких, мужественных, искусно использовавших местность, предприимчивых и смелых в бою, «доблестных» и «энергичных» (Прокопий). Маврикий посвятил искусству войны со славянами и актами целый ряд разделов своего «Стратегикона», а это свидетельствует о том, что Византия считала их опасными врагами.

Иордан называет антов «храбрейшими из них» (славян). Высоко расценивал боевые качества своих противников император Юстиниан. Фредегар говорит о том, что авары всегда ставили в первых рядах славянских воинов, как самых сильных и храбрых.

Походы антов, приводившие к обогащению антских дружин и их вождей, способствовали укреплению «развивающейся из родового строя военной демократии», «военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни» (Фр. Энгельс), «демократии» потому, что перед нами вооруженный народ, управляющийся народным собранием, советом старейшин и вождей и высшим военачальником, еще не знающий не только власти, противопоставляющей себя народу, но даже отделенной от него.

С течением времени успешные «... войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных начальников; соответствующее обычаю избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особенности со времени установления отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сперва терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют.». ¹⁷ Так зарождаются первые примитивные формы государственной власти, обусловленные имущественным неравенством и развитием рабства.

Война и народоправство («демократия») — эти две особенности общественной жизни антов отмечают и писатели древности.

Дружины антов не были отрядами профессионалов-воинов, как это имело место позднее, в Киевской Руси. Вооружены были все мужчины, и почти все вооруженные мужчины принимали участие в обороне своей земли и даже в далеких походах на Византию.

Маврикий, рассказывая о военных хитростях антов, говорит, что, при внезапном нападении на них, «некоторые из числа остающихся дома», спасаются, прибегая к погружению на дно реки у прибрежных камышей, так как поселения антов «расположены вдоль рек...». ¹⁸ Уходят в поход не все, но пес же дружины антов — это вооруженный народ. ¹⁹ В комплектовании дружин сохраняется архаический обычай по возрастному принципу. Тот же Маврикий, хорошо знавший славян и антов, говорит об особенно опасных для «ромеев» внезапных нападениях из засад «легковооруженной молодежи». ²⁰ Пережитки этого явления бытуют еще в Киевской Руси в виде «старшей» и «моложе дружины».

Все эти качества антов и привели к тому, что они вошли в историю как храбрый, воинственный и свободолюбивый народ. И не случайно, хорошо знавший антов, Прокопий говорит, что, несмотря на их «грубый, без удобств» образ жизни, они «по существу неплохие

---

¹⁷ Фр. Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства», К. Маркс и Ф. Энгельс, избранные произведения т. II, М. 1948, стр. 296–297.

¹⁸ Маврикий. Стратегикон. «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 256.

¹⁹ Маврикий, ук... соч., стр. 256.

²⁰ Там же.

люди и совсем не злобные». ²¹

Их социальный строй — «военная демократия», «славное варварство» (К. Маркс), их нравы и обычаи: мужество, верность, гостеприимство, свободолюбие заставляли даже врагов отмечать положительные качества антов.

Вот то немного из жизни антов, что я хотел бы напомнить читателю, переходя к вопросу о начале мореходства у восточных славян.

Подобно тому, как политическую историю восточных славян мы начинаем со времен антов, с IV в. н. э., так и выход восточного славянства на безбрежные просторы морей следует связывать не с событиями IX в., а с явлениями общественной и политической жизни восточной ветви славян гораздо более раннего времени, во всяком случае антской поры.

К сожалению, по отношению к этому периоду времени мы не располагаем ни таким бесценным источником, как наши летописи, ни таким обильным фондом письменных источников византийского, восточного и западноевропейского происхождения, каковой дает нам возможность реконструировать историю Киевской Руси.

Прямых указаний на морские походы антов, хотя бы в какой-либо мере напоминающих походы на Византию Олега, Игоря и Ярослава, в источниках мы не обнаруживаем, да и вообще нет прямых и точных указаний на морские походы антов.

Но когда нет прямых указаний, на сцену выступают косвенные, подчас не менее ценные, нежели первые. Я и ставлю своей задачей их разыскать, подобрать и попытаться сделать определенные выводы.

Нам хорошо известны плавания по морям и морские походы славян. ²² Нам известны плавания славян по Адриатическому морю, славянскому Ядру, на берегах которого возникла «славянская Венеция» — Дубровник. Мы хорошо знаем плавания славян по южным морям и островам Греческого архипелага, когда в начале VII в. они на своих лодках-однодеревках (моноксилах) начали бороздить воды Черного, Мраморного, Эгейского, Средиземного и Адриатического морей, и силу их ударов познали Эпир и Ахайя, Малая Азия и Апулия, Крит и Солунь, Киклады и Иллирия. ²³

Довольно много сведений о действиях славян в восточной части Средиземного моря, у берегов Греции и Малой Азии мы находим в «Житии святого Дмитрия Солу некого». ²⁴ Не приходится уже говорить о западных славянах, заселявших все побережье Балтийского моря от Старгарда в земле вагров, у самых границ Дании, и до древнего Коданского залива, где был основан польский Гданск.

Поморские славяне были такими же хозяевами Балтийского моря, как и «дони» (датчане) и «свей» (шведы). Смелые мореходы, они пробрались даже к берегам Англии, где были основаны славянские поселения.

Но вернемся к южным морям, омывающим земли Византийской империи. Активность славян на море была обусловлена тем, что это был период наступления славянства на одряхлевшую Византийскую империю.

Указывая на то, что в VI в. поступательное движение германцев приостановилось, Фр. Энгельс отмечает, что «... речь идет о германцах, но не о славянах, которые и после них еще долгое время находились в движении. Это были подлинные переселения народов. Целые народности или, по крайней мере, значительные их части отправлялись в дорогу с женами и

---

²¹ Прокопий, ук. соч, стр 237.

²² Имеются в виду южные и западные славяне

²³ В. И. Ламанский. О славянах в Малой Азии, а Африке и в Испании, СПб., 1859, стр. 16, 17 и др.

²⁴ Чтения в Московском обществе истории и древностей российских, 1348, вып. 6, стр. 19.

детьми со всем своим имуществом».²⁵

Несколькими потоками славяне вступили в пределы империи «ромеев». Один из этих потоков, самый восточный, направлялся вдоль берегов Черного моря к низовьям Дуная и за Дунай.

Это были анты — юго-западная ветвь восточных славян, достигшая в IV–VII вв. очень высокой стадии развития общественного строя и политической жизни, очень высокого уровня материальной и духовной культуры. И мне кажется достойным внимания впервые высказанное Б. А. Рыбаковым предположение, что среди упоминаемых источниками морских походов славян мы можем усматривать походы и антов.²⁶ Конечно, участие антов в походах на Киклады и Иллирию, Малую Азию и Крит, Апулию и Солунь надо еще доказать, а не утверждать его как аксиому, как бы это ни было соблазнительно. Но мы располагаем достоверными источниками, дающими нам право не предполагать, а утверждать участие восточно-славянских племен в морских походах славян VII в. В рукописях церковного музея грузинского духовенства в Тбилиси хранились рукописи, посвященные осаде Константинополя в 626 г. (№№ 5, 140, 162, 272, 347, 471, 500, 518 и 674).

Издатель рукописей М. Г. Джанашвили снабдил их следующим заголовком, взятым из текста: «Осада Константинополя скифами, кои суть русские». и избрал пространную редакцию сказания (№ 500 и 471). Автором рукописи считается Георгий Мтацминдели, грузинский монах из княжеской семьи. Время написания рукописи — 1042 г. Рукопись представляет собой, повидимому, перевод с греческого языка.

В ней повествуется о том, как «. на восьмой год царствования Фоки вступил на престол Ираклий, по выбору всех князей и народа. Страна была многократно сокрушена персами и скифами, кои суть русские. Хаган — скиф наполнил свои лодки-моноксилы воинами, сам тоже взял множество воинов и, вооружившись, атаковал город со стороны суши, желая разрушить укрепления города стенобитными машинами, поставленными против городских стен. Сообщение с морем он считал обеспеченным, так как на лодках имел множество ратников.». Автор рукописи сообщает, что «все море вокруг города наполнилось вражескими лодками, каждая из которых выдолблена была из одного цельного длинного дерева и которая на их варварском языке называлась «моноксвилло» (ошибочно, след. читать «на греческом языке». — *В. М.*).

Далее в рукописи говорится о том, что русские, неоднократно предпринимавшие штурм городских укреплений, после битвы предавали трупы своих павших воинов огню, как требовал того их обычай (этим самым они предавали их «вечно огню»).²⁷

Это указание имеет громадную ценность, так как, это мы увидим дальше, позволяет точно определить этническую принадлежность «скифов», осаждавших Константинополь, даже независимо от его прямого указания на то, что они «русские».

Нам известен ряд греческих источников (Анастасий, Зонара, Кедрин, Феофан, Никифор, Пасхальная хроника), повествующих об осаде Константинополя в 626 г. славянами и аварами.

Можно было бы предположить, что славян греческой рукописи грузинский переписчик заменил хорошо известными ему славянами — русскими, что место славян у Георгия Мтацминдели заняли их родичи — русские, именуемые греками по старой традиции

---

²⁵ К. Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 344.

²⁶ Б. А. Рыбаков ук. соч., стр. 335.

²⁷ М. Г. Джанашвили. К материалам по истории и древностям ии и России. Тифлис, 1912, стр. 117, 124. — Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 27. 1900, стр. I–V, 1–43,

тавроскифами, а то и скифами (напр. Лев Диакон) и что по аналогии с нападениями русских на Царьград в IX–X вв. грузинский монах в своей хронике тоже считает русских участниками осады Константинополя в 626 г. Действительно, через год после окончания рукописи Георгия Мтацминдели, в 1043 г. русские воины Владимира Ярославича снова появились у стен столицы Византии.

Но рассказ грузинской рукописи не анахронизм. Даже если предположить, что в одной части грузинской рукописи термин «русские» появился по аналогии с событиями IX–X вв., то и в этом случае рукопись Георгия Мтацминдели дает нам драгоценное указание на реальное участие восточных славян в осаде Константинополя в 626 г.

Нет никакого сомнения в том, что погребальный обычай варваров-скифов, сжигавших своих покойников, летописцем-грузином не был придуман, а был взят из греческого оригинала.

Указание на сжигание трупов «скифами» свидетельствует о том, что в осаде Константинополя в 626 г. принимали участие восточные славяне, даже точнее, восточные славяне из северной лесной полосы Восточной Европы, так как среди них безраздельно господствовал обряд трупосожжения, тогда как южные их соплеменники — тоже славяне, почти исключительно предавали своих покойников земле.²⁸

К берегам Черного моря анты вышли очень давно. Потомки и преемники населения древнего Причерноморья славяне полностью восприняли стремление на юг, к морю и за море, от своих предков времен великого переселения народов и еще более далеких, когда они скрывались под широко известным названием скифов и уже были связаны с античным миром.

К их услугам были те же водные артерии — Днепр, Буг и Днестр, которые позже открыли путь в море русским людям далекого будущего, в то море, которое бороздили однодеревки **Олега** и **Игоря** в X в. подобно тому, как это делали их предки мореходы-анты, в то море, которое арабы называли «Русским».

Трудно переоценить значение рек в истории русского народа. «Река — великий фактор в истории».²⁹

«Реки — божьи дороги» — говорили люди средневековья, подчеркивая, что эти мощные водные артерии не разъединяют, а объединяют людей. На берегах рек возникали и расцветали древние славянские города, реки издавна были бойкими «путями-дорогами» для русского человека, реки объединяли «словенск язык на Руси». Так было и в стародавние времена, во времена актов.

«Неудивительно после этого, что русский человек особенно любовно относился к реке, как к своей кормилице и наставнице. Она не только снабжала его большую часть года рыбой, но в половодье оплодотворяла его поля, медлительного землероба или угрюмого лесовика она быстро превращала в ловкого и предприимчивого водоходца. Ко всему этому необходимо прибавить, что наши реки, имеющие, сравнительно с западноевропейскими, весьма малое падение и значительно более спокойные паводки, как бы созданы для направления населения обширной равнины к морю. Племена, сидящие на верховьях рек, обыкновенно, силою обстоятельств, вынуждаются к овладению и их устьями. Таким путем нередко возникает и мореходство. На первых порах люди, очутившись на берегу моря, приходят в ужас от созерцания грозной и таинственной стихии; затем понемногу осваиваются с нею, и вот речное судоходство переносится сначала на взморье, а после и в открытое море».³⁰ К этим взглядам Е. Аренса трудно не присоединиться.

---

²⁸ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 104.

²⁹ Е. Арене, ук. соч., стр. 4.

³⁰ Е. Арене, уж, соч., стр. 5, 6.

Карл Маркс в своей работе, посвященной истории секретной дипломатии в XVIII веке, говоря о войнах Петра I за овладение устьями русских рек Дона, Днепра, Буга, Западной Двины и за побережья морей, подчеркивает, что эта борьба была естественной, определялась самой конфигурацией России, и в процессе этих войн, порвав с традиционной политикой московских государей, стремившихся к завоеванию суши, Петр I в соответствии со способностями и тенденциями «великой рус-ской расы» «завладел всем тем, что было абсолютно необходимо для естественного развития его страны».³¹

Реки, игравшие столь большую роль в Киевской Руси, в Московском государстве и в Российской империи как средство сообщения, как путь к морю, во времена антов имели не меньшее значение. И обитая от Среднего Днепра и «оли до моря», как много времени спустя их потомки — уличи и тиверцы, все время идя, волна за волной, на штурм твердынь Византийской империи и прорываясь через укрепления, возведенные вдоль «голубого Дуная», не теряя из виду вод Черного моря, анты не могли не прибегнуть к морским плаваниям, как к средству передвижения и нападения. Моря в период средневековья были такими же «божьиими дорогами», как и реки.

И что это действительно было так, можно судить по тому, что Византия, располагавшая достаточным количеством умелых полководцев и искусных флотоводцев, ценя в антах их воинскую доблесть, их знание военного дела и навыки, приглашала антов к себе на службу и поручала им высокие должности не только в сухопутном войске, но и во флоте.

Наряду с актами Анангастом, командовавшим фракийскими войсками Византии в 469 г., Хвалибудом, начальствовавшим над всеми византийскими гарнизонами по Дунаю в 30-х годах VI в., Всегордом, занимавшим высокий пост в войске «ромеев», мы встречаем анта Доброгаста в качестве командующего византийской Черноморской эскадрой.

Такой пост мог быть предложен только знающему и опытному моряку, а это предполагает какие-то мореходные традиции у антов.

Нам известен, например, поход аптекой дружины в 300 человек в качестве союзников Византии и в составе византийского войска в Италию, в Луканию.

В этой войне анты сражались в гористых и трудных местах, но путь в Луканию они проделали по морю и, быть может, не на византийских кораблях, а на своих судах. Это первый известный нам из источников поход восточнославянских воинов «за море».³²

Для восточных славян, точнее, для юго-западной ветви восточных славян — антов Днепр стал дорогой в море еще в очень давние времена.

Нельзя обойти молчанием одну особенность, которая обращает на себя внимание при рассмотрении славянских названий Днепровских порогов у Константина Багрянородного. Все эти славянские наименования: «Островунипраг», «Вульнипраг», «Ессупи», «Веручи», «Напрези», «Неясыть» вряд ли являются словами, характерными для восточнославянских языков IX–X вв., т. е. для речи русских людей — современников Константина Багрянородного. В них нет ни древневосточно-славянского полногласия (вместо слова «порог», свойственного восточнославянским языкам, мы имеем слово «праг», характерное для южных славян, в частности — болгар), ни смыслового соответствия («неясыть» у восточных славян не пеликан, а род совы).³³

---

³¹ К. Маркс, «Secret diplomatic history of the eighteenth century». 1899, гл. VI, стр. 88.

³² Прокопий Кесарийский. Готская война. «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 238.

³³ Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Изв. ГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 9, 54, 56. — С. В. Юшко». К вопросу о происхождении Русского Государства. Ученые записки Московского юридического института, т. II, 1940, стр. 47. — Ф. П. Филин. Очерки истории русского языка до XIV столетия. Ученые записки Пед. инст. им. Герцена, т. XXVII.

Нет никакого сомнения в том, что эти названия были даны Днепровским порогам не восточными славянами киевских времен, а их далекими предками антской поры, не дружинниками **Олега** и Игоря, а воинами Божа, Идара, Межамира, Доброгаста, той поры, когда антские поселения достигали нижнего течения Днепра и здесь, на юге, у низовьев Дуная, они соседнили с южными славянами и, более того, эти последние сами были выходцами из лесов далекого севера, только ранее антов проникшими на юг, к Дунаю и за Дунай. Не случайно некоторые названия Днепровских порогов могут быть объяснены из языка южных славян — болгар. Мне кажется, что южная группа антских племен имела много общего в языке со своими соседями — южными славянами, в частности — с болгарами. Они вместе составили первую (и основную) волну славянских вторжений и переселений в пределы Восточной Римской империи. По-видимому, южная группа среднеднепровских антов (так же, как и юго-западная) не знала еще полногласия, хотя оно и являлось очень древней особенностью русских языков. Поэтому-то они называли Днепровские пороги «прагами» так же, как это сделали бы сами болгары, если бы они часто ездили по Днепру. А это исключено. Значит, таким образом, названия Днепровских порогов древнего происхождения и своим появлением они обязаны юго-западной ветви восточных славян — антам.

Но быть может информатором Константина Багрянородного был болгарин или грек, хорошо знавший болгарский язык, человек бывалый, неплохо представлявший себе и днепровский путь, и Константинополь, и поэтому сравнивавший порог Ессупи с циканистирием, а Крарийскую переправу с ипподромом?

Может быть, но кем бы он ни был, этот информатор византийского императора, так интересовавшегося далекой Русью, во всяком случае он передавал названия порогов так, как звучали они в произношении русских людей юга, в южнорусских диалектах.

Незнающее полногласия и поэтому напоминающее южнославянское, произношение слова «праг» сочеталось с нехарактерным для южнославянских языков, в частности, для болгарского, и в то же самое время с характерным уже с древнейших времен для юга Руси фрикативным «г» («праһ», «прах»).

Следовательно, славянские названия Днепровских порогов не конкретно болгарские, а древне-южно-восточнославянские, т. е. антские, тех времен, когда зародившееся на севере восточнославянское полногласие не было еще характерным и для южной, среднеднепровской группы восточных славян.

Придя к такому выводу, мы должны сделать и еще одно заключение, а именно о древности днепровского водного пути, по которому плыли в Черное море однопоречья антов. Если даже в X в. в названиях днепровских порогов в изложении византийского императора звучала еще речь антов (как звучала речь киевских русских в названиях днепровских порогов во времена Сулимы и Сагайдачного), то, следовательно, некогда этот путь был известным и оживленным, а по правому берегу его, «оли до моря», обитали далекие потомки тех, кто во времена Доброгаста плыл по Днепру в Черное море, преодолевая бурные и опасные «праги».

История антов — первая глава в истории великого русского народа. И неясные предания об этой поро, быть может, дожили и до киевских времен.

Рассказ нашей летописи о Кие, который «княжаше в роде своем, и приходившу ему ко царю, якоже сказаютъ, яко велику честь приѣхъ отъ царя, при которомъ приходивъ цари; идущю же ему вспять, приѣхъ к Дунаеву, и възлюбѣ место, и срубѣ градокъ мал, и хотяше сести с родомъ своимъ, и не даши ему ту близъ живущий; еже и донѣче наричють Дунайцы городище Киевецъ», ³⁴ не является ли эпическим отзвуком походов антов на Византию?

---

³⁴ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, СПб., 1910, стр.9.

Летописец путался и сбивался в рассказах о Кие, который то выступал в качестве перевозчика, то оказывался державным владетелем. Но по аналогии с походами Олега, Игоря и Святослава на Византию он принимал версию о Кие князе, так как она больше соответствовала его представлению о взаимоотношениях Киева с Византией. Летописец рассказывает не о походе на Византию, а о попытке Кия поселиться на Дунае, где он, как позднее Святослав в Переяславце, пытался осесть в Киевце. Не является ли это предание не только попыткой дружинников Киевской Руси осмыслить название Киевца на Дунае, исходя из его среднеднепровского двойника, и связывать его основание с эпическим Кием, но и каким-то воспоминанием о стародавних временах, когда приднепровские племена вместе со своими вождями переселялись на Дунай, «срубали» городки, осваивали византийские земли, вели переговоры с «цесарями» Восточной Римской империи, воевали с соседями за обладание присоединенными землями, возвращались обратно в Приднепровье, на берега Днепра-Славутича, т. е. о временах антов?

О том, что в рассказах о Кие есть крупница истины, свидетельствуют раскопки М. К. Каргера.

Летопись рассказывает о том, как «Седяше Кый на горе идеже ныне увоз Боричев, а Щек седяше на горе, идеже ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от негоже про-звася Хоривица». ³⁵

Как показали раскопки М. К. Каргера, на месте Киева существовали вплоть до конца X в. (когда они слились) три древнейшие поселения, возникшие еще до нашей эры. ³⁶

Я позволил себе сослаться на сугубо сухопутные раскопки М. К. Каргера потому, что в них я нахожу подтверждение одного из мотивов легенды о Кие, а раз так, она перестает быть для меня только домислом, чистой фантазией и превращается в опозитизированную народом, облеченную им в форму легенды какую-то историческую истину.

Нам известны переговоры императора Юстиниана с антами о поселении их в городе Туррисе. Нам известны походы и переселения антов в земли «ромеев». Во время одного из таких походов мог возникнуть летописный Киевце.

И Кий и другие «риксы» антов могли совершать свои поездки в Константинополь тем же морским путем, каким русские ездили в Царьград или ходили походом на него в IX–XI вв. И в этой связи вряд ли стоит считать, что раз и навсегда покончено с попыткой трактовать одно место у Феофана как указание на русские суда.

Феофан сообщает, что когда в 173 г. византийский император Константин Копроним отправился в морской поход на болгар, то, собираясь плыть по Дунаю, он сам сел на «русские суда».

Так как считалось, что ни о каких русских и ни о каких русских судах на Дунае в VIII в. не могло быть и речи, то в конце концов пришли к выводу, что речь идет о «красных судах». ³⁷

Обычная аргументация противников признания в «persist русских судов, на первый взгляд, кажется довольно основательной. Говорят, что византийцы русских называли «'рсоо» и никогда не именовали их «роиз».

Это неверно. Константин Багрянородный говорит о «ο^toc. tow 'Pdomicov», а его современник Лиутпранд употребляет термин «Ttfissii», заимствованный им, как он сам

---

³⁵ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, СПб., 1910, стр. 8.

³⁶ М. К. Каргер. Дофеодалный период Киева по археологическим данным. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, т. I, 1939, стр. 9, 10.

³⁷ М. С. Грушевский. История Украины — РУСИ. 1913, т. I, стр. 564.— Б. Дорн. Каспий. СПб., 1875, стр. 359–374.

указывает, у греков. Я не пытаюсь утверждать, что у Феофана речь идет именно о русских, славянских судах, но в свете всего вышесказанного утверждать обратное только на том основании, что в конце VIII в. русские мореходы на Дунае — это нечто немыслимое, ни в коем случае нельзя.

Мы собрали и отдали на суд читателя все косвенные указания на мореходство у антов. Косвенные потому, что прямых указаний в источниках не встречается.

Приведенный материал дает нам возможность говорить о том, что водная стихия не была чуждой для антов, и морские походы во времена антов были столь же обычным явлением, как и во времена Киевской Руси. И если говорить о предшественниках киевских руссов-мореходов, чьи традиции передавались воинам Олега и Игоря, Владимира и Ярослава, то ими, этими учителями и предшественниками, были не жители «островов» далекого «северного моря», как называли в Византии норманнов, а анты — далекие предки русских киевских времен.

Письменная традиция не связывает непосредственно антов с русскими. С 602 г. прекращаются сообщения об актах. А первые сведения о русских, наиболее ранние, восходят лишь к концу VIII — началу IX вв.³⁸

Чем же был заполнен этот период времени, чем был обусловлен разрыв между историей антов и историей Руси так, как он выступает в письменных источниках?

Итак, с самого начала VII в. исчезают упоминания об антах. В то же самое время наблюдается известный упадок культуры в среднем Приднепровье, важнейшем очаге культуры антов.

Отмечаемый упадок культуры в среднем Приднепровье (появление городищ-поселений родовых общин, примитивного и грубого инвентаря, замена посуды, изготовленной на гончарном круге, лепленной от руки, и т. п.) и известное его запустение являются результатом опустошительных набегов кочевников (аваров) и передвижения части антских племен во главе со своими «риксами» на юго-запад, в пределы обширной, богатой, могущественной Византийской империи.

С севера, в район среднего Приднепровья, на оба берега Днепра, в это же время (VIII–IX вв.) передвигаются лесные, более отсталые славянские племена, с более архаичной культурой. Этим и объясняется упадок среднего Приднепровья в тот период.

Продвижение лесных, северных отсталых славянских племен на юг объясняется: 1) их стремлением обосноваться на более плодородных землях Среднего Днепра, на землях лесостепной полосы, что обусловлено было ростом значения земледелия в их хозяйственном быте, и 2) естественной для эпохи варварства тягой к военной добыче, которую сулили города и земли юга, в частности, Византии,

Все это и побуждало лесные восточнославянские племена двинуться из своих пущ на юг, в лесостепную и степную, причерноморскую полосу.

Но здесь, в среднем Приднепровье, эти лесные северные славянские племена не встретили лишенную жизни пустыню. Древнее антское население продолжало обитать на старых местах, населяло Киев и прилегающие области, ставшие такими же центрами восточного славянства IX–X вв., какими они были в период антов.

Своим отсталым северным сородичам, на которых они начинают оказывать влияние еще с середины I тысячелетия н. э., анты передали свои культурно-бытовые особенности, свой социальный строй, исторические традиции, свои древние и постоянные связи с Византией. Поэтому тот строй «военной демократии», который существовал у антов столетия, был быстро пройден северными русскими племенами, передвинувшимися в среднее Приднепровье и здесь смешавшимися со своими стоящими на грани цивилизации

---

³⁸ Исключение представляет приведенная выше рукопись Георгия Мтацминдели

южными соплеменниками. И среднее Приднестровье в течение одного-двух столетий проходит этап «военной демократии», дофеодалный период, и вступает в эпоху феодализма.

Развитие военных сил Руси к концу VIII в. и к началу IX в. было, с одной стороны, выражением высшего расцвета варварства; Русь стояла на грани цивилизации, у порога феодального общества, у истоков государства, а новые силы, проявившиеся в историческом развитии славянства среднего Приднестровья и других областей Руси, создавали явления, напоминавшие основные характерные особенности среднего Приднестровья антских времен (варварская знать, завоевательные походы, межплеменные политические объединения); они приобретали новое, более совершенное, стадийно более высокое качество и действовали более интенсивно и быстро и на несравненно более обширной территории.

Варварство антских племен отличалось от варварства собственно уже русских племен прежде всего тем, что последнее было более совершенным; в нем элементы классов были более развиты, что объяснялось, во-первых, в известной мере и подготовкой всех этих явлений в предшествующую антскую эпоху и столетиями последующей исторической эволюции древнерусского общества, а во-вторых — несравненно более обширной территорией, на которой шел процесс создания варварского, а впоследствии, в непродолжительном времени, феодального общества и государства. Варварское общество антских племен было создано на территории Среднего Приднестровья и в областях, прилегающих к нему с запада и, главным образом, с юго-запада; варварское общество русских племен, предтеча феодальной Киевской Руси Ярославичей и Владимира Мономаха, сложилось на огромной территории от Ладоги до Руси, от Оки до Карпат и имело не один, а целый ряд политических центров.

С другой стороны, это развитие Руси на грани VIII и IX вв. не могло не вылиться в целый шквал героических походов русских воинов, отстаивавших право Руси на море. И первыми походами Руси, возвестившими о выходе русских на широкие просторы мировой истории, были именно морские походы.

Одним из первых выступлений варварской Руси было нападение русов на Сурож. «Прииде рать велика роускаа из Нова-града князь Бравлин силен зело. Плени от Корсоуна и до Корча. С многою силою прииде к Соурожу. За 10 дньий вниде Бравлин, силою изломив железнаа врата и вниде в град...». ³⁹Так сообщает о военном походе русских дружин на Крымское побережье от Херсонеса до Керчи «Житие Стефана Сурожского», памятник, датируемый самым началом IX в., а быть может, даже концом VIII в. Следовательно, и поход русов на Крым следует отнести к этому же времени. ⁴⁰

Через некоторое время русы предпринимают новый поход на византийские владения. На этот раз нападению подверглось малоазийское побережье Черного моря, от Пропонтиды и до Синопа. Здесь, на побережье Черного моря, у современного Синопа лежал город Амастрида (Амассер). Он и подвергся нападению со стороны русов.

В первой половине IX в. и во всяком случае не позже 842 г., согласно представляющему огромный интерес и исключительную научную ценность «Житию Георгия Амастридского», византийские владения в Малой Азии, лежавшие вдоль побережья Черного моря, подверглись нападению со стороны русских. «Житие» отразило впечатление, произведенное «нашествием. Руси». Автор его, сообщая о русских много небылиц, навеянных их успешным походом, подчеркивает, что русские — этот, «как все знают», «губительный на деле и по имени народ», начав свои успешные военные действия «от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достигли, наконец, и до отечества святого.

---

³⁹ В. Г. Васильевский. Труды, 1913, т. III, стр. 95,

⁴⁰ Там же.

(Амастриды, — В. М.)»⁴¹

Так говорит о новом походе русов на византийские владения «Житие Георгия Амастридского».

Впечатление, произведенное этими походами русских дружин на Византию, было огромное. Русские в византийских источниках выступили со всеми качествами, присущими «страшным» для «ромеев» варварам; они воинственны, храбры. Их появление вызывает панику, им сопутствует успех. Они проникают в земли империи. Они уже успели создать о себе славу грозных врагов, воинственных и выносливых, бесстрашных и неприхотливых. Даже греческие писатели вынуждены были признать превосходные боевые качества русских воинов.

О Руси знают, о ней говорят, ее боятся. «Как все знают» — эта фраза в «Житии Георгия Амастридского» свидетельствует о том, что во время его составления, во второй четверти IX в., Русь была «ведома и слышима» в Византии, а это говорит о давнем знакомстве империи со своими северными соседями.

Вряд ли этими двумя походами на Крым и Малоазиатское побережье Черного моря исчерпывались походы русских дружин на византийские владения.

В «Прологе» сохранилось в «Житии преподобной Афанасии» упоминание о нападении Руси на остров Эгину. Это «Житие» читал уже в X в. Метафраст. Значит, нападение Руси на остров Эгину имело место до X в. Но можно дать и более точную дату похода русских дружин, а именно 813 г., так как из «Жития» следует, что в год нападения Руси пришло «царево внезапное... повеление вдати веляющее юные вдовы за оружники своя», а закон о выдаче молодых вдов замуж за воинов был опубликован византийским императором Михаилом в 813 г.⁴² Так ознаменовала свой выход на арену мировой истории Русская земля, так в Византии «нача ся прозывати Руская земля».⁴³

В Византии узнали о русских потому, что их храбрые дружины с мечом в руках отстаивали свои права на морское побережье и на самое Черное море, Русь в это же время хорошо знали и на Востоке. В 40-х гг. IX в. Ибн-Хордэбех пишет, как о чем-то обычном и давно установившемся, о «пути купцов Русов, а они принадлежат к славянам» по Черному морю в Византию («Рум»), по Дону и Волге в Хазарию и далее в Каспий.

В эти же годы Русь стала известна и странам Запада. И это произошло потому, что Русь не «дикий и грубый» народ, как характеризуют его испуганные «ромеи», которые готовы были наградить воинственную Русь какими угодно чудовищными чертами, а народ, создающий свое государство, и, следовательно, прибегающий к дипломатическим переговорам и соглашениям.

И в такой именно связи и стоит первое упоминание о государстве русского народа.

Какие-то варварские межплеменные политические полугосударственные образования имели место и до этого. И быть может, таким образованием и была та область, из которой вышел в поход на Херсонес, Сурож и Керчь князь русский Бравлин «Жития Стефана Сурожского», первый известный нам по имени (я отбрасываю вариант «бранлив» в смысле «воинственный») политический деятель древней Руси. Этой областью был Новгород, и не «ISteapolis» — Сатарха, древний скифский город в Крыму, а самый настоящий русский Новгород, центр «Славии» арабских источников IX–X вв., Новгород на Волхове, второй

---

⁴¹ Там же, стр. 64.

⁴² М. Слабченко. Проложное сообщение о предлетописной Руси «Исторический журнал», 1942, № 7, стр. 129.

⁴³ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. 1910, стр. 17

центр древней Руси мусульманских писателей. И обычные возражения против данного предположения, строящиеся на том, что новгородскому князю до Сурожа далеко, да и как он мог попасть в Крым, когда еще не проторена была дорога даже в Киев, что сделают лишь Аскольд и Дир, отпадают, так как великий водный путь из «варяг в греки» уже начал складываться, уже установились киевско-новгородские связи, прослеживаемые по вещественным памятникам, а именно кладам монет, а это не могло не привести к естественной тяге «восточных варваров к восточному Риму» (К. Маркс), а следовательно, к походам русских дружин на византийские владения.

И если переход Аскольда и Дира из Новгорода в Киев не вызывает у скептиков сомнений, не вызывает даже сомнений поход аскольдовых дружин на Византию, то почему надо отказать в этой возможности Бравлину?

«Житие Стефана Сурожского» в этой своей части, как показали труды В. Г. Васильевского, — памятник, не менее правдивый и ценный, нежели наши древнейшие летописные своды.

Высказанное выше — лишь предположение, хотя и строящееся на основании такого ценного источника, как «Житие Стефана Сурожского».

Но в 30-х годах IX в. появляется уже весьма обстоятельное известие о древнерусском государстве.

В Бертинских анналах под 839 г. мы читаем рассказ о том, как император Людовик I Благочестивый принимал послов византийского императора Феофила, халкидонского епископа — митрополита Феодосия и спафария Феофания. Это было 18 мая 839 г. в городе Ингльсгейме.

«Послал он (Феофил, — В. М.) с ними (послами, — В. М.) также неких (людей), которые говорили, что их, то есть их народ, зовут Рос (Rhos), и которых, как они говорили, царь их, по имени Хакан (Chacanus, —), отправил к нему (Феофилу) ради дружбы. В упомянутом письме (Феофил) просил, чтобы император милостиво дал им возможность воротиться (в свою страну) и охрану по всей империи, так как пути, какими они прибыли к нему в Константинополь, шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких племен, и он не желал бы, чтобы они, возвращаясь по ним, подвергались опасности». ⁴⁴Далее Бертинские анналы повествуют о том, как император расследовал причину их прибытия и, по-видимому, не совсем удовлетворенный сообщенными ему сведениями продолжал допытываться, «чтобы можно было достоверно выяснить, с добрыми ли намерениями они пришли туда или нет; и он поспешил сообщить Феофилу через помянутых послов и письмом также и о том, что он их из любви к нему охотно принял, и если они (русы) окажутся людьми вполне благожелательными, а также представится возможность им безопасно вернуться на родину, то они будут отправлены (туда) с охраною; в противном же случае они с (особыми) посланными будут направлены к его особе (Феофилу), с тем, чтобы он сам решил, что с таковыми надлежит сделать». ⁴⁵Это сообщение Бертинских анналов Пруденция породило обширную и противоречивую литературу. Норманисты использовали его в своих целях, договариваясь до того, что в названии повелителя русов «Chacanus» видели скандинавское имя Гакон. Мы подойдем к рассказу Бертинских анналов с другой стороны.

Попытаемся восстановить историческую обстановку, и которой возникла эта запись Бертинских анналов. В 30-х годах, в 834 г. (Кедрин) или в 837 г. (продолжатель Феофана), к императору Феофилу явились послы от хазарского кагана и бега с просьбой построить им крепость. Феофил отправил г. Хазарию спафарокандидата Петрону, который и построил для хазар Саркел.

---

⁴⁴ Monumenta Gennaniac historica, scr. I, стр. 434

⁴⁵ Там же.

Постройка Саркела была связана с появлением в степях воинственных кочевников. Ими были мадьяры. За ними двигались на запад из-за Урала печенеги. От них-то и пыталась защититься Хазария возведением крепостных стен Саркела. Появление в степях кочевников, народа "весьма бесчеловечного и дикого", вызвало беспокойство и среди русских. Этим и объясняется появление одновременно в Византии, у Феофила посланцев двух каганов — и хазарского и русского. Русь, как и Хазария, искала поддержки у Византии в своей борьбе с надвигающейся с Востока новой, грозной опасностью, с кочевыми ордами.

Мы не знаем, чего добились русские послы у Феофила, но несомненно, их там приняли приветливо, ибо в противном случае император Феофил не стал бы ходатайствовать о них перед Людовиком Благочестивым.

Что обещала Византия Руси, также не известно, но она, по-видимому, учла опасность, которую представляли кочевые орды и для нее, и понимала, что Русь, в случае если кочевники занесут свою кривую саблю над «ромеями», может нанести им удар в спину и отвлечь их силы на себя. Кроме того, хозяйничанье кочевников в степях не могло не отразиться на растущих торговых сношениях Византии с «северными варварами», в которых была так заинтересована Восточно-Римская империя. Во имя этого были забыты и походы русских на Сурож, а быть может, и на Амастриду, их «грубость и дикость», их «кроважность» и «жестокость». Теперь они сами просили помощи у Византии и становились ее союзниками.

Русские послы у Феофила были дипломатическими представителями своего государя, который, по старому обычаю, носил хазарское название «кагана». Он правил на Руси, был царем народа «Рос», т. е. русского.

Все это свидетельствует о наличии где-то в Восточной Европе в 30-х) одах IX в. русского каганата, т. е. русского государства.

Русский каганат Бертинских анналов, безусловно, уже не зависит от Хазарии. Он несет на себе явные следы хазарских связей, но государство кагана народа «Рос», уже независимо от кагана хазарского, ведет самостоятельные дипломатические переговоры, посылает своих послов, заключает союзы, организует оборону своих рубежей.

Русский каганат, освободившийся от хазарского владычества, был первым крупным государственным образованием древней Руси.

Где был расположен русский каганат?

Несомненно, не на юге, не на побережье Азовского или Черного моря, так как туда русские послы вернулись бы из Византии морем, не прибегая к путешествию через Германию. Он не был и на севере, так как вряд ли бы Новгород, Псков, Полоцк или Ростов были обеспокоены появлением в степях новых орд кочевников.

Я считаю, что земли русского каганата лежали в области среднего Приднепровья, у «гор киевских», так как только допустив это, мы можем понять, почему появление кочевников, доходивших, несомненно, до Днепра, а быть может, проникающих даже и дальше на запад, изменило ситуацию на пути, по которому шло общение русского каганата и Византии. Посланцы кагана народа «Рос», направляясь в Константинополь к императору Феофилу, плыли по Днепру, по днепровским «прагам» так же, как это делали спустя сто лет «слы» и «гости» князей киевских, которые во времена Константина Багрянородного, Игоря и Ольги тоже шли морем, держась берега.

Посланцы кагана русского еще успели проехать по Днепру в Византию, но обратно вернуться тем же путем в Киев они не могли, так как на берегу Днепра уже мелькали мадьярские, а быть может, печенежские всадники.

Поэтому-то Феофил и просил Людовика Благочестивого помочь им вернуться в свою страну кружным путем, через Германию и Польшу или Чехию.

Путь по Днепру был перерезан. И пока он будет вновь восстановлен, пройдет много времени. Вот почему 18 мая 839 г. Людовик Благочестивый слушал речи послов кагана

русского.

О Руси на Западе уже, очевидно, кое-что слышали. Мы не знаем, когда Запад узнал о Руси, о русах, но вряд ли случайными являются упоминания о русах, союзниках арабов в их борьбе с Карлом Великим в Испании, в тех замечательных строках «Песни о Роланде», которые и в наши дни остаются еще загадкой.

Русы могли быть не только врагами арабов, будучи воинами хазарского кагана, но и поступать на службу к арабам, и, проникая далеко в глубь земель халифата (стоит вспомнить о путешествиях русов-купцов до Багдада по Ибн-Хордадбеку и сообщение Абдул Касима о вторжении русов в Аравию для овладения Багдадом), выступать в роли союзников арабов. И упоминание о русах в «Песне о Роланде» отнюдь не является историческим анахронизмом.

Мы не знаем, когда сложились и те сказания, которые послужили основой повествований о «витязях из русов» (Eiuzen), «витязях из Киевской земли» (van dem Laiido ze Kliewen) в «Песне о Нибелунгах», но вряд ли ошибемся, если отнесем их к ранней, гораздо более ранней, чем XII в., эпохе. ⁴⁶

Уже в самом начале X в. Русь усиленно торгует с Раффельшtedтом, а это предполагает наличие торговых сношений Руси и Запада гораздо ранее.

Очевидно, Людовик и его приближенные знали кое-что о Руси и русах, о народе «Рос», как вскоре, в 80—90-х годах IX в, узнал, со слов Оттсра, о далеком, где-то у верховьев Дона, государстве и народе «Рошуаско» ("Rhosclmuko) и король Альфред Великий. ⁴⁷

Несмотря на то, что о Руси и о русах на Западе Европы уже что-то знали, появление при дворе императора Людовика Благочестивого посланцев кагана русского народа было неожиданностью.

Император не знал, как реагировать на появление в Ингельгейме русских послов. Забота и внимание к ним со стороны императора Феофила, дружественные отношения с Византией, свидетельствующие о значении Руси в жизни Восточной Европы и самой империи «ромеев», наконец, несомненно, пусть неясные и отрывочные, но все чаще и чаще поступающие сведения о многочисленном и могущественном народе «рос» и его государстве — все это побуждало Людовика Благочестивого оказать им гостеприимство и помощь. Но эти же самые знаки внимания со стороны Феофила и его настойчивая просьба о помощи послам русского кагана, а также все те же рассказы о далеком и сильном народе «рос» порождали беспокойство, а не являются ли эти посланцы разведчиками, не умышляют ли они что-либо во вред императору?

Так разворачивались события в пяти местах: на среднем Днепре, в Хазарии, степях, Византии и в Ингельгейме.

Мы не знаем, чем закончились миссия послов кагана к Феофилу и их путешествие в Ингельгейм, но благодаря им перед нами из глубин былого выступил очерченный скупыми и отрывочными фразами Русский каганат, государство кагана народа «Рос», не только предтеча и предшественник Киевской державы, но уже само это Киевское государство в его первоначальном, эмбриональном состоянии, тот самый русский каганат, выросший в борьбе с хазарским каганатом, высвободившийся от власти хазарского кагана, но сохранивший на себе печать былых связей с хазарами, который является первым русским государством на Днепре.

Итак, сообщение Бертинских анналов даст нам право утверждать о наличии еще на грани VIII и IX вв. и в самом начале IX в. днепровско-черноморского пути русских мореходов.

---

⁴⁶ А.И. Дробинский. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе. «Исторические записки», т. XXVI, 1948.

⁴⁷ К. Ф. Тиандер Поездки скандинавов в Белое море. СПб... 1906. стр. 51,

Путь этот вел из Приднепровья (наверное, того же Киева) в Константинополь.

Плыли Днестром, с трудом преодолевая пороги, и русские воины, чей меч звенел под стенами Сурожа и Амастриды, чей победный клич раздавался среди виноградников острова Эгины; плыли и русские «слы», посланцы кагана русского для того, чтобы заключить с византийским императором договор о дружбе перед угрозой со стороны кочевой степи; плыли, наконец, и русские «гости», те самые «купцы Руси» Ибн-Хордадбега, которые постоянно плавали по Черному морю, сделав этот путь обычной и торной дорогой, связывающей Русь с Востоком вплоть до Багдада.

Черное море становилось «Русским морем». Ибн-Хордадбех (Ибн-Хардадбег), писавший в 40-х годах IX в. свою «Книгу путей и государств» («Книгу для познания путей и государств»), которая послужила основой для целого ряда более поздних мусульманских сочинений о Руси, упоминает, как о чем-то хорошо и давно известном, как о чем-то обычном, «пути купцов Русов, а они принадлежат к Славянам», торгующих мехами бобров и черных лисиц и мечами «из дальнейших концов Славонии к Румскому морю». «Румским морем» Ибн-Хордадбех называет Черное море.

Придет время и оно получит другое наименование. Но об этом ниже.

И это был отнюдь не единственный путь русских к морю. Знали русы и другое море — Каспийское. «А если желают, — продолжает свой рассказ о русских купцах Ибн-Хордадбех, — то ездят Танаисом, рекою Славян, проходят через Камлидж, столицу Хазар, там их владетель берет с них десятину. Затем они плавают по морю Джурджана и выходят на любой им берег. Иногда они возят свои товары на верблюдах из Джурджана в Багдад; евнухи-славяне ж бывают здесь у них за переводчиков». 48

Перед нами другой путь русов по Днепру, Черному морю, Дону (Танаису) и Волге (реке Славян) в Каспийское море (море Джурджан).

Об этом пути мы будем еще говорить дальше. И этот путь, путь Восточный (назовем его так условно), тоже, по Ибн-Хордадбеху, является чем-то обычным, и русские суда появляются на нем из года в год, на протяжении длительного времени.

Вряд ли сейчас, после работ Де-Гуе и Маркварта, кто-нибудь сомневается в том, что та часть сочинения Ибн-Хордадбега, в которой говорится о плаваниях русских купцов, составлена не позднее 846–847 гг., а уж кому, как не ему, начальнику почт и полиции в Джибале в Мидии, располагавшему обширным штатом информаторов и корреспондентов, было знать о том, кто, откуда и по каким делам проезжает по вверенным ему владениям? 49

Ибн-Хордадбех не только рисует нам два пути морских походов русов — Черноморский и Каспийский, сложившиеся в стародавние времена, но и сообщает, что русы — это славяне, подтверждая это свое сообщение любопытным указанием на то, что приезжающие в Багдад русы используют в качестве переводчиков славян, живущих в Багдаде.

Итак, русы говорили по-славянски, иначе они, русы, не были бы поняты своими единоплеменниками-славянами в Багдаде!

У Ибн-Аль-Факиха, писавшего в самом начале X в., мы находим подтверждение рассказа Ибн-Хордадбега. 50

И, наконец, Аль Масуди в своих «Золотых лугах» (940-е годы) говорит о море

---

48 А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 48, 49.

49 В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. «Советское востоковедение», 1940, т. I, стр. 20–23, 44.

50 В. В. Бартольд, ук. сот., стр. 22, 23.— А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX–X вв. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. III, № 5, стр. 463.

Найтас, — «которое есть Русское море; никто кроме них (Русов) не плавает по нему и они живут на одном из его берегов».⁵¹

Так Черное море превращается в Русское море и остается им на протяжении чуть ли не всего средневековья («тага Ruaciae», «maro Eutcnum»).

Появление русских на Черном море не было только результатом предприимчивости торгующих русов или хорошо организованных походов из далеких глубин страны, отделенных от побережья многими днями пути по бескрайней ковыльной степи.

Поселения русских племен уличей и тиверцев тянулись «оли до моря», захватывая низовья Буга и Днестра.

Уже в те времена здесь, на побережье, русские люди становились мореходами. Придет время и вырастет на берегу моря Олешье, «галицкие выгонцы» и берладники начнут бороздить воды Черного моря, обоснуются русские люди на Белобережье и в устье Днестра, на острове святого Елферия (Березань). Но об этом дальше.

«Thizzi», т. е. руссов, где-то между «unlici» (уличамн) и хазарами упоминает Географ Баварский.⁵² Сочинение Географа Баварского датируется, по П. Шафарику, 80-ми годами IX в., и так как эту датировку никто не опровергнул, то надо полагать, что уже во второй половине IX в. где-то в Приднестровье, между улицами и хазарами обитали руссы. Но ограничиться таким утверждением мы не можем. И без указаний Географа Баварского нам известны руссы в среднем Приднестровье. Указание Географа Баварского дает нам право сделать другое предположение. Дело в том, что и уличи, и хазары обитают южнее руссов, если считать их жителями только Среднего Днестра. Не говорит ли сам контекст за то, что Географ Баварский, помещая своих «tuzzi» между улицами и хазарами, как бы подчеркивал более южную границу их расселения, граничащую с морским побережьем?

Не было ли здесь, у Днестровских гирл, уже в те времена стоянок русского промыслового и торгового вольного люда вроде тех, которые здесь возникнут позднее, в X–XI вв.?

Все это прямо или косвенно, в качестве утверждений или предположений, подтверждает наше суждение о древности русского мореходства по Русскому (Черному) морю в первую очередь.

Нам это хотелось еще раз подчеркнуть потому, что за последнее время в кругах буржуазных византинистов имели место попытки не только опровергнуть все известия о походах русских на Византию, но объявить не имеющими никакой ценности те источники, которые о них говорят. И в этом отношении очень характерен доклад французской византистки Жермен да Коста Луйе, который она сделала еще на V Всемирном конгрессе византинистов, имевшем место в Риме в 1936 г., но опубликовала в журнале «Byzantion» (т. XV) уже БО время Великой Отечественной войны. Он носит название «Имели ли место нападения русских на Византийскую империю ранее 860 года».

В этом томе «Byzantion» одновременно напечатано предисловие редактора журнала, одного из лидеров византинистов буржуазного Запада Грегуара.

Грегуар не только полностью солидаризируется с Жермен да Коста Луйе, но значительно решительней и резче формулирует все ее выводы.

Несмотря на то, что, по мнению Грегуара, все ясно и «проблемы вообще не существует», оба реакционные византиниста, и автор статьи и редактор «Byzantion», категорически протестуют против долгое время господствовавших в науке «химер» русского византиниста Васильевского, с которыми «пришла пора расправиться». Расправляются же они с этими «химерами» чрезвычайно просто, рассуждая таким образом: так как никакого

---

⁵¹ А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 125–138.

⁵² П. И. Шафарик. Славянские древности. М., 1848, т. II, кн. III, прил. XIX, стр. 70.

русского государства, а тем более способного на войну с Византией до норманнов на Востоке Европы не существовало и существовать не могло, и так как норманны появились у Киева только незадолго до 860 г., то следует считать первым достоверным походом русских на Византию поход 860 г., а рассказ «Жития Георгия Амастридского» приурочить ко второму исторически засвидетельствованному походу русских — походу 941 г.

Русские летописи при этом ими во внимание не принимаются.

Как видно из изложенного, приводя свои доказательства, оба византиниста исходят из одной аксиомы — из норманского происхождения русской государственности.

Советская историческая наука разоблачала «норманскую теорию». Оставляя густопсовый норманизм на совести Грегуара, я позволяю себе указать на совершенно антинаучный и тенденциозный поход к источникам. Если источники противоречат концепции, — объявить их фальшивыми, поздними, фантазиями, подлогами, чем угодно, но только не документами. «Тем хуже для фактов».

Между тем в своих трудах Е. Э. Липшиц убедительно показала, как опубликованные и исследованные уже после смерти В. Г. Васильевского материалы дают возможность еще раз убедиться в ценности «Жития Георгия Амастридского» для каждого византиниста или историка древней Руси. Эти новые материалы позволяют расширить и обосновать ту литературную характеристику, на основании которой В. Г. Васильевский относит «Житие Георгия Амастридского» к числу произведений византийского писателя IX в. Игнатия.

Характер стиха, связи Игнатия с патриархом Иоанном Грамматиком (первая половина IX в.) — все это подтверждает взгляды В. Г. Васильевского.⁵³

Изложенное нами выше свидетельствует о реакционности и тенденциозности измышлений Жермен да Коста Луйе и Грегуара.

Русь уже знали в Византии. Знали задолго до 860 г. Знали по походам, описанным в «Житиях» Стефана Сурожского Георгия Амастридского и Афанасии, знали по посольству, которое в 839 г. отправилось из Константинополя в Ингельгейм, знали по торгу с купцами-руссами, с которых, очевидно в Херсонесе, «царь Рума» брал «десятину».⁵⁴

Уже в «Житии Георгия Амастридского» о Руси говорится как о народе, «как все знают», обладающем определенными качествами.⁵⁵ Русские и «ромейи» сталкивались друг с другом и общались, встречались в Константинополе, на Черноморском побережье и у устья Днепра, в дунайских гирлах и в Херсонесе. Общение это было постоянным, регулярным, хотя, быть может, и не массовым.

Из письма Фотия мы узнаем, что греки, нарушив какое-то мирное соглашение, писанное или изустное, представлявшее возможность свободно общаться и торговать и подданным императора и «мужам» русского кагана, «жестоко истязали» русских в то время, когда обе стороны находились в состоянии мира. Фотий пишет: «Тех, которые должны нам нечто малое и незначительное, мы жестоко истязали, наказывали... и не обращали внимания на маловажность и незначительность в сравнении с нашими долгами, но, получая себе человеколюбивое прощение многого и великого, других за малое бесчеловечно ввергли в рабство».

Письмо Фотия говорит о наличии постоянных связей между Русью и Византией. Такого рода взаимоотношения могли сложиться только на протяжении определенного срока

---

⁵³ «Вопросы истории», 1947, № 1, стр. 146; ее ж е. О походе Руси на Византию ранее 842 года. «Исторические записки», т. XXVI, 1948.

⁵⁴ А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 464.

⁵⁵ В. Г. Васильевский, ук. соч., стр. 64.

и только между двумя державами. Цивилизованное государство с варварскими племенами в такого рода взаимоотношения не вступает.

Чем был вызван поход русских на Константинополь? Был ли он просто грабительским налетом?

На этот вопрос отвечает сам Фотий, сообщающий, что россы совершили свой поход на Византию в отместку за то, что «ромей» жестоко истязали их соотечественников. За это русские отплатили сторицей, предав огню и мечу окрестности Константинополя.

Нет никакого сомнения в том, что «ромей» и русские со времени посольства кагана «народа Рос» к императору Феофилу, а быть может, и ранее находились в постоянном общении друг с другом. Русские ездили «слами» и «гостями» в Константинополь, как это имело место и позднее, во времена договоров Олега и Игоря с Византией, торговали и жили в Византии, сталкивались с греками на северном побережье Черного моря, у Днепровских и Бугских лиманов и в Крыму. Русь стремилась укрепиться на берегах Черного моря и настойчиво добивалась от Империи признания за ней прав Черноморской державы, свободного плавания и торговли, безопасности русских людей, живших в городах «ромеев», «слов» и «гостей», уважения к «закону русскому». Взаимоотношения между греками и русскими определялись соглашениями, договорами.

Но, очевидно, незадолго до 860 г. греки нарушили соглашение «между Русью и Греки» и жестоко истязали русских «слов» и «гостей» в Константинополе или русских рыбаков и промысловиков где-нибудь у Белобережья или на Березани. Ответом на нарушение Византией договора о дружеских взаимоотношениях с Русью и был поход русских 860 г., — поход, ставящий задачей отмщение за нарушение греками международных соглашений, возобновление старых договорных отношений.

Это была война, а не налет, война, преследующая своей целью восстановление попранных интересов Руси, а не грабительский поход варваров, война, как продолжение дипломатии, на которую было способно только государство.

На этот раз нападению подвергся сам Константинополь.

18 июня 860 г. 200 русских кораблей (по Венецианской хронике Иоанна Диякона 360 кораблей) неожиданно напали на Константинополь, воспользовавшись тем, что император Михаил стянул войско на юг для обороны границ империи в Малой Азии, подвергшихся нападению арабов.

В двух беседах патриарха Фотия, датируемых 860 г., нападение русов нашло яркое, но тенденциозное отражение:

«Народ (Рос. — *В. М.*) неименитый народ, не считаемый ни за что, но получивший имя со времени похода против нас, незначительный, но получивший значение, народ униженный и бедный, но достигший блистательной высоты и несметного богатства, народ где-то далеко от нас живущий, варварский, кочующий, гордящийся оружием, неожиданный, незамеченный... так быстро и так грозно нахлынул на наши пределы, как морская волна, и истребил живущих на этой земле, как полевой зверь траву или тростник или жатву...

О, как всё тогда расстроилось, и город едва, так сказать, не был поднят на копье!.. Помните ли тот час, невыносимо-горестный, когда приплыли к нам варварские корабли... когда они проходили перед городом, неся и выставя пловцов, поднявших мечи и как бы угрожая городу смертью от меча...». ⁵⁶

В Венецианской хронике Иоанна Диякона без точной даты, но по отношению к событиям начала 60-х годов IX в. говорится, что в это время «жители севера» [по выражению Фотия, «где-то далеко (на север) от нас живущие»] «осмелились напасть на Константинополь

---

⁵⁶ Е.Ловягин. Две беседы святейшего патриарха константинопольского Фотия по случаю нашествия руссов на Константинополь. «Христианское чтение», ч. 2, 1882, стр. 430–455.— Х. М. Лопарев. Старое свидетельство о положении ризы богородицы применительно к нашествию русских на Византию в 860 г. «Византийский временник», 1895, т. II, вып. 4.— М. С. Грушевский. История Украины-Руси, 1913, т. I, стр. 402–405, 565–567.

на 360 кораблях, но, не будучи в состоянии нанести вред самому непобедимому городу, они храбро повоевали его предместья, перебили народа, сколько могли, и затем с торжеством вернулись домой».⁵⁷

Положение осажденного Константинополя было очень серьезным. Теперь уже не крымские и малоазиатские владения подверглись нападению русских, — горели предместья столицы империи.

Императору Михаилу пришлось вернуться с похода и начать мирные переговоры с русскими. Наконец, был заключен договор «мира и любви».

Появление русских в 860 г. отмечено не только у Константинополя.

В «Житии патриарха Игнатия», составленном Никитой Пафлагонянином, говорится о том, как могущественный «.. скифский народ, называемый рос, через Эвксинское море прорвался в залив, напал на остров Теревинт (в группе Принцевых островов в Мраморном море, — В. М.)»⁵⁸ Появление русских в Мраморном море является свидетельством успешного преодоления ими сопротивления греков в Босфоре.

Недельная осада Константинополя, продолжавшаяся с 18 по 25 июня, к величайшей радости жителей Константинополя, была, наконец, снята. Русские удалились победителями, увозя с собой договор «мира и любви» — свидетельство их победы и триумфа и поражения могущественной империи. И Византия могла быть довольна тем, что дело ограничилось только опустошением и разорением окрестностей Константинополя. Русь вынудила Византию считаться с собой и вписать свое имя в список могущественных и грозных народов.

Следовало бы остановиться и на некоторых других вопросах, связанных с походом 860 г.

К 866–867 гг. относится новый договор Руси с Византией о дружбе и союзе, не дошедший до нас так же, как и договор 860 г. На этот раз он был закреплен со стороны Руси принятием христианства от Византии и «епископа-пастыря» из Константинополя. Об этом говорят «Окружное послание» патриарха Фотия и биография императора Василия Македонянина, который, по выражению его биографа, склонил к дружбе «народ русский, воинственный и языческий, раздавая ему одежды золотые, серебряные и шелковые, а установив с ним дружбу и соглашение, уговорил принять крещение».⁵⁹

Фотий в своем «Окружном послании» (866–867 гг.) говорит, что «Рос», народ, хорошо известный своей самостоятельностью, и воинственностью, заменил свою языческую веру христианской, принял епископа и из врага стал союзником, и обещал Византии военную помощь.³ Фотий рассматривал крещеных русских как подданных императора, и в этом нет ничего удивительного, так как принятие каким-нибудь народом христианства из Византии этой последней рассматривалось как установление некоей политической вассальной зависимости его от империи. Сообщение Фотия о крещении какой-то части Руси в 60-х гг. IX в. подтверждается Уставом, приписываемым Льву Философу (866–911 гг.), где упоминается русская епархия, помещаемая в его списке 61-ой, рядом с 62-ой, аланской, и «Церковным Уставом» Владимира, где говорится о крещении Руси Фотием.

Вряд ли можно считать обоснованным мнение, что Устав, приписываемый Льву

---

⁵⁷ Monumenta Germaniae historica, scr. VTT. стр. 18.

⁵⁸ А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории. М., 1939, Т. I, стр. 46. — См. также Брюссельскую Византийскую хронику, Житие св. Климента и др. — Н. Полонская. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира. ЖМНП, 1917, сентябрь. — Труды В. Г. Васильевского, т. III, Пг.(1915, стр. СХХVIII.

⁵⁹ Corpus historica Bizant., XXVII, гл. 97. 8 Photii epistolae, стр. 177.

Философу (Льву Мудрому), на самом деле составлен при Алексее Комнене, так же как и стремление объявить «Церковный Устав» Владимира Святославича подложным на основании греческих порядков и норм, встречающихся в нем, которые, якобы, не соответствовали древнерусской действительности, и на основании упоминания в «Церковном Уставе» о крещении Руси Фотием. Так как «Устав» был переводом на русский язык греческих церковных порядков и юридических норм, причем его составители больше копировали греческое церковное право, чем заботились о приспособлении его к порядкам на Руси, то упоминание о Фотии, учитывая изложенное выше, не должно уже само по себе вызывать сомнения в подлинности «Церковного Устава».⁶⁰

В своей недавно вышедшей из печати в США работе «The Russian Attack on Constantinople in 860» — белоэмигрант-византиновед А. А. Васильев высказывает ряд соображений по поводу похода 860 г. (продолжительность похода, захватившего не только вторую половину 860 г., но и первые месяцы 861 г., численность русских войск, определяемая им цифрой в 20 000 человек) и приходит в итоге к выводу о том, что поход («набег») кончился катастрофическим отступлением, хотя причина «беспорядочного бегства» русских не ясна.

Этот неожиданный вывод основан на свидетельстве патриарха Фотия, заканчивающего свои «беседы» рассказом о том, какое впечатление произвел на русских крестный ход по стенам Константинополя с иконой божьей матери с чудодейственной ризой. Пораженные «девственной ризой» русские сняли осаду города и бежали.

Биограф императора Василия Македонянина, использованный позднейшими комментаторами — Кедриным, Зонарой и другими, повествует о чудесах с неопалимым евангелием, которые заставили изумленных русских уверовать в Христа.

Этот рассказ, равно как и «чудо» с ризой Влахеринской богородицы, давным-давно был взят под сомнение (Васильевский, Розен и др.), а между тем, и он использован А. А. Васильевым для своих выводов.

Как показали исследования знатоков истории Византии, по эрудиции не знающих себе равных, в данном случае, как и в ряде других аналогичных («Житие Стефана Сурожского», «Корсунская легенда о крещении Владимира» и т. п.), мы имеем дело с обычным трафаретным легендарным мотивом, столь характерным для церковной литературы и, в первую очередь, для всякого рода «житий».⁶¹

Это так хорошо всем известно, что мне нет необходимости приводить рассказы о «чудесах» святых и икон, об «ужасе», охватывающем варваров, под влиянием «страха божия» принимающих христианство.

Принимать обычный прием агиографов за доказательство «беспорядочного бегства» русских из-под стен Константинополя означает отказ от приемов научной критики, сознательное искажение событий с целью умаления истинной роли русских.

Вполне понятно почему Боак в своей рецензии на книгу А. А. Васильева, грубо фальсифицируя факты, расхваливает ее, считая, что сочинение характеризуется тщательностью, логичностью и осторожностью в оценке источников. Боаку вторит в «Revue historique» Луи Брейе.⁶²

Между тем, в тех же самых источниках, которые использованы А. А. Васильевым, есть

---

⁶⁰ М. Д. Приселков. Рецензия на книгу В. А. Пархоменко «Начало христианства на Руси. Очерк по истории Руси IX–X вв.». ИОРЯС, т. XIX, кн. I, 1914, стр. 361.— М. Владимирский-Буданов. Христоматия по истории русского права. 1899, стр. 228

⁶¹ Speculum, 1947, vol. XXII, num. 4 (октябрь).

⁶² Revue historique, t. CXCIII, octobre-décembre, 1947.

прямые указания на причины ухода русских. Когда, наконец, император вынужден был заключить договор «мира и любви» с русскими, когда они заставили Византию отказаться от всевозможных издевательств и вымогательств по отношению к русским и вынудили Империю говорить с Русью, как равную с равной; — они, отнюдь не собиравшиеся брать Царьград на шит, удалились так же быстро и внезапно, как внезапно появились у стен столицы «ромеев». Не было ни бегства русских, ни подчинения Руси. Ни о какой зависимости Руси от Византии даже после принятия какой-то частью дружинников-«росов» христианства не могло быть и речи.

Наоборот, появление русских у стен Константинополя вызвало большое смятение в Византии. «Росью» заинтересовались, о ней говорили и писали, пытались объяснить ее происхождение, проникнуть в ее историю.

Пока речь шла о нападении русских на окраины империи, они все же еще не были тем грозным и сильным врагом, которого надо было опасаться, который нес с собой разорение и смерть, но когда они напали на столицу, напуганные греки усиленно заговорили о «'рта». И на сцену выступил библейский народ «Рос» («Рош» — древнеевр. «глава») пророка Иезекииля, который, по «Апокалипсису», явится перед концом света к «священному граду». В чрезвычайно популярных среди греческого духовенства книгах пророков и «Апокалипсисе» нашлось, таким образом, и объяснение названия народа «'f<a>a».

Созвучность «руси» и «рос», огромное впечатление, произведенное на византийцев военными походами варварской, воинственной Руси, — все это заставило византийское духовенство объявить «роз» народом «губительным и на деле и по имени», по «имени» как раз потому, что он и есть тот самый библейский народ «'рта», который своим появлением возвещает «конец света» и гибель «священного града» — Византии.

Недаром Фотий пересыпает свои «беседы» о росах ссылками на Иезекииля, Иеремию и «Апокалипсис», а Лев Диакон прямо называет «тавроскифов» — русских народом «князя Рос» Иезекииля.⁶³

«Рос»-ами отрекомендовали Людовиду Благодетелю послов кагана Руси и посланцы императора Феофила, а сами послы кагана, считая, что византийское наименование народа, кагану которого они служили, более знакомо дипломатическим кругам и в Ингельгейме, по-византийски именовали себя народом «Rhos», а не «русь».

Появление русских у стен Константинополя заставило Византию включить в свою дипломатическую деятельность и далекую Русь, Русь Киевскую, Русь Днепровскую.

Хотя, по выражению Фотия, Русь отделена от Константинополя многими землями и державами, судоходными реками и морями, а в «Тактике» императора Льва Философа говорится о том, что «северные скифы» не имеют больших кораблей, так как выезжают в море с рек, где нельзя пользоваться большими судами, а приходится пользоваться легкими лодками (это говорит именно о днепровском, а не азово-черноморском происхождении этих русских), тем не менее с Русью приходится считаться, ее надо опасаться, с ней необходимо заключать договоры «мира и любви».

Может быть, в связи с нападением Руси на Константинополь в 860 г. стоит и хазарская миссия Константина (Кирилла) Философа, который встречал «русинов», интересовался ими, крестил в Хазарии, где немало было русских «до двухсот чадий» и, быть может, вел переговоры, чтобы предотвратить походы русских, подобные тому, который имел место в 60-х гг. и вызвал такое волнение и страх по всей империи.⁶⁴

Итак, мы приходим к выводу, что поход на Константинополь 860 г. был предпринят из

---

⁶³ М. Д. Приселков, ук. рецензия, стр. 361.

⁶⁴ В. И. Ламанский. Житие Св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение. ЖМНП, 1903, апрель-июль, декабрь; 1904, январь.

Руси Киевской, что договоры «мира и любви» заключались с Днепровской Русью, Русью Аскольда.

«Повесть временных лет» под 866 г. (дата не точная) помещает рассказ о том, как «иде Аскольд и Дир на Греки и придоша в 14 (лето) Михаила цесаря. Цесарю же отшедшу на Огаряны, и дошедшу ему Черная река, весть епарх послал к нему, яко Русь на Царьгород идет, и вратися царь. Си же внутрь Суду (пролив, — В. М.) вшедше, много убийство крестьяном створиша, и в двою сту корабль Царьград оступиша». Далее повествуется о молении Михаила и Фотия, о чуде, буре, разметавшей суда русов.

Новгородская летопись помещает этот рассказ под 854 г.

Память о княжении в Киеве Аскольда, о его могиле была жива в Киеве еще во времена летописца.⁶⁵ Где-то здесь, у Угорского, стоял и его княжой двор. Тут же он и был убит. Упоминание о церкви святого Николая, воздвигнутой на могиле Аскольда в связи с его походом на Византию, сообщения Фотия и биографа Василия Македонянина о крещении русов после похода 860 г. говорят о том, что поход, предпринятый в 860 г. и датируемый нашей летописью 866 г., был предпринят из Киева Аскольдом, а крещение Руси при Фотии было крещением Руси Аскольдовой. Принял христианство и сам Аскольд и, быть может, церковь святого Николая, воздвигнутая на его могиле, носила имя его христианского патрона.

Как в полулегендарном рассказе об Аскольде можно найти следы подлинно исторических событий, так и в повествовании летописи о Дире (кстати отметим, что летопись упорно связывает Аскольда и Дира) мы находим черты исторической правды. Дира знает не только наша летопись.

В своих «Золотых лугах» («Промывальнях золота») Масуди (943–947 гг.) пишет:

«Первый из славянских царей есть царь Дира, он имеет обширные города и многие обитаемые страны; мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами».⁶⁶

Нельзя думать, что Дир — современник Масуди, но он, несомненно, правил во времена, не столь отдаленные от времен Аскольда, и Масуди, со слов мусульманских купцов, хорошо знавших Киев и часто ездивших туда со своими товарами, о чем повествуют и другие восточные писатели, заключил о его силе и богатстве. И это также не вызывает сомнений, так как Киев второй половины IX в. — крупнейший центр Руси. Масуди не знал своего современника — Игоря и пользовался (и это вполне понятно) несколько устаревшими сведениями, сообщенными ему мусульманскими купцами, ездившими в страну и город Дира и хорошо знавшими о его могуществе. Царство Дира у Масуди — восточный сосед Чехии Вячеслава, в состав которой тогда входил и Краков. Сообщение Масуди о «многих обитаемых странах», подвластных Диру, и свидетельство Фотия о том, что Русь еще перед походом 860 г. «подчинила своих соседей», подтверждают известия поздних русских летописей о войнах Аскольда и Дира с соседними народами и племенами, а следовательно, и о попытках наложить на них дань и распространить на их земли свою власть.

Ко временам Дира относится первый поход русов на Закавказье. По свидетельству Мухамеда Эль-Хасана, написавшего «Историю Табаристана», в правление Хасана, сына Зейды (864–884 гг.), русы напали на Абесгун⁶⁷, но в борьбе с Хаганом они были разбиты.⁶⁸

---

⁶⁵ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 20, 21.

⁶⁶ А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 137.

⁶⁷ Абесгун — остров, расположенный в Астрабандском заливе близ южного берега Каспийского моря.

⁶⁸ Б. Дорн, ук. соч., стр. 3–6, 531.

Этот поход следует связать с именами Аскольда и Дира, вернее — последнего, связи которого с мусульманским миром заключались не только в приеме восточных купцов и в торговле с ними, но и в стремлении проникнуть по их стопам на Восток — источник всяких богатств, в страну роскоши и драгоценностей, известную с давних пор, но только теперь превращенную в объект походов и нападений.

Сообщение Мухамеда-Эль-Хасана является первым свидетельством об активности русских на Каспийском море. Уже Ибн-Хордадбех в своей «Книге путей и государств», как мы видели, рассказывает о плаваниях русских купцов по Дону и Волге, «по морю Джурджана», где они «выходят на любой им берег» для торговли и иногда «возят свои товары на верблюдах из Джурджана в Багдад». ⁶⁹

Здесь, на Каспии, русы вели себя так же, как и на Черном море. Они торговали в прибрежных мусульманских городах, заключали какие-то соглашения с их правителями, приезжали и уезжали, снова возвращались, привозя свои драгоценные меха. Так было из года в год. Но настала пора, когда богатые многолюдные города мусульманского Востока стали привлекать к себе русских воинов так же, как привлекли их богатые византийские города и прежде всего пышный и великолепный Царьград. Начались военные походы русских «по морю Джур-джан», и русский меч зазвенел у Абесгуна и Ширвана, на Нефтяной земле и в Бердаа.

Ниже мы остановимся подробнее на походах русских на Восток.

2. РУССКОЕ МОРЕХОДСТВО В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Объединение Новгорода («Славии») и Киева («Куявы») в единое государство, которое летопись связала с именем и деятельностью Олега, в истории Восточной Европы имело очень большое значение.

Сложилось русское государство.

В отношении Византии и Востока Олег следовал традиции и шел по пути, задолго до него проложенному. В начале X в. Олег предпринимает поход на Византию, и исключительный успех, которого он добился (это нашло отражение в договоре Олега с Византией 911 г.), объясняется тем, что Олегу удалось сплотить силы Руси и укрепить формирующуюся русскую государственность. Летопись с рядом красочных и фантастических подробностей, используя «Житие Василия Нового» и продолжателя Амартола, рассказывает под 907 г. о том, как «иде Олег на Греки», «поя множество Варяг, и Словен, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, и Деревляни, и Радимичи, и Поляны, и Северо, и Вятичи, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверци, яже суть толковины», и «на конях и на кораблях» «приде к Царюграду».

Византийцы вынуждены были заключить мир. «И заповеда Олег дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривен на человек а в корабли по 40 мужь».

Далее указывается, что 12 гривен греки должны были платить «на ключь» и «потом даяти уклады нэ Рускыя грады: первое на Киев, та же на Чернигов, на Переяславль, на Полтеск, на Ростов, на Любечь и на прочаа города, по тем бо городам седяху велиции князи, под Олгом суще».

Затем летописец приводит отрывок текста договора и указывает, как Олег возвращается в Киев, «неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье» и приказав «испить» «парусы паволочиты Руси, а Словенам кропиньныя», повесив свой щит на воротах Царьграда, отправляется в обратный путь.

В летописном рассказе много неточного, много фантастического, вроде того места, где

---

⁶⁹ А. Я. Гаркави, ук соч., стр. 49.

говорится о том, что Олег поставил корабли на колеса. Вызывает сомнение уплата греками 12 гривен на человека, хотя «на ключ» 12 гривен дани Византия уплатить могла, если в этом «ключе» видеть «ключ» — уключину, т. е. символ русской лодьи.

Можно, казалось бы, сомневаться в том, что воины стольких племен, еще не вошедших прочно в состав державы Олега, приняли участие в походе, но если мы учтем, что они были «толковинами», т. е. союзниками Олега в этом заманчивом, сулившем большую военную добычу и славу, походе, то нет ничего удивительного в том, что на предложение Олега идти походом «на Греки» отозвались и вятичи, вышедшие из своих дремучих лесов, и прикарпатские хорваты, и другие племена Восточной Европы. Дата похода (907 г.) не точна. Византийские источники ничего о нем не говорят. Но сам по себе поход Олега не вызывает никаких сомнений, и следом его, оставшимся в веках, является договор Олега с Византией 911 г.

Наша летопись знает два договора Олега с греками, 907 и 912 гг., причем первый, неполный, сохранился в отрывках. Совершенно прав М. Д. Приселков, объясняющий происхождение договора 907 г. следующим образом. Когда Святополк Изяславич предоставил Нестору возможность для составления «Повести временных лет» пользоваться княжеской казной, где хранились договоры русских с греками, эти документы находились не в должном состоянии. Части их уже не было, часть договора 911 г. была оторвана от остального текста, что и дало Нестору повод считать оторванный кусок за остаток текста более раннего договора с Византией.⁷⁰

Был и другой экземпляр, полный, который Нестор привел через несколько строк целиком. Этот договор, датированный точно 2 сентября 911 г., не вызывает в целом никаких сомнений ни по содержанию, ни по форме, ни по языку. Его текст есть несомненный и буквальный перевод с греческого, так что отдельные встречающиеся в нем выражения могут быть поняты только при условии буквального перевода на греческий язык.

Договор был переведен болгаринном на болгарский язык и выправлен русским книжником.⁷¹

Договор заключали «мужи» Олега, его «слы».

Договор 911 г. предусматривал право посещения Константинополя и пребывания там послам Руси, гостям и простым воинам, причем гости при этом предъявляли серебряные печати, послы — золотые печати русского князя. Рядовые «роз.» — русские воины, и прежде всего варяги, направлялись в Царь-град для того, чтобы поступить на службу к императору, чему Олег не препятствовал, стараясь избавиться от беспокойных и своевольных викингов. Всем им русский князь был обязан запретить «творить пакости в селах и стране нашей», т. е. в Византии.

Послы получают от императора содержание, ими самими избираемое. Гости, приезжающие не только для продажи, но и для купли, получают «месячину», состоящую из хлеба, мяса, фруктов и вина; гости же, приезжающие только для продажи, месячины не получают. Послам и гостям Руси отводился для проживания монастырь святого Мамонта в предместье Константинополя, где специальные лица вели учет выдачи посольского содержания и «месячины». Первое место отводится киевлянам, затем черниговцам и переяславцам, а потом уже жителям других городов. Русские добились беспопытной торговли. Но буйная русская вольница должна была проходить на рынки Константинополя в определенные ворота, не более 50 человек сразу, без оружия и в сопровождении

---

⁷⁰ М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. Ученые записки ЛГУ, ист. серия, вып. 8, стр. 229.

⁷¹ С. П. Обнорский. Язык договоров русских с греками. «Язык и мышление», т. VI–VII, 1936, стр. 102, 103.

византийских чиновников. Отправляясь обратно на Русь, послы и гости получали на дорогу провизию и корабельные снасти. Всякий русский воин при желании мог оставаться в Византии и служить в императорском войске. В случае каких-либо столкновений между греками и Русью все вопросы личного и имущественного характера разрешались, исходя из норм «закона русского». Указывались также взаимные обязательства Руси и Византии по отношению к потерпевшим кораблекрушение русским и грекам и по отношению к бежавшей челяди.⁷²

Для нас представляют особый интерес те статьи договора Олега с Византией, где говорится о том, что русские обязуются оказывать всяческое содействие потерпевшим кораблекрушение греческим купцам (проводить потерпевших в свою или Греческую землю, помогать им продать товары и т. д.).

Договор Руси и Византии 911 г. заключает в себе упоминание о том, что он — не первый, ибо он называет себя «удержанием» и «извещением» — «от многих лет межи Христианы и Русью бывшую любовь», намекая на договоры Руси с греками IX в.

Такой договор, как договор 911 г., мог быть заключен только победоносной Русью, так как все его содержание говорит о том, что Олег продиктовал «позорные для достоинства Восточной Римской империи условия мира» (К. Маркс).

Мы только не можем определить точно дату похода Олега, но, судя по тому, что в 909–910 гг. в Византии в императорском войске служат русские дружинники, что свидетельствует о применении пунктов договора 911 г. в действительной жизни, можно предположить, что поход имел место незадолго до 909 г., быть может, действительно в 907 г., после чего, согласно предварительному соглашению, часть русских воинов поступила на службу к императору.

Договор Олега с Византией свидетельствует о том, что это не простое соглашение цивилизованного государства с шайкой грабителей, а юридическое оформление длительных связей цивилизованного, еще могущественного, но уже дряхлеющего государства с юной, сильной, воинственной, стремящейся к непрерывному расширению державой, мечом прокладывающей себе путь в ряду сильнейших и влиятельнейших государств мира. И при этом, надо отметить, это — юридическое оформление связей старинных, сложных и живых.

Такие же старинные и живые связи установились между Русью и Каспийским морем.

Постоянные и все расширяющиеся торговые связи, как это обычно бывало в эпоху раннего феодализма, перемежались военными столкновениями. Уже во второй половине IX в., как мы видели, имел место первый поход русских на Абесгун.

Походы русских по Черному морю и военные предприятия русских, плававших по Каспийскому морю, как это следует из источников, первое время отличались друг от друга, так сказать, стадийно.

Основным направлением русских морских походов была Византия.

Сношения с ней установились еще в самом начале IX в., на заре русской государственности. Войны с Византией давно перестали носить характер набегов, и поход 860 г. был уже войной в полном смысле этого слова.

Что же касается Каспия, то обстоятельства здесь складывались несколько иначе. Не случайно о русских походах на Каспийском море мы узнаем только из восточных источников. Русские летописи о них молчат. Очевидно это объясняется тем, что походы на Каспий в меньшей мере интересовали Киевских князей, а подчас предпринимались не из Киева, а из других центров Руси.

В истории морских походов русских на Каспийское море следует отметить два этапа: на первом этапе, до середины X в., походы русских на Закавказье и Каспийское море носили характер налетов с целью захвата военной добычи; с середины X в., как это будет показано

---

⁷² М. Д. Приселков, ук. соч., стр. 239.

ниже, наблюдаются изменения в организации походов, меняются их цели. Русские дружинники стремятся обосноваться в Закавказье, восстановить прерванные войной экономические связи и наладить хозяйственную жизнь, установив дружеские отношения с населением завоеванных ими городов и областей.

В «Истории Табаристана» Мухамеда-Эль-Хасана упоминается о том, как в 909 г. русы на 16 судах прибыли в Абесгун («как во время Хасана, сына Зейды»). Они вышли на берег, производя опустошения и захватывая военную добычу. Из Абесгуна русские направились в Анджиле (Макале или Миан-Кале в Астрабадском заливе), где подверглись нападению мусульман и были вынуждены покинуть их владения.

В 910 г. русские повторили поход и сожгли город Сари (Мазандеран), повоевали окрестности Пенджагезара и, взяв пленных, удалились морем в Дайлеман (Гилян). «Часть их высадилась, а другая часть осталась на море». По приказу правителя Гиляншаха ночью было совершено нападение на русских. Оставшиеся на судах русские удалились в море, но там они подверглись разгрому со стороны флота Ширван-шаха.⁷³ Следующим большим морским походом руссов на Каспийское побережье Кавказа и Закавказья был поход около 912–913 гг. — 300 г. гиджры, по мусульманскому летоисчислению.⁷⁴

Масуди в своих «Промывальнях золота» («Золотых лугах») довольно подробно описывает этот поход. Он сообщает, что после 300 г. гиджры 500 кораблей русов, на каждом из которых было по 100 человек, вошли в рукав Нейтас, соединяющийся с Хазарской рекой.

Необходимо, прежде всего, расшифровать географические термины Масуди, иначе останется неясным дальнейший путь русов: «Нейтас» — Черное море (Понтус, Понт), а под «Хазарской рекой» Масуди следует разуместь Волгу, по его словам, впадающую в «Хазарское море, которое есть также море Джур-джана, Табаристана и других персидских стран».⁷⁵

«Хазарское море» — Каспийское море. В представлении не только Масуди, но и многих других восточных писателей, Каспийское море соединялось с Черным через Волгу и «рукав Нейтаса». «Рукав Нейтаса» — не что иное, как Дон, действительно, сближающийся с Волгой. По Дону русы добрались до хазарской заставы, поставленной «у устья рукава».

Местонахождение хазарской заставы различными исследователями приурочивается к разным местам. Григорьев считает, что русы встретили хазарские гарнизоны на Тамани, в Тмутаракани, тогда как Ламбин и Голубовский предполагают, что эта встреча произошла у Саркела, расположенного, как известно, на Дону у Цымлянской. В пользу первого предположения говорит то, что попасть на Дон, минуя Хазарский Сам-керц (Тмутаракань), если предположить, что русы спустились по Днепру и достигли Керченского пролива, плывя вдоль берегов Крыма, невозможно, а здесь-то, очевидно, состоялась встреча русов с хазарской заставой. Но и второе предположение, казалось бы, заслуживает внимания, ибо Масуди сообщает, что русы сперва вошли в «рукав Нейтас», т. е. Дон, а затем уже имели дело с хазарской заставой, расположенной в Саркеле, что, конечно, отнюдь не исключает наличия хазарской заставы и на Тамани.⁷⁶

---

⁷³ Б. Дорн, ук. соч., стр. 5, 6.

⁷⁴ В. В. Григорьев. Россия и Азия. СПб., 1876, стр. 13, 43.

⁷⁵ А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 125–138.

⁷⁶ В. В. Григорьев, ук. соч., стр. 13. — Н. Л а м б и н. О Тмутараканской Руси. ЖМНП, 1874, стр. 76. — П. Голубовский. Болгары и хазары, восточные соседи Руси при Владимире Святom. «Киевская старина», 1888, № 22, стр. 66. — В. В. Мавроди н. Первые морские походы русских на Каспийском море. «Морской сборник», 1939, № 9, стр. 99, 100.

Тем не менее следует остановиться на первом предположении, так как Масуди сообщает, что после переговоров с хазарами русы «вступили в рукав, достигли устья реки и стали подыматься по этой водяной полосе, пока не достигли реки Хазарской, вошли по ней в город Итиль...».

Следовательно, путешествию вверх по Дону и переходу на Волгу предшествовали переговоры с хазарами, а это говорит за то, что хазарская застава была на Тамани.

Прибыв «к хазарским людям, поставленным при устье рукава», русы вступили с ними в переговоры и отправили к хазарскому царю послов с просьбой разрешить им перетащить свои суда в Волгу, т. е. «перейти в его страну», и пройти в Каспийское море. За это они обещали царю половину своей военной добычи. Царь согласился. Русы, очевидно, волоком перетаскивали свои однодеревки на Волгу и пустились вниз по течению. Пройдя столицу хазар Итиль, они вступили в море.

Войдя в Каспий, «русские суда распространились по этому морю» и начали нападать на прибрежные города.

Русы применяли десанты, высаживая пеших и конных воинов, нападавших на мусульманские войска.⁷⁷

«Их отряды отправлялись в Гилян, Дайлем, Табаристан, Абаскун на гурганском берегу, в область нефтяных источников и в Азербайджан».

«При возвращении из набегов они удалялись на острова, расположенные у нефтяных источников (... нефтяных колодцев Ширванского царства, известных под названием „Баку“) и в нескольких милях оттуда. Царем Ширвана был тогда Али-ибн-ал-Хайсам. Люди вооружились, сели на барки и торговые суда и отправились к тем островам, но русы обратились против них; тысячи мусульман были убиты или потонули».

Флот мусульман был разбит русами.

Через несколько месяцев с большой добычей, ценностями и рабами, русы повернули обратно. Дойдя до Итиля, русы понесли хазарскому царю «деньги и добычу по уговору». Но гвардия кагана, состоявшая главным образом из мусульман-хорезмийцев, и многочисленные в Итиле богатые и влиятельные мусульманские купцы, узнав о разгроме русами прикаспийских земель их соотечественников и единоверцев, что, к тому же, нарушало нормальную торговлю по Каспию, обратились к царю с требованием дать им возможность отомстить русам.⁷⁸

Мусульманские купцы и воины-наемники (арсийцы) были в Хазарии серьезной политической силой, и царь, по свидетельству Масуди, «не мог им препятствовать». Он успел только сообщить русам о готовящемся на них нападении.

Русы, узнав о предстоящей схватке, вышли из судов и дали бой на суше. Масуди, несомненно, сгущая краски и преувеличивая цифры (он приводит, например, следующие цифры: мусульман и присоединившихся к ним христиан Хазарии было 15000 человек, а русов — 35000, из которых около 30000 было убито), рассказывает о разгроме в трехдневном бою мусульманами и христианами русов, об отступлении оставшейся части русов (опять-таки, несомненно, преувеличенная цифра в 5000 человек) в своих лодьях на север, в землю буртасов и болгар (камских), где и последние остатки русов были перебиты. Так закончился, по свидетельству Масуди, этот поход русов на Каспий.⁷⁹

---

⁷⁷ Указание на использование русскими судов для переброски лошадей представляет большой интерес. Русские, высаживая десант, благодаря этому могли сразу же бросать в бой свою конницу. Интересно отметить, что грузоподъемность русских судов еще в XV в., как это мы увидим дальше, Иосафат Барбаро измерял количеством не только людей, но и лошадей.

⁷⁸ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 24.

⁷⁹ А. Я. Гаркавиц, ук. соч., стр. 125–138.

Необходимо отметить, что рассказ Масуди, несмотря на его несомненную достоверность, нуждается все же в известной критике.

Во-первых, о самой дате похода. Мир-Зегир-эд-Дин-Мераши утверждает, что русы опустошили Табаристан в 914 г., а это подтверждается и Масуди, датирующим поход русов временем «после» 300 г. гиджры, т. е. после 912–913 гг. ⁸⁰

В. В. Бартольд, анализируя сообщение о походе русов Мир-Зегир-эд-Дин-Мераши (Захир-ад-дин Мараши), обращает внимание на то, что с русами пришлось иметь дело Саманидам, а уже в 302 г. гиджры (914–915 гг.) Табаристан был отнят у Саманидов алидским имамом Хасаном Утрушем. Следовательно, датировать поход следует скорее 913–914 г.

По Масуди, это было «после» 300 г. гиджры (912–913); по Мир-Зегир-эд-Дин-Мераши, это могло быть только до 302 года гиджры (914–915 гг.). Следовательно, поход русов следует датировать 301 годом гиджры, т. е. 913–914 гг. ⁸¹

Вызывают сомнение число судов и количество русских воинов, принимавших участие в походе.

Вряд ли действительно 500 судов русских прошло в Каспий. Если даже учесть вероятное участие в этом походе тех же русских воинов-мореходов, которые незадолго до этого под руководством Олега разгромили Византию и заставили ее подписать выгодный для Руси договор, то все же эта цифра покажется преувеличенной.

Сомнительно и то, что каждое русское судно, по уверению Масуди, вмещало 100 воинов. Летопись сообщает, что суда-однодеревки Олега вмещали по 40 человек. И вряд ли моносилы «фроз» могли вместить больше. Даже казацкие чайки XVII в. вмещали не более 70 человек. По-видимому, для исчисления русского войска придется все же остановиться на более скромных цифрах.

Вызывает сомнение и версия Масуди о полном истреблении русов. Мы располагаем данными, которые противоречат этому.

Аль-Ауфий (XIII в.) сообщает, что какие-то русы в 300 г. гиджры приняли христианство, а затем, когда увидели, что это обстоятельство стеснило их, решили перейти в мусульманскую веру и обратились за помощью к Хорезм-шаху. Последний с радостью отправил к ним имама, и русы стали мусульманами.

Это указание Аль-Ауфия представляет огромный интерес как свидетельство той большой роли, которую русские играли в политической жизни прикаспийских областей. ⁸²

Шабангарий (XIV в.) сообщает то же, прибавляя, что русы-мусульмане господствуют на море. ⁸³ К нему присоединяется Шукралаг (XV в.), добавляя, что целью русов при принятии мусульманства было узаконение военной добычи, добываемой в войнах с «неверными». ⁸⁴

О каких русах-мусульманах говорят Аль-Ауфий, Шабангарий и Шукралаг? Конечно, о тех, которые «после» 300 г. гиджры, быть может, в 914 г., напали на Каспий.

---

⁸⁰ В. В. Григорьев, ук. соч., стр. 19.

⁸¹ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 25. — А. Ю. Якубовский, ук. соч. стр. 464, 465.

⁸² В. В. Бартольд. Новое мусульманское известие о русских. Записки восточного отделения Русского археологического общества, т. IX, 1896, вып. 1–4, стр 264, 265.

⁸³ Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. МНП, 1908, февраль, стр. 32.

⁸⁴ П. Смирнов. Велзкий шлях і стародавнт Руси. Киев, 1928. стр. 220.

Столкновение, имевшее место у русов с мусульманами и христианами Хазарии недалеко от Итиля, закончилось, по-видимому, отнюдь не полным истреблением русов. Какая-то часть их, побежденная, принимает христианство, имевшее широкое распространение в Хазарии, быть может, и среди русов-славян, живших в Итиле, а затем, видя, что выгоднее стать последователями Магомета, обращается в мусульманскую веру, так как это давало возможность освятить стремление к военной добыче и переходит на службу к хазарскому царю, пополняя собой гвардию кагана.

Служба русских воинов в тех землях, которые были объектом их нападений, у тех правителей, с которыми они воевали, стала обычным явлением и привела к появлению «ршо» в войске византийского императора, к пополнению рядов русской стражи хазарского кагана.

А. Ю. Якубовский обратил наше внимание на одну очень характерную особенность некоторых кладов куфических монет, найденных на территории Татарской Автономной республики, т. е. на территории древнего Болгарского царства.

Клад 1840 г. включает в себе диргемы самого конца IX в. (Исмаил I, 892–907) и начала X в. (Ахмед, 907–914), и нет ни одного диргема, чеканенного после 300 г. гиджры, т. е. после похода русов на южный берег Каспия. Среди кладов встречается много монет, представляющих собой болгарскую перчеканку в подражание диргемам Исмаила I, очевидно, очень распространенным в земле волжских болгар.

Все это — и клад 1840 г., и «большое количество болгарских подражаний диргемам Исмаила Саманида» — «указывает на то, что упомянутые выше русы, разбитые болгарами, оставили у них немалое количество захваченных во время набега на юго-западное побережье Каспийского моря Саманидских диргемов». ⁸⁵ Нельзя не обратить внимания на хронологическую связь между походами русских на Константинополь и на побережье Каспия. Первый большой морской поход русских на Закавказье, 913–914 гг., последовал за походом Олега на Царьград. Ему предшествовало заключение договора с Византией — договора 911 г.

Первый поход русов на Табаристан также последовал за походом на Константинополь в 860 г., и ему также предшествовал договор «мира и любви» между русскими и «ромеями».

И, наконец, как это мы увидим дальше, поход на Бердаа 943–944 гг. также имел место вслед за походом Игоря на Византию.

Случайна ли эта связь? Безусловно нет. Можно было бы предположить, что походы на Каспий совершались **какой-то** русской вольницей, независимо от князя, от Киева и поэтому-то о них ничего не говорит наша летопись, фиксировавшая походы, организованные Русским государством, а не русской вольницей, но синхронность и взаимообусловленность активности русских у стен Византии и на берегах Каспия, причем активность русских на Каспии зависела от успехов их в борьбе с Византией, свидетельствует о взаимной связи двух направлений внешней политики и военных усилий молодого Русского государства.

Русские становились активными на Востоке или тогда, когда взаимоотношения с Империей регулировались мирными и выгодными для Руси договорами, или тогда, когда во всяком случае Русь не опасалась активности Империи и могла шаг за шагом укреплять свои позиции на Востоке.

На связь похода 913–914 гг. и договора Руси с Византией 911 г. обратил внимание еще В. В. Бартольд.⁸⁶

Так устанавливается связь между Русью, Византией и Востоком.

Установив договорные отношения с Империей, Русь обратила свое внимание на

---

⁸⁵ А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 466.

⁸⁶ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 24.

Восток. И в этой связи следует остановиться на интересном документе из еврейско-хазарской переписки, найденном и опубликованном Шехтером. Хранившийся сред» рукописей знаменитой Каирской генизы⁸⁷ и оттуда попавши» в библиотеку Кембриджского университета, этот документ, к сожалению, страдающий рядом дефектов, говорит о царе русов Хельгу.

Византийский император Роман Лакапин послал большие дары «Хельгу, царю Руссии» и подстрекнул его напасть на-хазар. Хельгу напал на город «S-m-k-r-jj» (искаженное «S-m-k-r-s», т. е. Тмутаракань), взял его, воспользовавшись отсутствием там «начальника, раб-Хашмоная». Тогда булшичи-(BaX^{it}Ci — по Феофану, причем это слово означало, по-видимому, звание, титул) Песах напал на «города Романа», а затем-«пошел войной на Хельгу и воевал...» (далее следует пропуск) «...и бог смирил его перед Песахом». Хельгу_вынужден-был отдать все, что добыл он мечом в «S-m-b-r-jj», и признался, что напал на хазар по наущению Романа. Тогда Песах, заставил его выступить против Романа. «И пошел тот против воли и всевал против Константинополя на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осили, (его) огнем. И бежал он и постыдился вернуться в свою страну, *ga* пошел морем в Персию (Paras, что может быть, искажено из Tiras, как называлась иногда Фракия. — В. М.), и пал там он и весь стан его. Тогда стали русские подчинены власти хазар». ⁸⁸

Крупнейший гебраист, академик П. Коковцов доказал, что этот документ может быть датирован XII в., и источником его является «Книга Иосиппон» и, главным образом, какой-то византийский литературный памятник, может быть, то письмо, о котором упоминает Иехуда-бен-Барзиллай (XI в.), по своему содержанию, повидимому, совпадающее с «Кембриджским документом». В нем фантастика народных рассказов сочетается с конкретными историческими событиями, а именно — с походом русов из Черного моря в Персию, походом Олега на Константинополь, сожжением флота Игоря греческим огнем, подстрекательством Романа к захвату Самкерца-Тмутаракани и захватом русскими города и, наконец, борьбой хазар с Византией за северное Причерноморье. Но все эти исторические события, одновременные и разнохарактерные, приписываются одному лицу — Хельгу, т. е. Олегу.

Хельгу «Кембриджского документа» живет и действует во времена византийского императора Романа Лакапина, царствовавшего с 919 по 944 г.

Нам кажется, что «Кембриджский документ» следует связать с описанием похода русов на Бердаа в 943—944 гг., о чем говорят Ибн-Мискавейх, Ибн-аль-Асир, Григорий Бар-Эбрей, Моисей Каганкатвацци, Низами, Якут, Абуль-Феда.⁸⁹ Ибн-Мискавейх как бы начинает свой рассказ с того, на чем кончает свое повествование «Кембриджский документ». Но об этом походе ниже.

Поход Хельгу не вызывает сомнений. Это — исторический факт, и результатом его было появление русских на восточном побережье Керченского пролива, в Самкерце-Тмутаракани. Рассказ «Кембриджского документа» о победе Песаха над Хельгу и о подчинении русских хазарам вряд ли можно считать правдоподобным, так как в 943—944 г. русские предпринимают свой поход на Бердаа, на Каспий, пересекая Кавказ сушей с запада

---

⁸⁷ Гениза — у иудеев место хранения пришедших в ветхость богослужебных книг и других документов.

⁸⁸ П. Коковцов. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-руско-византийских отношениях в X в., ЖМНП, 1913, ноябрь, стр. 159–161. — Его же. Еврейско-хазарская переписка в X в. 1932 г.

⁸⁹ А. Ю. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332–943–944 гг. «Византийский временник», т. XXIV. — Моисей Каганкатвацци. История Агван, Перевод К. Патканова, СПб., 1861, — ' В. В. Бар толь д. Арабские известия о русах. «Советское востоковедение». 1940, т. I, стр. 33—В. В. Маз родин, ук. соч., стр. 102.

на восток, от Керченского пролива и до Дагестана, причем вместе с русскими идут аланы и лезги. А для того, чтобы вместе с жителями степей и предгорий Кавказа, аланами и лезгами, пройти через степи к Дагестану, нужно было укрепиться на Тамани, и Хельгу, очевидно, превратил Тамань в базу готовящегося похода на Каспий. Ни о каком покорении хазарами русов не могло быть и речи.⁹⁰

Можем ли мы считать, что этот поход был произведен тем самым летописным Олегом, деятельность которого, по летописи, падает на конец IX в. и начало X в.? На этот вопрос ответить трудно.

Если принять высказанное в литературе предположение о том, что былинный Вольга Святославич имеет своим прообразом исторического Олега, о котором в Киеве времен летописца ходили легенды, как о «вещем» князе, то, быть может, следует связать сказанное о походе Вольги на Индийское царство с походом Руси Хельгу «Кембриджского документа» на Закавказье, в Персию.

Но все это предположения, догадки, — не больше.

В 941 г. Игорь предпринимает поход на Византию. Кроме нашей летописи, о походе Игоря сообщают Симеон Логофет. «Житие Василия Нового», Лиутпранд, Масуди, Лев Диакон.⁹¹

Сопоставляя и сверяя сведения, сообщаемые об этом походе Игоря различными источниками, мы можем нарисовать такую-картину этого похода Руси, когда Игорь, выступив из Киева, «с великим ополчением» подошел к Царьграду (Лев Диакон). Поход был предпринят морем, в лодьях, причем летопись и византийские источники называют колоссальную цифру в 10 000 «скедий», т. е. людей, а Лев Диакон и. Лиутпранд, последний со слов своего отчима, присутствовавшего в Константинополе при казни русских пленников, снижают ее до 1000.

Время для похода было выбрано очень удачно — византийский флот был занят борьбой с арабами. Византийский император был осведомлен о походе, получив весть о выходе русских в море, по летописи, от болгар, а согласно «Житию Василия Нового», от херсонесского стратига, но остановить русских на море не смог. Русские дошли до Босфора и начали военные действия в окрестностях столицы империи.

11 июня русские появились у самых стен Царьграда. Здесь, у Босфора, русские потерпели поражение, и множество их «моноксиллов» было истреблено греческим огнем. Остатки русской флотилии устремились к берегам Малой Азии, к Вифинии и Пафлагонии. Но сюда император бросил македонскую кавалерию. Здесь, в Вифинии, русские отряды, посланные в глубь страны за припасами, были разбиты, а стоявший в гавани флот

окрыжен византийской флотилией Феофана. В сентябре 941 г. русские прорвались через строй греческих судов, но при этом

понесли большие потери. Русские устремились к берегам Фракии, но отставшие русские суда были настигнуты греками «полностью истреблены греческим огнем. Много русских, пытаясь спастись с горящих лодей, бросались в воду и тонули. Часть их греки захватили в плен. Только успевшей вырваться вперед части русских судов удалось уйти к Керченскому проливу, избегая засады печенегов на Днестре.⁹²

---

⁹⁰ А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы. «Исторические записки», № 6, 1940, стр. 90–95.

⁹¹ Corpus scriptorum historiae Bizantinae, т. XXXVIII. — Monumenta Germanica historica, scr. III. — А. Я. Г а р к а в и, ЖМНП, 1872, апрель. — «История» Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей. Перевод Д. Попова, 1820, VI, гл. X.

⁹² М. Д. Приселков. Русско-византийские отношения а IX–XII вв. «Вестник древней истории», 1939, № 3,

Чем был вызван поход, когда русские, по свидетельству различных источников, на множестве судов подплыли вновь к стенам Царьграда? Возможно, что Византия пыталась ликвидировать условия мира 911 г., и нарушение их и вызвало поход Игоря «941 г.»⁹³

Но неудача 941 г. не смутила Игоря. В 944 г. он, «совкупив вой многи, Варяги, Русь, и Поляны, бловени, и Кривичи, и Теверьце, и Печенеги наа, и тали у них поя, поиде на Греки в ладьях и на коних, хотя мстити себе».⁹⁴ Это были тяжелые времена и для Империи и для императора Романа. Борьба с арабами и болгарами обессилила Византию. Во дворце императора и в самой его семье плелись нити заговора, которые привели самого Романа, а затем и свергавших своего отца его сыновей, Константина и Стефана, на Принцевы острова.

И снова момент для нападения на Византию был выбран Игорем очень удачно. Вот почему, когда силы Руси двинулись на Византию, угрожая ей с суши и с моря, то на Дунае русские войска были встречены послами Романа, которые предложили Игорю попрежнему брать с Византии дань, «юже имал Олег», и заключить договор. Договор был заключен, и, взяв у греков «злато и поволоки... на вся вой», Игорь повернул обратно. Русско-византийские отношения договором 944 г., окончательно оформленным послами императора уже в "Киеве, были восстановлены. В летописи мы находим красочный рассказ о том, как русские в Киеве скрепляли клятвой договор в Византией.

Это происходило в конце 944 г. Послы императора прибыли в Киев в самом конце 944 г. (не позднее, так как 16 декабря 944 г. Роман был свергнут, а договор заключен от его имени). При первой же встрече с Игорем послы императора объявили русскому князю, что император уже присягнул, и потребовали, в свою очередь, присяги от Игоря. На утро стали сходиться русские «мужи». Явился и Игорь с послами императора и занял свое место на холме, где стоял идол Перуна. Язычники-русские, подходя к холму, снимали с себя и клали на землю оружие: обнаженные мечи, щиты и другое оружие, сбрасывали с себя обручи и украшения и клялись Перуном свято блюсти договор с греками. Многочисленные христиане-русские шли присягать в соборную церковь святого Ильи, стоявшую над ручьем, в конце Пасынчей беседы и Хозар. Когда церемония была окончена, Игорь одарил послов мехами и челядью и отпустил их в Византию. Так возобновились связи между Киевом и Константинополем.

Русь не была принижена неудачей 941 г. и добилась договора 944 г. без борьбы, но поражение Игоря не могло не сказаться на тексте византийско-русского соглашения. Договор 944 г. был объявлен как обновление договора 911 г., но он содержит в себе ряд статей, менее выгодных для Руси, чем аналогичные статьи договора 911 г.

Так, например, все торговые операции русских гостей облагались пошлиной. Закупка паволок была ограничена 50 золотниками на купца. Зимовка русских судов в пределах Византии запрещалась. Права русских купцов в Византии урезывались, всякая тяжба по поводу преступлений против личности и имущества подданных Руси и Византии регулировалась теперь не только в пользу одних русских, по «закону русскому». Особенно следует подчеркнуть вопрос о «стране Корсунстей». Указывалось, что если русский князь не будет «воевать» города в византийских владениях в Крыму, то и Византия окажет ему помощь в его войнах «на тех странах».

Русский князь берет на себя обязательство не пропускать черных болгар «пакостити» Корсунской стране. Русские не должны препятствовать корсунянам ловить рыбу в устье Днепра, а осенью обязаны уходить с устья Днепра, Белобережья и острова святого Евферия.

⁹³ Б. Д Греков. Борьба Руси за создание своего государства. М.—Л., 1942, стр 55.

⁹⁴ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 44.

Византия имела право вызывать себе на помощь русских «воев», указывая письменно их количество, в свою очередь давая русскому князю войска «елико тебе», очевидно, для защиты византийских и русских владений у Корсунской страны.

Как и в договоре 911 г., но в гораздо большей степени, Византия прежде всего добивается от Руси военного союза, прекрасно учитывая ее все время возрастающую мощь и, наконец, то, что политические интересы Руси и Византии сталкивались на всем огромном протяжении от Дуная до Керченского пролива. Русь могла стать либо могущественной союзницей империи, либо ее опасным врагом, сильным, энергичным и влиятельным.

И из обязательств о помощи Руси и Византии в отношении обороны «страны Корсунстей», из статьи, трактующей об обязанности русского князя Игоря не пускать черных болгар в Корсунскую страну, следует, что в то время Игорь имел какие-то земли, находившиеся неподалеку от Херсонеса. Когда же власть русского князя распространилась на них? Наиболее убедительными мне кажутся соображения А. Н. Насонова, высказанные по этому поводу. Он полагает, что занятие русскими той самой «Хазарской заставы», где в 913–914 г. они договаривались о пропуске их во владения кагана, того самого «Смкрц» («S-m-k-r-c»), о котором говорит «Кэмбриджский документ», произошло в июне 944 г., когда русские отправлялись в поход на Бердаа и шли от берегов Азовского моря сушей, по степям Северного Кавказа, в предгорьях Кавказского хребта, стремясь выйти к берегам Каспийского моря. Так было положено начало русскому Тмутараканскому княжеству.

И когда осенью 944 г. велись переговоры о подписании договора между Игорем и Империей, в руках русского князя была и Тмутаракань и, по-видимому, восточная часть Крыма, прилегающая к «Корсунской стране».⁹⁵ М. Д. Приселков также считал, что уже в 944 г. русские владения простирались до Крыма.⁹⁶

Так на восточном берегу Керченского пролива была создана база для русского похода на Каспий — зародыш будущего Тмутараканского княжества. Русские уже не раз появлялись в Крыму, достаточно вспомнить «Житие Стефана Сурожского», и появление их здесь в X в. вполне понятно. Но этого мало. Для того чтобы не пускать черных болгар, идущих с севера, со стороны степей, в земли херсонеситов, нужно было обладать западным побережьем Азовского моря вплоть до северной части Таврии, до перешейка. Только обладая этими сопредельными с Корсунской страной землями, Игорь мог реально не допускать черных болгар «пакостити» византийским владениям в Крыму.

Так, в результате походов 944 г., Киевский князь стал обладателем земель в Крыму и на Тамани, где в очень непродолжительном времени появилось много русских, да и среди местного населения обнаружилась явная тяга к Руси. Создалась своего рода «русская партия», из среды которой вышли и корсунянин Анастас, помогший Владимиру овладеть Херсонесом, и те корсуняне, которые убили отравителя тмутараканского князя Ростислава херсонесского котопана. А остатки русского населения в Крыму и на Тамани прослеживаются вплоть до XIII и даже XIV вв.

Но так как в новых своих владениях, еще недавно византийских, Игорь должен был утверждать свою власть и укреплять влияние, вполне понятны его требования присылки императорских инсигний (царское одеяние, убор, венец), о чем говорит в XIII гл. своего сочинения «De administrando imperio» Константин Багрянородный и на что обратил

---

⁹⁵ А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы. «Исторические записки», т. VI, стр. 90, 91. — И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX–XII ст. на Дону к Тамани. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 6, 1941, стр. 237,

⁹⁶ М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. Ученые записки ЛГУ, серия ист. наук, вып. 8, стр. 194

внимание М. Д. Приселков.⁹⁷

Византия была обеспокоена утверждением власти Руси на северном побережье Черного моря и в Крыму. Азовское море уже стало русским озером. До сих пор русские предпринимали свои походы на византийские владения, выходя из глубин восточно-европейской равнины, отплывая от «гор киевских». Теперь они уже осваивали само морское побережье, утверждаясь у границ византийских земель в Крыму. Поэтому-то в договоре 944 г. так старательно подчеркивается запрещение русским зимовки в устье Днепра, на Белобережье и на острове Евферия. Византия боялась, что вместо русской военно-промысловой вольницы, вместо русских «дромитов» здесь могут появиться оседлые, постоянные русские поселения типа позднейшего Олешья, что русские закрепятся на берегах Черного моря.

О русских-дромитах (ДрорлтаГ) в связи с событиями 941 г. упоминают Георгий Амартол, Феофан и Симеон Логофет. Само название — дромиты,⁹⁸ говорит за то, что это была русская промысловая и торговая вольница, напоминающая будущих «галицких выгонцев» и бродников, с которыми их роднит даже смысловое значение их наименования. Византия была способна направлять внимание русских на Восток, но воспрепятствовать русским укрепиться на берегах Азовского и Черного морей, в Крыму и на Тамани она была, не в состоянии. Тем более понятно стремление императора направить энергию русских дружин на Хазарию и в Закавказье, что полностью соответствовало направлению второго пути морских походов Руси и ее интересам на Востоке. Византия не могла указать Руси, где воевать, но она, опасаясь могущества русских, создавала условия, облегчавшие русским дружинам активность на Каспии.

И в связи с событиями 944 г. стоит поход русских на Бердаа. Византии удалось отвести удар от себя и вновь обратить внимание русских на Восток. Быть может, в результате того самого «подстрекательства» Романа Лакапина, о котором сообщает «Кембриджский документ», русские устремились в Закавказье.

Возможно, что этот поход возглавил действительно Хельгу-Олег. И не в этой ли связи стоит рассказ Новгородской I летописи о том, как Игорь «посла» своих дружинников «на греки»? Не послал ли он участника похода — Олега-Хельгу «Кембриджского документа» и на Византию? Такое предположение высказал А. Е. Пресняков.⁹⁹ Во всяком случае Игорь в этом походе не участвовал. Его скорее всего предприняли после похода 944 г. русские воины, решившие воспользоваться тем, что война с Византией не состоялась, и всей массой обрушиться на Восток. И Игорь их охотно отпустил, отправив другую часть своего войска, наемников-печенегов, сражаться в Дунайской Болгарии. Этот поход в Бердаа, датируемый 944 г. (332 г. гиджры, а это может быть и 943 и 944 гг., но скорее всего 944 г.), описан Ибн-Мискавей-хом («Книга испытаний народов»), Якутом («Географический словарь»), Григорием Бар-Эбреем («Сирийская хроника»), Абуль-Федой («Мусульманские летописи»), Ибн-аль-Асиром («Полная летопись»), Моисеем Каганкатвацци («История Агван») и Низами («Эскендер Намэ»).

Низами сообщает, что «русские, жаждущие войны, пришли ночью из страны алан и герков (георгов), чтобы на нас напасть, как град. Так как они не смогли пробиться через

---

⁹⁷ М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. Ученые записки ЛГУ, серия ист. наук, вып. 8, 1940, стр. 217–226. — А. А. Насонов, ук. соч. — В. В. Мавродин. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв. Ученые записки Пед. инст. им. Герцена, т. XI.

⁹⁸ 2 Дро — от греч. «бег». Дромиты — бегуны,

⁹⁹ А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории. М., 1939, ч. 1, стр. 71, 72.

Дербент и его окрестности (очевидно, на юг. — В. А.), они отправились в море на судах и совершили нападение». ¹⁰⁰

Григорий Бар-Эбрей указывает: «вышли разные народы: аланы, славяне и лезги, проникли до Азербайджана, взяли город Бердаа».

Оба источника говорят о том, что русские двинулись в поход на Бердаа с северо-востока, с берегов Азовского моря, от Тамани и через степи, присоединив к себе алан (осетин) и лезгов (лезгин), вышли к Дербенту, в Дагестан. Здесь где-то они пересели на лодьи, построенные, очевидно, тут же, на берегу Каспия, и вышли в море. Этих «русов» Бар-Эбрей прямо называет славянами.

Так появилось на Каспии русско-лезго-аланское войско, пришедшее из Тамани. Власть хазар на берегах Азовского моря и на Тамани была не более, чем номинальной, и русские беспрепятственно двинулись на восток. «Владелец Алании», очевидно, не без давления со стороны Византии, стремившейся руками русских ослабить Хазарию и одновременно избавиться от постоянной угрозы со стороны Руси причерноморским владениям Византии, допустил русских и даже, более того, не препятствовал присоединению к ним его подданных — алан. Самые краткие известия о походе русов из Бердаа принадлежат перу Якута и Абуль-Феда, которые сообщают только о появлении русов в Каспийском море и о захвате ими города Бердаа. ¹⁰¹ Столь же лаконично и сообщение Бар-Эбрея, но оно, как мы уже видели, имеет для нас огромную ценность в том отношении, что указывает на этническую принадлежность участников похода. ¹⁰²

Гораздо подробнее описывают поход 944 г. Ибн-аль-Асир и Ибн-Мискавейх.

Красочное, но фантастическое, хотя и не лишённое интереса для исследователя, описание похода дает в своей поэме «Эскен-дер Намэ» Низами. Низами, правда, заставляет русских воевать с... Александром Македонским (!), но это обусловлено его искренним стремлением подчеркнуть воинственность, храбрость и силу русских, для объяснения поражения которых ему пришлось прибегнуть к воскрешению знаменитого «Искандера» («Эскендэра») — Александра, память о котором была еще жива на Востоке.

И даже легендарному непобедимому Александру пришлось выдержать семь битв, прежде чем он одолел русских.

Несмотря на поэтическую фантазию, в произведении Низами есть много ценного и правдоподобного.

В августе 944 г. русы были уже на Каспии и вскоре дошли до р. Куры. Здесь, у Мубареки, остановился русский флот. Затем русы поднимаются вверх по течению Куры, входят в приток и внезапно появляются перед крупнейшим и богатейшим городом Азербайджана Бердаа. Навстречу им вышел отряд помощника правителя Азербайджана, которым в те времена был Марзбан-ибн-Мухаммед из династии Мусаффиридов. Этот отряд состоял из 300 дайлемитов, 300 курдов и 5000 добровольцев. Мусульмане не рассчитали своих сил. После часовой схватки войска их были разбиты и бежали. Преследуя бегущих по пятам, русы ворвались в Бердаа и завладели им. ¹⁰³

Вступив в город, русы немедленно объявили горожанам, что жизнь их будет пощажена. Русы заявили населению, чтобы все спокойно оставались в своих домах и занимались своим

---

¹⁰⁰ Б. Дорн. Ук. соч., стр. 498.

¹⁰¹ В. В. Григорьев. Россия и Азия, стр. 20, 21.

¹⁰² Б. Дорн, ук. соч., стр. 515.

¹⁰³ В. В. Григорьев, ук. соч., стр. 22.

делом, что у них нет разногласий в вере и единственно чего они желают — это власти. Обязанность жителей Бердаа подчиняться им, а обязанность их, русов, хорошо относиться к покоренным гражданам. Ибн-аль-Асир сообщает: «Они сдержали свое слово и, должно отдать им справедливость, они вели себя выдержанно». По свидетельству того же Ибн-аль-Асира и Ибн-Миска-вейха, простые люди, главным образом пастухи, пытались дать отпор, но неудачно, а знать смирилась и подчинилась русским.¹⁰⁴ Правитель Марзбан с 30-тысячным войском попытался выбить русов из Бердаа, но был разгромлен и отступил. Русы укрепились в Бердаа. Это уже не поход, ставивший своей целью лишь захват военной добычи. Русы завоевывали территорию, устанавливали свою власть, оставляли жителям не только жизнь, но и имущество, стремились к восстановлению порядка и нормальной жизни. Они собирались завладеть завоеванной землей, остаться править и осваивать край. То, что русы успели сделать уже на Тамани и в восточной части Крыма, они пытались установить и в далеком Закавказье, на р. Куре.

Описание похода русов 944 г. свидетельствует о том, что он был предпринят не отрядами, действовавшими с целью грабежа, а хорошо организованными и дисциплинированными отрядами воинов, посланными на завоевание владений на далеком, сказочно богатом, пышном Востоке могущественным правителем государства русского народа. Это были воины Киевской Руси времен Игоря.

Русы, занявшие Бердаа, — воины. Ибн-Мискавейх описывает их рослые фигуры, говорит о их вооружении: пиках, мечях, палицах и кинжалах. Но, как уже указывалось, вступив в Бердаа, русы не думали, ограничившись военной добычей, возвращаться к себе на север. Они собирались остаться здесь.

Поэтому с ними были орудия труда: топоры, пилы, молотки. Их военные предприятия носят государственный характер и отличаются от предшествующих походов русских дружин на южный берег Каспийского моря.¹⁰⁵

Целью морского похода русских 943–944 гг. являлось создание в Закавказье, на берегах Куры, с центром в Бердаа аналога того политического образования, которое создано было русскими дружинами на Тамани, у дельты Кубани, с центром в Тмутаракани.

Поход на Бердаа был одним из моментов расширения русского, славянского «варварского государства», выбрасывавшего в течение X и XI вв. свои аванпосты на берега Керченского пролива и на низовья Дона, в днепровские плавни и в гирла Дуная, в Закарпатье и в Закавказье. Глубоко прав был В. В. Бартольд, когда писал: «Подробности рассказа (о походе на Бердаа, — В. М.) показывают, что взятие Бердаа было совершено более стройными и дисциплинированными силами, чем набеги норманнов на христианские и мусульманские города Европы. В рассказах об этих набегах норманны обыкновенно изображаются беспощадными варварами, истребляющими и сжигающими все на своем пути; едва ли в Европе был случай, чтобы языческие норманны при взятии большого города объявляли жителям, что будут охранять безопасность их жизни и имущества». ¹⁰⁶

Поход 944 г., как равно и другие походы, ему подобные, отражал стремительный рост Русской державы, тянувшейся к Византии и Востоку и высылавшей один за другим свои отряды для завоевания «империи на юге» (К. Маркс) и на востоке.

Русы распространились по Закавказью. Всюду действовали их отряды, покоряя окрестное население. Власть их укреплялась. Но вскоре мусульмане, используя свое численное превосходство, заставили русских уйти в Бердаа. Началась осада города. Попытки

---

¹⁰⁴ Там же, стр; 22. — А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 92.

¹⁰⁵ А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 467.

¹⁰⁶ А. Ю. Бартольд, ук. соч., стр. 34.

Марзбана, обложившего со своим тридцатитысячным войском Бердаа, взять город приступом не увенчались успехом. И неизвестно, чем бы все окончилось, если бы не эпидемия, разразившаяся среди русов.¹⁰⁷

Под натиском противника русы были вынуждены отступить в цитадель Бердаа, в Шахристан, где эпидемия стала свирепствовать еще больше. Увидев, что держаться дальше невозможно, русы покинули Шахристан, вышли к Куре, где стояли наготове их суда, и ушли на них в морс.

Все источники единодушно отмечают храбрость русов. Русы не сдавались и предпочитали смерть плену. Они не отступали даже тогда, когда враг явно превосходил их числом. Ибн-Мискавейх сообщает, что однажды целая толпа мусульманских воинов напала на пять русов, проникших в один из садов Бердаа. Ни один из русов не хотел сдаваться, и все они погибли в неравной схватке. Последний оставшийся в живых молодой рус, сын одного из начальников, не желая попасть в руки врага и видя, что сопротивление невозможно, заколол себя кинжалом.

Отступление русов из Бердаа произошло уже в конце лета 945 г.¹⁰⁸

Никто не решался ни задерживать, ни догонять русских, и они с большой добычей ушли на Каспий. Дальнейший их путь и судьба неизвестны. Повидимому, они вернулись на Русь.

О походе русских на Бердаа долго помнили в Закавказье. Говоря о роли, которую сыграл в истории народов Закавказья этот поход, С. П. Толстой еще раз обращает внимание на его отражение в «Искандер-Намэ» («Эскендер Намэ») Низами. «Страницы, посвященные описанию боя (Александра Македонского, — В. М.) с русскими, весьма ярки. Они должны быть введены в широкий оборот как памятник того глубокого уважения, которое военное искусство наших предков вызывало у представителя одного из братских народов Союза. Александр, победивший весь мир, лишь с огромным трудом, после тяжелых семикратных боев, сламывает сопротивление русов. На страницах поэмы «Искандер-Намэ» рассыпано немало ярких характеристик, рисующих русов как смелых воинов, мужественных людей, привыкших к лишениям и готовых в жесточайших боях отстаивать независимость своей страны».¹⁰⁹

Походы Руси на Черное и Каспийское моря создали Руси славу мореходной державы. Большую роль в морских походах русских играл великий водный путь «из варяг в греки», сложившийся в начале или в середине IX в. Этот путь соединял «море Варяжское» (Балтийское) с «Русским морем» (Черным морем), а через Керченский пролив, Дон и Волгу, с «морем Хва-лынским» (Каспийским). Путь «из варяг в греки» шел от берегов Скандинавии и до самого Царьграда.

В первой половине IX в. произошло слияние двух узлов торговых водных артерий: северного (Западная Двина, Нева, Ладожское озеро, Волхов, Северная Двина и другие реки севера-) и южного (Средний Днепр, Десна, Припять и связанные с ними водные и сухопутные дороги, ведущие к верховьям Днепра, Оки, Волги, в Полесье, к Карпатам и к Черному морю). Создается великий водный путь «из варяг в греки». Он шел от Бьёрке на северном берегу Финского залива к Котлину, от него к Неве, Ладоге. Отсюда, из Ладоги, плыли к Новгороду, которого достигали, отплывая из Дании, — в конце 4-й недели, от устья Одера — на 43-й день. Путь от Висби до Новгорода проходили в течение двух недель.

---

¹⁰⁷ «Излишнее употребление плодов произвело между ними заразительную бодезнь», сообщает Ибн-аль-Асир.

¹⁰⁸ Б. Бартольд, ук. соч., стр. 34.

¹⁰⁹ С. П. Т о л с т о в. Из предистории Руси. «Советская этнография», т. VI–VII, 1947, стр. 40.

Дальше лежало озеро Ильмень, за ним Старая Русса (по Платонову, в древности называемая Руса), Ловать, потом шли волоки на Западную Двину и с Двины в Днепр. Оттуда же, с волоков, можно было попасть и на Волгу.

Здесь уже начинался днепровский отрезок пути. Соединение этих двух отрезков произошло до летописного похода Олега из Новгорода в Киев.

Недаром Олег выдавал себя за прибывшего с «верха», т. е. с севера, гостя (купца). Значит, к этому времени фигура «варяжского гостя» с севера не могла вызвать подозрений у жителей Киева. Она стала привычной. Но произошло это слияние незадолго до объединения в единое целое «Славии» и «Куябы» (Куявии). И объединению двух центров Руси — Новгорода и Киева — предшествовало незадолго до этого происшедшее соединение двух узлов речных торговых артерий, путей походов, завоеваний и торговли, — путей, из которых один соответствовал торговым дорогам «Славии», а другой — «Куябы».

За волоками с Двины начинался уже Днепровский путь, красочно описанный Константином Багрянородным. Вехами на этом пути стояли Смоленск (MtXtvtaха), Любеч (TeXiootCa), Чернигов (T£cpviY<BTa)> на ответвлении Днепра — Десне, Вышгород (Boiaa^paЗз), Киев (Kiaenugardar, Koenugardr). В этом последнем названии Киева, кстати будет отметить, в скандинавской форме отразилось древнее название Киева «Киянгородом», т. е. городом киевлян, «киян», которое было в ходу у жителей Киева и от них, через варягов, попало в скандинавские саги и руны.

За Киевом, спустя несколько дней пути, начинаются знаменитые пороги, описанные Константином Багрянородным, о чем речь была выше; за Крайской переправой — остров Святого Георгия, остров Хортица, где стоял огромный священный дуб. Далее, последняя остановка перед выходом в море, — остров святого Евферия (греч.), называемый русскими Березанью, а варягами, повидимому, Bjь'rkо (Березовый остров).¹¹⁰ За Березанью путь шел вдоль берега Черного моря. Тут лежали Белобережье наших летописей и пресловутый Ахиллов бег. Здесь начинались края, заселенные русской вольницей.

Берега Черного моря от днепровского устья до дунайских гирл со времени антов были заселены восточнославянскими племенами. И во времена Киевского государства, как и в древности, это была русская земля, хотя ее население слабо ощущало власть Киевского князя.

В сочинении Константина Багрянородного «De admistrando imperio» (подлинное греческое название его неизвестно) мы встречаем замечательно яркий и красочный рассказ о плавании русских однодеревков (моноксилов) по Днепру в Византию.¹¹¹

С наступлением ноября князь «со всеми руссами» выходит из Киева и отправляется в полюдь в земли подвластных славянских племен, платящих ему дань. Всю зиму они проводят в полюдь, а в апреле, когда растает лед на Днепре, возвращаются в Киев. В глухих дремучих лесах данники-славяне в течение зимы рубят огромные деревья и, наспех их обстругав, опускают на воду. С наступлением весны такие примитивные лодки однодеревки спускаются к Днепру. У Киева славяне пристают со своими челнами к берегу и продают их русам. Грубо обработанная колода обшивается бортами, оснащается веслами, уключинами, мачтами, и вот она уже готова в далекий путь. В нее грузится все, что добыто в течение зимнего полюдья путем сбора дани, поборов, грабежа и торговли: ценные меха, шкуры, мед, воск и рабы. В июне русы двигаются вниз по течению Днепра, некоторое время поджидают у

---

¹¹⁰ Е. А. Рыдзевская полагает название острова Березань древним автохтонным названием. См. ее статью «О названии острова Березань», «Советская археология», т. IX, 1947.

¹¹¹ В тексте сочинения Константина Багрянородного «De administrando imperio» термин «славяне» употребляется для обозначения платящих дань киевскому князю жителей земель славянских племен, подвластных Киеву, а термин «руссы» применяется по отношению к дружинникам, «мужам» киевского князя.

Витичева отставших, а через два-три дня пускаются всем караваном в далекое путешествие. Они проходят пороги, где часто поджидают русских купцов алчные и воинственные печенеги, и особенно опасными в этом отношении считаются Неясыть и Крайская переправа. Приходится выходить на берег, оставляя вещи в однодеревках и, осторожно прощупывая ногами дно, толкать лодьи шестами. У Неясыти к тому же приходится часть людей выделять для охраны каравана от внезапного налета хищных кочевников-печенегов. Но вот тяжелый путь через пороги остается позади. Показался остров святого Георгия. Здесь русы делают остановку и у огромного многовекового дуба совершают жертвоприношения. Еще немного — и на горизонте, в Днепровских лиманах, появляется остров святого Эвферия (Березань). Тут русы отдыхают два-три дня и готовят свои лодьи для морского путешествия, оснащают их мачтами, реями и парусами, и... снова в путь. Идут морем, держась берегов, делая остановки у Днестра, Белой и в других местах. До самой Селины их преследуют идущие по берегу печенеги, выжидающие добычу. Но вот русы проходят Дичин и «достигают области Месимврии; здесь оканчивается их многострадальное, страшное, трудное и тяжелое плавание». ¹¹² Впереди плещут голубые воды «Суда» и сверкают белые здания Константинополя. Здесь уже начинался торг. Отсюда русские купцы привозили золотые и серебряные вещи, дорогие ткани («паволоки»), фрукты, вина, пряности, стеклянные изделия, «сосуды различные» и «всяко узорочье»: украшения, изделия из эмали и т. д. Здесь они продавали меха, воск, мед и рабов. Для торговли рабами в Константинополе имелся особый рынок, «идеже рустии купци приходяще челядь продают». ¹¹³ Об этой торговле Руси много и подробно говорят некоторые еврейские источники XI и XII вв. ¹¹⁴ Русские купцы торговали и с Византийским Крымом. С устья Днепра русские суда поворачивали на Херсонес (Корсунь). Значение торговли с Корсунем столь велико, что термин «корсун-ский» на Руси стал синонимом всего заморского, дорогого, изящного, редкого. Здесь же, у устья Днепра, еще в X в. было какое-то поселение русских воинов-купцов, откуда они ходили в Константинополь и Корсунь, зимовали, занимались промыслами и сталкивались с корсунцами (херсонеситами). Из этого поселения выросло Олешье XI–XII вв., где останавливались купцы — «гречники».

Значение торговли для развития мореходства на Руси трудно переоценить. Купцы-русы арабских писателей по Волге ездили в Булгары и Итиль, в «море» «Джурджана». Купцы-русы, по свидетельству Вениамина Тудельского, пробирались в Александрию, в Северную Африку, Блааланд скандинавских саг, где бились плечом к плечу русские и норманны русского отряда, посланного Владимиром на помощь византийским императорам; а Ма-суди говорит об одном русском племени, которое торговало «с Андалус», т. е. той самой Андалузией в Испании, куда во времена Святослава, по свидетельству Иби-Хаукаля, разгромив хазарскую столицу Итиль, направился отряд русов. ¹¹⁵

Все эти торговые поездки и военные походы могли быть предприняты лишь по морям. Так складывался и приобретал все большее и большее значение на начальных этапах истории древней Руси великий водный путь «из варяг в греки», важнейшая торговая артерия Руси и в X и в XI вв.

---

¹¹² Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Изв. ГАИМК, вып. 91, стр. 8—10.

¹¹³ «Памятники древней письменности», 1881, стр. 85.

¹¹⁴ Марголин. Три еврейских путешественника XI и XII столетий, 1881, стр. 146.

¹¹⁵ Марголин, ук. соч., стр. 138, 146. — А. Я. Гаркави Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 127–138.

Это был путь мирной торговли, путешествий «слов» и «гостей», поездок «воев», отправлявшихся на службу к императору и сражавшихся в рядах византийского войска и в командах византийских кораблей на Крите и в Сицилии, у стен Бари и Хризополя, путь морских походов и набегов. Этим путем ездила в Царьград и княгиня Ольга.

В нашей летописи и крещение Ольги, и путешествие ее в Константинополь обросло легендой. Но о крещении Ольги и путешествии ее в Константинополь, кроме летописи, говорят византийские источники: Скилица (в компиляции Кедрина), Зонара, Константин Багрянородный, немецкие хроники («Продолжатель Регинона», Гильденгаймская, Отенбургская, Кведлин-бургская, Ламберт, Титмар Мерзебургский, Analista Saxo) и, наконец, русские «похвалы» (Иаков Мних) и «жития» («Обычное Житие», «Проложное Житие» Владимира, «Проложное Житие» Ольги).

Нас не может сейчас интересовать вопрос о принятии Ольгой христианства, и все, что связано с этой проблемой, я опускаю и отбираю лишь то, что относится к ее поездке в Царьград.

Ольга прибыла в Царьград летом или в начале осени 957 г. Целью ее поездки едва ли было только официальное принятие христианства, как об этом сообщает наша летопись. Повидимому, речь шла об изменении в пользу Руси условий торговли с Византией, предусмотренных договором Игоря 944 г., неблагоприятным для русских купцов. Не случайно в составе посольства Ольги упоминаются 42 купца, что, быть может, указывает также на то, что для своей поездки Ольга использовала обычный торговый караван, направлявшийся из Киева в Византию.

Помимо этой, посольство Ольги преследовало и другие цели, а именно — заключение какого-то соглашения с Византией, причем, невидимому, Русь обязывалась давать «вой в помощь», а Византия должна была учредить христианскую церковь на Руси, что должно было усилить ее связи со странами христианского мира и укрепить ее международное положение. Таким образом, поездка Ольги носила дипломатический характер. Судя по тому, как Ольга расценила прием, оказанный ей Константином Багрянородным, она ожидала в Константинополе иной, более радушной встречи и иных, более эффективных для Руси и для себя результатов поездки в Царьград.

Об этом говорит летописное сказание о поездке в Царьград, в котором все время выступает один и тот же мотив — император домогается, а «вещая Ольга» дает отпор императору. Ищущей стороной в рассказе летописца, который основывался на народной легенде, все время выступает император, а хитрая Ольга, сохраняя собственное достоинство, умело парируя его домогания, добивается своего.

Тем не менее стремление Ольги найти в византийском императоре союзника для реализации своих планов не увенчалось успехом. Император Константин недооценивал могущества Руси, не представляя себе истинного соотношения сил между Империей и Русью, которое побудит его преемников обращаться к Киевскому князю за помощью.

Наш летописец был гораздо ближе к истине. Поездка Ольги в Царьград обросла легендой. Летописная легенда отражает не подробности приема Ольги византийским императором, а реальные силы Руси, которые давали возможность Ольге вести себя в Царьграде во время переговоров с императором так, как об этом говорит летописец. Летопись отражает настроение Ольги, вернувшейся к себе на берега Днепра после поездки в Царьград. Она отчетливо представляла себе, что ее неудача — ошибка византийской дипломатии, и придет пора, когда гордая Византия вынуждена будет обратиться за помощью к Руси, пойдя на уступки, быть может, гораздо большие, нежели те, которых она добивалась.

Летопись сообщает, что когда, якобы, император послал к Ольге послов и объявил ей, что сам собирается на Русь и просит «вой в помощь», она отвечала: «аще ты, рыци, такоже постоиши у мене в Почайне, яко же аз в Суду, то тогда ти дам». В этих словах сквозит обида оскорбленной Ольги. «Подожди, настоишься и ты у меня на Почайне, как стояла я в

Суде»,¹¹⁶ говорит она, и эта фраза отражает настроение Ольги после поездки к императору, во всяком случае в той форме, в которой оно отразилось в народном эпосе и попало на страницы «Повести временных лет».

Повидимому, Ольга прибыла в Константинополь летом, так как купеческий караван ушел из Киева, как всегда, в конце весны или в начале лета. Прибыв к Царьграду, Ольга долго не могла добиться аудиенции и ожидала у стен Царьграда, в Суде (Босфоре). И только в среду, 9 сентября 957 г., состоялся первый прием «игемона и архонтиссы русов», описанный Константином Багрянородным. Ольгу сопровождала большая свита: ее племянник, не названный, к сожалению, по имени, 8 «приближенных людей», 22 посла русских князей (атгохрюьарк»), 16 «приближенных женщин», «люди» Святослава, 18 прислужниц, слуги из свиты послов (апокрисиариев), 2 переводчика, особый переводчик княгини и много различных слуг. Апокрисиарии, т. е. послы русских князей, в свите Ольги, кстати, сами имевшие свою свиту, это, несомненно, те самые «слы» «светлых» и «великих князей», «всякого княжья» Руси, о которых упоминают договоры русских с греками Олега и Игоря.

Константин Багрянородный дважды принимал у себя во дворце Ольгу и сопровождавших ее лиц, устраивая в ее честь званые обеды и одаривая ценными подарками.

Когда уехала Ольга и с какими результатами, о чем беседовала она с императором, мы не знаем. Но, очевидно, ее поездка не привела к ожидаемым результатам.

Обращает на себя внимание сам прием Ольги. Хотя Скилица-Кедрин сообщает, что Ольгу принимали с большим почетом, *тем* не менее она ожидала иного, и горечь ее разочарования отразилась в летописном рассказе. Ольгу принимали и одарили, как послов, очень важных, но все же только послов. В частности, незадолго до приезда Ольги в Константинополь было принято посольство сирийских правителей — Гамданидов. Прием его ничем по сути дела не отличался от приема Ольги за исключением того, что Ольга была избавлена, как «игемона и архонтисса» от поклонов и челобитья императору, которое требовалось от других послов.

Это не могло не стать известным Ольге и глубоко ее оскорбило. Обидным было длительное и томительное ожидание первой, а затем и второй аудиенции. Посольство Ольги, по-видимому, не привело ни к каким результатам и в отношении реализации тех планов в области расширения торговли Руси с Византией и улучшения положения русских купцов в Византии, в деле укрепления русско-византийского союза и учреждения христианской церкви на Руси, реализация которых была целью путешествия Ольги в Византию.

Нет никакого сомнения в том, что бесплодность переговоров Ольги в Константинополе означала опасения со стороны императора дальнейшего укрепления Руси. Этот страх и недоброжелательство, так ярко проявившиеся в поведении Константина Багрянородного по отношению к Ольге во время пребывания ее в Царьграде, чреватые были серьезными осложнениями прежде всего для самой Византии. Прошло немного времени, и Византия стала пожинать плоды своей недалёковидной политики.

Итак, миссия Ольги кончилась ничем. И единственным следом ее явилось «Блюдо велико злато служебное Олгы Руской, когда взяла дань (подарки? — В. М.), ходивши ко Царю-городу... Во блюде же камень драгий, на том же камени написан Христос;... у того же блюда всё по верхови жемчюгом учинено». ¹¹⁷ Это блюдо видел Антоний на рубеже XII и

---

¹¹⁶ Суд (sund) — пролив, в данном случае Босфор. В этом рассказе о поездке Ольги в Царьград есть одно интересное место. Мы узнаем, что суда, (шедшие из Царьграда по Днепру вверх, доходя до Киева, останавливались на Почайне, а русские суда, приходившие к Царьграду, приставали к берегу Суда, т. е. «Зуйда» — пролива Босфора.

¹¹⁷ Цит. по Д. В. Аиналову. Дар святой княгини Ольги в ризницу святой Софии в Царьграде. Труды XII Археологического съезда в Харькове, т. III, М., 1905, стр. 1.

XIII вв. при своем посещении Константинополя.

Прошло несколько лет. Византия, изнемогавшая в борьбе с арабами, должна была прибегнуть к помощи могущественной Руси, как это она делала не раз.

Не осталось и следа той недоброжелательности, которая, тщательно скрываемая под маской любезности, так ярко отразилась в рассказе нашей летописи.

В 961 г. император Роман II просил у Ольги дать ему «воев» для организации похода на Крит. Ольга пошла навстречу империи. Помощь была оказана, и между Византией и Русью установились нормальные сношения, сменившие ту натянутость и недоброжелательство, которые характеризовали русско-византийские отношения во времена Константина Багрянородного.

Новым этапом в истории морских походов русских явились войны Святослава.

Взоры Святослава были обращены на Восток, к Хазарии. Хазария становилась барьером, преграждающим Руси путь на Восток, враждебной силой, пытающейся приостановить процесс объединения под властью киевского князя русских племен, затормозить рост русской государственности и отрезать Русь от Волги, Дона и Кавказа.

Стремительное разрастание Руси, ее неуклонное продвижение на юго-восток, появление русских опорных пунктов в Крыму и на Тамани, походы русских на Закавказье, естественно, вызывали сильное беспокойство в Хазарии, где на русского князя смотрели как на узурпатора, захватившего еще недавно им, хазарам, принадлежавшую власть над племенами Приднепровья и сопредельных славянских земель, лежавших к востоку от Днепра, племенами, которые еще недавно были данниками кагана, о чем очень хорошо помнили в Хазарии времен Святослава. Хазария становилась все более и более враждебной, и столкновение ее с молодым, но могущественным русским государством, «собиравшим» под опекой Киева все «славянские языки» Восточной Европы, было неизбежным. В этой связи большой интерес представляют анонимные греческие отрывки, носящие в литературе название «Записки греческого (или готского, — В. М.) топарха». В них говорится о том, как жители города Климаты и их «сторонники», «не имея никакого понятия о царской милости или не зная греческих нравов и любя более всего независимость, будучи соседями сильного царя, обитавшего на север от Истра», решили спастись от нападений варваров, опустошавших их страну, при соединении к «царствующему на севере Истра». Они склонили к этому и самого автора «Записки», повелителя города и области Климаты, который и отправился к своему могучему северному соседу.

«Царствующий на севере Истра» охотно принял его под свое покровительство, отдал топарху Климаты, присоединив еще целую область, я определил значительные годовые доходы. В «Записке» описываются путешествие на север, переправа через Днепр в условиях холодной зимы, города и поселения низовьев Днепра и прибрежной полосы и их население, нигде, правда, не называемое, но в котором нетрудно усмотреть тех же местных жителей, которые населяли и Климаты.

Можно считать установленным, что время действия «Записки Готского топарха», судя по астрономическим наблюдениям (при переезде топарха через Днепр Сатурн был в знаке Водолея, что имело место именно в указанное время) — 962–963 гг. Место действия «Записки» — Крым, Черноморское побережье, низовья Днепра. Климаты с прилегающей к ним областью находились в Крыму. «Царствующий на севере Истра», т. е. Дуная, был, несомненно, Святослав, так как для Византии, для грека метрополии, Русь была, действительно, на севере от Истра, а топарх, по-видимому, именовал своего могущественного соседа так, как называли его в Византии. В варварах, опустошавших независимые или почти независимые от Византии города и области, также нетрудно усмотреть хазар, пытавшихся вернуть себе влияние в Крыму.

Здесь, в Крыму, на севере и востоке полуострова, лежали владения, подвластные киевскому князю.

Население Климатов и области имело нравы, одинаковые с обычаями, господствующими в землях «царствующего на севере Истра». Это — еще одно указание на связи, культурные и бытовые, между коренным населением Тавра и Руси, которые не раз отмечают греческие источники. Старинные связи русских и обитателей Крыма, наличие русских земель и владений в Крыму — все это приводило к естественному тяготению жителей Тавра к Руси, что отмечают и византийские и русские источники.

Изучение «Записки» и связанной с ней литературы дает основание нарисовать такую картину событий в Крыму.

Жители города Климаты, разоряемые хазарами, заставляют своего топарха обратиться за помощью и покровительством к Святославу, владения которого находятся где-то тут же, неподалеку, в Крыму.

Святослав охотно принимает это предложение, так как его влияние в Крыму таким образом еще более усиливается. Этим и объясняются его радушие и щедрость по отношению к то-парху.

Таким образом, готовясь к борьбе с Хазарией, усилившей свою активность в Крыму, в непосредственной близости к его таврическим владениям, Святослав прежде всего заручается поддержкой тяготеющего к Руси местного населения, которое он берет под свое покровительство. Так подготовлялась война с Хазарией.¹¹⁸ И когда, в 964 г., Святослав «Иде на Оку реку и на Волгу», то главной его задачей был удар по Хазарии и только попутно, продолжая традиционную политику подчинения Киеву славянских племен, он «налезе Вятичи». И «рече Вятичем» Святослав: «Кому дань даете?» Они же реша: «Козаром по щялягу от рада даем». Это был поход «сквозь вятичи», имевший целью пробиться на Волгу и вступить на территорию собственно Хазарии и только. Повидимому, Святослав не задерживался в Вятичской земле и не возвращался в Киев, отложив дело освоения Вятичской земли и обложения ее населения данью на более позднее время, когда закончится война с хазарами. Вот поэтому-то уже в следующем, 965 г., Святослав «Иде... на Козары». «Слышавшие же Козари, изидоша противу с князем своим Каганом, и съступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав Козаром, и град их Белу Вежю взя. И Ясы победы и Касоги».¹¹⁹

Так рассказывает о походе Святослава на хазар «Повесть временных лет», датируя разгром хазарского кагана 965 г. Летописный рассказ дает основания предполагать, что военные действия развернулись где-то в районе низовья Дона и на Северном Кавказе. Здесь стоял Саркел, и жили в степях и предгорьях Кавказа ясы и касоги (черкесы, которых их соседи, осетины, и теперь называют «касаг»). Ясы жили и в степях Подонья. О походе русских на Хазарию во времена Святослава говорит и арабский писатель X в. Ибн-Хаукаль. В своей «Книге путей и государств» (977–978 гг.), рассказывая о городе Булгар (Великие Булгары), он сообщает, что «.. Русы ограбили его, Хазран (торговая часть Итиля, — В. М.), Итиль и Самандар (Семендер) в 358 (969) году и отправились тотчас в Рум и Андалус». Далее говорится о торговле русов «в Булгаре прежде чем они разрушили его в 358 году». И, наконец, рассказ Ибн-Хаукаля заканчивается тем, что он повествует о дальнейших судьбах народов Поволжья, подвергшихся нападению русов. «Русы напали на всё это, разрушили всё, что было по реке Итиль, принадлежавшее Хазарам, Булгарам и Буртасам, и овладели им. Жители Итиля же убежали на остров Баб-аль-Абвaab, а часть их живет на острове Сиа-Ку в

---

¹¹⁸ «История» Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей. Перевод Д. Попова, 1820, стр. 193–197. — А. А. Куник. О записке готского топарха. «Записки Академии Наук», 1874.—А. Васильевский. Русско-византийские отрывки. Записка греческого топарха. ЖМНП, 1876, СХХХV. —А. Н. Насонов, ук. соч., стр. 92, 93.

¹¹⁹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 63—64-

Таким образом, если летопись датирует поход Святослава на Хазарию 965 г. и локализует действия его дружин Подоньем и Северным Кавказом, то Ибн-Хаукаль говорит о походе русов во времена Святослава на болгар, бургасов и хазар и районом действия русских отрядов считает огромную территорию от Камы до Семендера.

Для решения вопроса о том, как согласовать сообщение летописи с рассказом Ибн-Хаукаля, чтобы установить, были ли русские дружины Святослава теми же самыми русами, о которых говорит этот великий путешественник по землям мусульманского Востока, важно узнать, был ли сам Ибн-Хаукаль на Волге, притом после 969 г. или вплоть до написания им своей «Книги путей и государств» (977–978 гг.) он знал о походе русов только по рассказам джурджанцев.

Можно полагать, что второе предположение более вероятно. Только одно место в рассказе Ибн-Хаукаля говорит, казалось бы, за то, что он сам побывал в бассейне Волги. Говоря о краткости летних ночей, он замечает: «Я был свидетелем того, что указывает на правдивость такой вещи, когда я был поблизости от их страны...». Но в сочетании Ибн-Хаукаля встречаются не раз места, где из источников выписываются рассказы в первом лице без указания того, что это говорит именно источник, а не автор. Кроме того, остается неизвестным, — было ли это путешествие, даже если предположить, что оно действительно имело место, до или после 969 г. Таким образом, мы, отнюдь, не должны считать, что 358 г. гиджры (ноябрь 968 г. — ноябрь 969 г.) был именно годом нашествия русов. Скорее всего это был год, когда Ибн-Хаукаль, находившийся в Джурджане, узнал, со слов местных жителей и беглецов из Хазарии, о недавнем нападении русов.

Об этих беглецах из Поволжья сообщает Ибн-Хаукаль: «В это наше время не осталось ничего ни от болгар, ни от бургасов, ни от хазар. Дело в том, что на всех них произвели нашествие русы и отняли у них все эти области, которые и перешли во власть их (русов); кто спасся от их руки, те расселились по соседним областям, желая находиться вблизи своей страны и надеясь заключить с ними договор и вернуться под их владычество». ¹²¹

Между нашествием русов и рассказом о нем джурджанцев, записанным Ибн-Хаукалем, прошло несколько лет. Беглецы из Итиля и Семендера, разрушенных русскими воинами, уже некоторое время жили на островах Баб-аль-Абваб (быть может, остров Чечен) и Сиа-Ку («остров Сиях-Кух»), то есть на полуострове Мангышлак, ¹²² примирившись с мыслью, что бывшие владения кагана останутся под властью русских, и хотели заключить с русами договор и вернуться в родные края для того, чтобы остаться там жить уже под иноземной властью. Вот, наверное, рассказы этих беглецов в переложке джурджанцев и послужили основой для рассказа Ибн-Хаукаля.

Что же касается его сообщения о том, что русы тотчас же отправились в «Рум и Андалус», то это место в рассказе Ибн-Хаукаля заслуживает внимания.

На первый взгляд покажется невероятным морской поход русов в далекую Андалузию.

Надо было пройти Босфор и Мраморное море, Дарданеллы и Эгейское море, переплыть Средиземное море, пройти между Европой и Африкой, плывя водами Гибралтарского пролива.

Но современники были иного мнения о мореходных качествах русских.

¹²⁰ А. Я. Г арка в и, ук. соч., стр. 218–229.

¹²¹ В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. «Советское востоковедение», 1940, т. I, стр. 35.

¹²² С. П. Толстое. Новогодний праздник «Каландас» у хорезмийских христиан. «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 93.

Масуди, сообщая о нападении язычников на Андалузию («Андалус»), Испанию, писал, приводя различные взгляды на этническую принадлежность этих язычников:

«Я же думаю... что этот народ — Русы, ибо никто, кроме них, не плавает по этому [Черному] морю, соединяющемуся с морем Укиянус [океаном1]». ¹²³

Недаром арабские источники связывают с русскими нападения и на Севилью в 844 году, о чем писал вскоре после 890 года под свежим впечатлением первого русского похода на Закавказье, Ахмед-аль-Якуб-ал-Кетиб, и на Сан-Яго-де-Ком-постелла и другие города и области Испании весной 970 и летом 971 г. ¹²⁴

Для арабских писателей русские — искусные и смелые мореходы и появление их в отдаленных от Руси уголках христианского и мусульманского мира ни у кого не вызывает удивления.

Поэтому не только морские походы русских, но и других народов, арабы связывают с русами и считают этих последних инициаторами и организаторами многих смелых военно-морских предприятий.

Если мы обратимся к будущему, то следует напомнить, что «дубы» и «чайки» запорожцев, мало чем отличавшиеся от лодий их далеких предков, русских IX–X вв., плавали в водах не только Черного моря, но и в водах Балтийского моря, шведских шхерах, у Дюнкерка, участвовали во взятии Сарагоссы в Испании, а русские поморы и казаки землепроходцы, следуя традициям прашуров, совершали героические плавания по водам Баренцова и Белого морей, Ледовитого и Тихого океанов, Берингова пролива и побережья Шпицбергена.

Поэтому я считаю вполне возможным появление русских СЗ'ДОБ и у берегов далекой Испании в X в.

Действительно, взятие русскими Итиля и Семендера отнюдь не было просто налетом вольницы. Русы пытались обосноваться в завоеванных ими землях надолго, навсегда и считали покоренные края своей землей подобно тому, как позднее Святослав считал «своей» землей края, добытые им мечом, отвоеванные им в тяжелой борьбе «города по Дунаю».

Мы видели, что поход русов на Бердаа 944 г., поход на Волгу и на Кавказ в 60-х гг. X в., войны Святослава на Дунае и Балканах — все это звенья одной и той же цепи, которые отражают «стремительное разрастание империи Рюриковичей» (К. Маркс). Русские стремились укрепиться на Востоке, захватить здесь земли, распространить на них свою государственность. Беглецы из Итиля и Семендера прекрасно понимали, что русских не прогонишь, что они прочно закрепились на завоеванной территории, и единственной своей целью ставили заключение соглашения с ними для того, чтобы вернуться в родные края и там уже жить под властью русских, которые, наверное, предоставляли им возможность нормально жить и заниматься своим делом, как это было в Бердаа в 944 г. Во всяком случае беглецы были исполнены надежды на то, что это удастся, и оставались жить поблизости от своих, разгромленных и захваченных городов. На это у них, по-видимому, были какие-то основания. И их надежды оправдались. Беглецы вернулись к себе домой, так как русы ушли, но отнюдь не под чьим-либо давлением. Они действительно «отправились тотчас в Рум», т. е. в Византию. Внимание Святослава привлекли другие дела. Перед ним встали другие, несравненно более грандиозные задачи. Обстановка была благоприятная, и со всем присущим ему пылом и энергией он принялся за их реализацию.

Вот этот-то поход «в Рум» и отразил в своем рассказе Ибн-Хаукаль. ¹²⁵

---

¹²³ А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 129.

¹²⁴ А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 63.— В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 36,

¹²⁵ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 36.

Задача на Востоке была решена — Хазария 'уже никогда не смогла оправиться от нанесенного ей Русью удара.

Но такого рода трактовка вопроса не исключает возможности перехода части русских судов в Черное море, откуда они могли отправиться и далеко на Запад, в Испанию, в Андалузию и, как это уже указывалось, такого рода далекий поход русских мореходов современники-арабы считали совершенно естественным. Русские отряды с конца X в. будут не редкостью в Мраморном, Эгейском и Средиземном морях. Но об этом ниже.

Поход Святослава «в Рум», г. е. на Византию был обусловлен не только обычной тягой к Царьграду, но и стремлением к созданию могущественной державы на Дунае, к превращению Руси в сильнейшую черноморскую державу.

Карл Маркс называет эту тенденцию Святослава «традиционной политикой России».¹²⁶

М. Д. Приселков полагает, что поводом к грандиозным балканским войнам Святослава явилась борьба Византии, Руси и Болгарии за Крым, в частности, за «хазарское наследство» в Крыму.¹²⁷

Карамзин называл болгарскую политику Руси «безрассудным намерением Святослава». При этом он считал, что утверждение власти киевского князя в Болгарии было невозможно за дальностью расстояния и иноплеменным составом населения.

Вряд ли с этим можно согласиться, так как на берегах Дуная, Прута и Серета в те времена не было ни молдаван, ни валахов, а стояли русские поселения, незаметно, за Дунаем, переходившие в болгарские.

Печенеги отделяли Киев от «городов по Дунаю» в X в. так же, как половцы в XII в., что не мешало и Мономаху, и Ивану Берладнику, и Ярославу Осмомыслу сажать своих посадников в «городах подунайских», писать свои грамоты из Берлади и «суды рядить» по Дунаю.

Половцы были гораздо сильнее и опасней печенегов, а между тем, хотя половецкие вежи протянулись по степям, Тмутаракань и Корчев продолжали оставаться землями русских князей и стали, как и все Лукоморье, «землей незгемой», потерянной лишь в конце XII в.

Мы не можем и не должны в настоящей работе говорить о войнах Святослава с болгарами и греками, тем более, что этот вопрос был рассмотрен мной в книге «Образование древнерусского государства».

Я хочу коснуться лишь одной стороны вопроса, а именно морского элемента в походе Святослава на Дунай и в расположенные за ним области. Поход на Болгарию летопись датирует 967, а Иоанн Скилица — августом 968 г. Поход был предпринят и сушей, и по морю. Русские появились на Дунае внезапно, — Святослав сумел сохранить глубочайшую тайну.

Болгары не раз предупреждали Византию о походах русских и, с целью предохранения и своих и византийских прибрежных городов от нападения русских, держали приморскую стражу. Направляясь на Византию в лодьях, русские обычно держались берега и проходили мимо Селины, устья Дуная, Конола, Варны, Дичина и других мест Болгарии. Так ходили русские в Византию и для торговли и для войны. На этот раз русские вошли в Дунай незамеченными.

Узнав о том, что Святослав уже на Дунае, болгарский царь Петр бросил против русских свое тридцатитысячное войско. Святославу пришлось решать трудную задачу — высадить с

---

¹²⁶ К. Маркс. «Традиционная политика России». Соч., т. IX, стр. 439.

¹²⁷ М. Д. Приселков. Киевское государство во второй половины X века по византийским источникам. Ученые записки ЛГУ, серия ист. наук, вып. 8.

судов воинов своего авангарда в тот момент, когда берег был занят болгарскими воинами, и дать им бой. Русские с честью вышли из затруднительного положения. Они быстро сошли с судов, построились, как обычно, «стеной», в несколько рядов и, укрываясь от вражеских стрел, мечей и ножей своими длинными, до самых ног, щитами, обнажив мечи, вступили в битву с болгарами «и начали поражать их без всякой пощады» (Лев Диакон). Стремительность удара храбрых русских воинов обеспечила за ними поле битвы. Болгары не выдержали первого же удара русских и обратились в бегство. Отступившее болгарское войско заперлось в Доростоле (Дристре).

Узнав о поражении своего войска, болгарский царь Петр заболел и вскоре умер.

Битва на берегу Дуная при высадке с судов русских воинов была началом разгрома Болгарии. В короткий срок почти вся Восточная Болгария была завоевана русскими и подчинена Святославу. «Одоле Святослав Болгаром, и взял город 80 по Дунаеву, и сяде княжа ту в Переяславци, емля дань на? Грьцех», — сообщает летопись. Об этих 80 городах (цифра, быть может, неточная), завоеванных Святославом в Болгарии, столетия спустя еще помнили на Руси, и в списке русских городов, «дальних и ближних», помещенном в Воскресенской летописи, упоминаются многие из них (Видицов, Мдин, Трънов, Дрествин, Дичин, Килия, Новое Село, Аколятра, Карна, Каварна).¹²⁸

Знают об этих городах Карне, Каварне, Килии, Аколятре и Дрествине (Коавса, Карвара, КсНиа, ГоеАкгурия, Д/т отра) и Акты Константинопольского патриарха XIV в., где они выступают и не болгарскими и не византийскими, следовательно, русскими. Но об этом подробнее ниже.¹²⁹

Сам Святослав обосновался в Переяславце (Малой Преславе), на южном рукаве Дуная, у впадения в море. Это была «середина земли» его, «яко ту вся благая сходятся: от грек золото, паволоки, вина и оwoщеве разнообразные, из Чех же, из Угорь серебро и комони, из Руси же скоро и воск, мед и челядь».¹³⁰

Здесь он «имал дань» с Византии, т. е. получил, очевидно, обещанное Никифором Фокой вознаграждение. Святослав стремился остаться в Болгарии.

Вскоре началась война с греками. Новый византийский император Иоанн Цимисхий начал с того, что направил на Дунай флотилию в 300 судов, «чтобы скифам, обращенным в бегство, нельзя было уплыть в свое отечество, к Киммерийскому Боспору» (Лев Диакон).

Эпопея великих битв Святослава на Дунае свидетельствует о том, что своей флотилии русский князь придавал очень большое значение.

Когда на Дунае показались «огненные корабли» греков, по приказу Святослава русские «немедленно собрали все свои лодьи» (Лев Диакон) и поставили их на берегу Дуная, у городской стены Доростола. Греки не отважились проникнуть вслед за ними и дать им бой, несмотря на то, что располагали «греческим огнем», и остались выжидать, блокировав Доростол со стороны реки и отрезав путь отступления русским.

Но блокировать полностью русский флот не удалось. Искусные русские воины-мореходы предпринимали вылазки и добывали продукты питания для осажденного в Доростоле русского воинства.

Однажды темной, безлунной, дождливой ночью двухтысячный отряд русских воинов совершил необычайно дерзкую вылазку на лодьях. «Собравши откуда каждый мог хлеба,

---

¹²⁸ ПСРЛ, т. VII. стр. 240.

¹²⁹ Ю. Кулаковский. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриарха. «Византийский временник», 1897, т. IV, вып. Ё—4, стр. 335.— В. В. Мавроди н. Русские на Дунае. Ученые записки ЛГУ, серия гуманитарных наук, вып. 87, 1943.

¹³⁰ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 66.

пшеница и прочие питательные продукты для жизни, они по реке на челноках ввозят все в Доростол. Во время обратного плавания, увидя на берегу реки немало слуг и солдат, тех, которые поили лошадей, и других, кормивших лошадей, а некоторых пришедших за дровами, выйдя из своих судов, без шума и неожиданно нападают на них, многих убивают, а остальных заставляют рассеяться в соседних чащах, затем вступают в свои челны и, напутствуемые попутным ветром, несутся к Доростолу.

Узнавши об этом, царь впадает в страшный гнев и обвиняет начальников флота в сильном преступлении, что они не узнали об отплытии варваров из Доростола. Угрожал он им и смертью, если еще случится что-либо подобное». ¹³¹

Военные действия в последующее время развернулись на суше.

Но настал час, и снова встал вопрос о флотилии. Положение осажденных русских стало очень затруднительным. Из 22 000, оставшихся в живых, лишь половина сохранила боеспособность. Другая половина вследствие голода, болезней и ранений вышла из строя и принимать участие в битвах не могла. Голод принимал угрожающие размеры. Помощи ждать было неоткуда. Греческие «огненосные» суда отрезали пути отхода по Дунаю. 21 июля Святослав созвал совет, «коментон» (Лев Диакон). Собравшимся на военный совет начальникам, «доброиме-нитым» «кметам» (советникам, руководящей знати, вождам русских «воев») Святослав охарактеризовал положение и поставил перед ними вопрос: «что делать?». Одни советовали тихо, в глухую ночь, сесть на суда, незаметно пробраться через цепь «огненных» судов греков и уйти на Русь, ибо дальнейшее сопротивление становится невозможным. Другие предлагали заключить с императором соглашение и таким образом спасти остатки войска, так как прорваться через греческую флотилию не удастся, и русские суда *будут* сожжены «текучим огнем».

Из обсуждения следует, какую роль играли суда в боевых действиях воинства Святослава. Видимо, у русских было немало лодий, ¹³² если они полагали возможным посадить все воинство на свои суда.

На заходе солнца 22 июля грянула последняя битва «скифов с римлянами». Одиннадцатитысячный русский отряд мужественно сражался с превосходящим его численностью противником, но внезапно поднявшийся сильный ветер понес прямо в лицо русским тучи пыли и песка, ослепляя их и затрудняя дыхание.

Натиск русских ослабел. В этот же момент, на них, окружая с флангов, напала греческая конница. Святослав начал отходить, и вскоре ворота Доростола закрылись за последним русским воином. Кончилась решающая битва. Святослав не победил, но он не был и побежденным. Но что делать дальше? Ночью Святослав принял решение начать переговоры с Цимисхием. Он очищал Доростол, уходил из Болгарии, отсылал пленных греков императору и возвращался на Русь. Император же обязывался дать ему беспрепятственно выйти по Дунаю в море и возобновить старый договор. Цимисхий охотно согласился, утвердил условия мира и выдал русским по две меры (медимна) хлеба на каждого из 22 000 воинов. К Святославу явились послы Цимисхия.

Обстоятельства и условия переговоров Святослава с Иоанном Цимисхием заставляют еще раз высказать мысль, что поход Святослава на Дунай и дальше, в земли болгар и «ромеев», был не столько сухопутным, сколько морским. Войско Святослава уходило из Доростола, оставляя этот город грекам, по Дунаю в море, и преграждали ему путь на Русь во

---

¹³¹ Иоанн Скилица. Цит. перевод Д. А. Рабинович. Полного изданного на русском языке перевода Иоанна Скилицы до сих пор нет.

¹³² Я принимаю написание лодья, а не ладя, так как такого рода термин чаще встречается в древнерусских источниках и именно в этой форме он вошел в шведский и финский языки и отразился также в современном русском языке в написании слова лодка.

время войны с «ромеями» не пехота и не конница Цимисхия, а флот из 306 «огненосных судов». Следовательно, средством передвижения воинства Святослава были не лошади (кстати, византийские источники единодушно говорят о малочисленности конницы у «скифов»), вернее, не столько лошади, сколько лодьи.

Поэтому я прихожу к выводу, что до сих пор в нашей исторической литературе (в том числе и в моих книгах) морской характер похода Святослава не подчеркивался, а это не соответствует действительности. Воины Святослава шли на Русь в лодьях, что, конечно, не исключает использования другой частью воинства старых сухопутных дорог, ведущих из Приднепровья на Дунай.

Единственный эпизод из эпопеи Святослава на Дунае, о котором Лев Диакон говорит, как очевидец, опять-таки рисует Святослава не на коне, а в лодье.

На берег Дуная прибыл Иоанн Цимисхий в пышных одеждах и позлащенном вооружении. Его сопровождала многочисленная свита, богато одетая, в блестящих доспехах. С того берега Дуная отчалила лодья. «Святослав переезжал реку... и, сидя за веслом, греб наравне с прочими без всякого различия. Видом он был таков: среднего роста, не слишком высок, не слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом, с бритой бородой и с густыми длинными висящими на верхней губе волосами. Голова у него была совсем голая, но только на одной ее стороне висел локон волос, означающий знатность рода, шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и диким. В одном ухе висела у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами, с рубином, посреди их вставленным. Одежда на нем была белая, ничем, кроме чистоты, от других не отличная». 133

Поговорив немного с Цимисхием о мире, причем этот разговор Святослав вел сидя на скамье лодьи, он переправился на другой берег. «Таким образом кончилась война Римлян с Россами», заключает Лев Диакон.

И на Русь Святослав отправился морским путем: «ноиде в лодьях к порогом». Святослав не думал складывать оружие. Он прекрасно понимал, что своей неудачей обязан численному превосходству греков и необычайно неблагоприятному стечению обстоятельств. Он говорил: «пойду в Русь и приведу боле дружины» и готовился возобновить борьбу.

Святослав был еще очень опасен, и в Византии знали это. Поэтому, когда он заключил мир с греками и вышел в море, «поиде в лодьях к порогом», Свенельд предупреждал его, указывая на то, что у порогов, как обычно, бродят печенеги, которые попытаются напасть на них и отобрать богатую добычу, которую везли с собой русские воины. А она была велика, так как Святослав «имал» дань и на живых, и на мертвых, заявляя «яко род его возьмет». Святослав не послушался совета воеводы и поднялся в лодьях по Днепру к порогам. Свенельд же, по-видимому, с конной дружиной пошел правобережными степями и благополучно вернулся в Киев, к Ярополку. Как и ожидал Свенельд, печенеги были уже предупреждены греками и болгарами из Переяславца, что идет Святослав. Дружина русских мала, а «именье много», — говорили их гонцы печенегам. Хищные кочевники вышли к порогам. Пробриться через печенежские орды Святослав не мог и вынужден был зазимовать на Белобережье. Здесь снова русским воинам пришлось страдать от голода. «И бе глад велик, яко по полугривне глава коняча». 134

По весне Святослав вновь «поиде в пороги». Здесь на маленькую русскую дружину, измученную голодной зимовкой, напали орды печенежского князя Кури. Святослав был

---

133 «История» Льва Диакона и другие сочинения византийских писателей. Перевод Д. Попова, 1820, стр. 97.

134 Указание на то, что голодающая дружина Святослава так высоко ценила «голову конячу» является еще одним подтверждением того, что Святослав плыл на лодьях и коней у него было мало. Плавание по морю не исключает наличия у русских и лошадей. О десантах пеших и конных воинов, высаживаемых русскими с судов, говорит Масуди.

предательски убит.

Гибель Святослава не могла вынудить Русь отказаться от своих прав черноморской державы.

3. МОРСКИЕ ПОХОДЫ ВО ВРЕМЕНА РАСЦВЕТА КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

— После похода Святослава Русь и Византия находились во враждебных отношениях.

Об этом мы узнаем из продолжения хроники александрийского патриарха Евтихия, писавшего по-арабски и под арабским именем Сайда Ибн-Батрика свою «Нить драгоценных камней», принадлежащего перу христианина Иоанна, известного тоже под своим арабским именем Яхьи Ибн-Саида.

Уже в 986 г. Византия оказалась в тяжелом положении — император Василий II Болгаробойца попал в засаду к болгарам под Средцем, был разбит и едва спасся «горною дорогой». По свидетельству современника этих событий византийского поэта Иоанна Геометра, в эту борьбу вмешались скифы, в которых нетрудно усмотреть русских. Следом этих событий является летописное упоминание о походе Добрыни и Владимира на болгар.

Быть может, к этому времени относится начало возобновления связей между Русью и Византией. В 986 г. военачальник византийской армии Варда Склир поднял восстание в Малой Азии. Весной следующего 987 г. Василий вызвал находившегося в заточении в монастыре на острове Хиосе родственника убитого византийского императора Никифора Фоки — Варду Фоку и поручил ему подавление восстания. В сентябре 987 г. Варда Фока разбил и захватил в плен Варду Склира, но в свою очередь поднял восстание и провозгласил себя императором, а в конце 987 г. войско мятежного Фоки стояло у Хризополя, расположенного в Малой Азии против Константинополя. Положение Василия II было критическим. «И стало опасным дело его, был озабочен им царь Василий по причине силы его войск и победы его над собой. И истощились его богатства, и побудила его нужда послать к царю руссов, — а они его враги, — чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении; и согласился тот на это. И заключили они между собой договор о сватовстве и женитьбе царя руссов на сестре царя Василия, после того, как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны, а они народ великий. И не причисляли себя руссы тогда ни к какому закону и не признавали никакой веры. И послал к нему царь Василий впоследствии митрополитов и епископов, а те окрестили царя и всех, кого обнимали его земли, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране руссов. И когда было решено между ними дело о браке, прибыли войска руссов и соединились с войсками греков, какие были у царя Василия, и отправились все вместе на борьбу с Вардою Фокою морем и сушей к Хризополю. И победили они Фоку». Так говорит о событиях этого времени Яхья. 13 апреля 989 г. Варда Фока вторично был разбит Василием при Абидосе. Сам Фока был убит. 135

Итак, в конце 987 г. или в самом начале 988 г. завязывающиеся между Русью и Византией отношения вылились в договор исключительной важности — Владимир организует и посылает на помощь Василию большое войско, а за это император выдает замуж за русского князя свою «порфирородную» сестру и обязуется ввести на Руси христианство.

Нужно сказать, что подобного рода договор был большой дипломатической победой Владимира и обусловливался тем катастрофическим положением, в котором оказался Василий.

---

135 В. Р. Розея. Император Василий II Болгаробойца. Приложение к «Запискам Императорской Академии Наук», СПб., 1883, т. XLIV. — А. Е. Пресняков, ук. соч., стр. 98, 99.

В самом деле, Владимир обещал только набрать и послать в Византию отряд воинов, что вообще не было чем-либо новым, так как воины, по договорам Руси с Византией, всё время отправлялись на службу императору.

Византия же в лице своего императора гораздо большим поступалась в пользу Руси. В самом деле, «мужественный правитель Севера», к которому все же Византия обратилась как к простому князю (аручо\тя 'РсуотаС), тогда как при обращении к хазарскому князю употреблялись эпитеты «наиблагороднейший и наиславнейший», становился мужем «порфирородной», честь, в которой за год до этого отказали императору Оттону Великому, сватавшему за своего сына дочь Романа II, заявив, — «неслыханная вещь, чтобы порфирородная, (т. е. дочь рожденного в пурпуре, рожденная в пурпуре. — В. М.) вступала в брак с варваром».

Это было свидетельством критического положения Византии, могущества Руси и дипломатической победой Владимира одновременно.

Кроме того, Владимир становился родственником императора, получал определенный чин и определенное место в византийской придворной иерархии. И действительно, Владимир добился звания стольника византийского императора ('оп ситі тт]с сраеСт);). Император обещал также ввести христианство по всей Руси. Это обстоятельство имело двоякий характер. С одной стороны, император таким путем, что вообще чрезвычайно характерно для Византии, пытался распространить вместе с религией церковное влияние на Русь, а следовательно, что не разделялось в византийской практике, влияние политическое. С другой же стороны, способствуя превращению Руси в христианскую державу, Византия тем самым объективно вводила ее в ряды христианских государств Европы и укрепляла ее международное положение.

Летом 988 г. шеститысячный русский отряд был уже в Византии и сражался в войсках Василия. Боевые действия этого отряда, его путь, его судьба, представляющие для нас большой интерес, будут предметом нашего рассмотрения особо.

Морской поход русских во времена Владимира связан и с принятием Русью христианства.

Анализ и сличение различных источников [«Повесть временных лет», Новгородская I летопись, «Память и Похвала» русскому князю Владимиру Иакова Мниха, «Слово о законе и благодати и похвала кагану нашему Владимиру» митрополита Иллариона, «Чтения» о Борисе и Глебе Нестора, «Жития» Владимира («Обычное», «Проложное», «Особого Состав»), «Слово о том, како крестился Владимир, возмня Корсунь» и др. русские источники, а также Яхъя, Кедрин, Зонара, Михаил Пселл, Асо-хик и др.] дают возможность сделать вывод о том, что Владимир крестился сразу же после заключения им соглашения с Василием II о помощи, женитьбе и крещении, т. е. в конце 987 г.

Это подтверждается и «Житием» Владимира, в котором речь идет о том, что «по святом крещении поживе блаженный князь Владимир лет 28», а так как Владимир умер 15 июля 1015 г., то, следовательно, год его крещения — 987. То же самое говорит «Память и Похвала» Иакова Мниха, по которой Владимир берет Корсунь «на третье лето» по крещении, а Херсонес был взят в 989 г., следовательно, год крещения — 987 (мартовский).
136

Древнейшие русские источники говорят о местных корнях христианства Владимира, о крещении его в Киеве кем-либо из представителей многоязычного, многоплеменной Киевского христианства.

Крещение это могло быть совершено без соблюдения всех правил восточного христианства, по христианскому обряду вообще, без учета намечающихся между западно- и

---

136 А. Е. Пресняков, ук. соч., стр. 102, 103, 106. — М. С. Грушевский, ук. соч., стр. 501. — Р. В. Жданов. Крещение Руси и начальная летопись. «Исторические записки», № 5, 1939, стр. 109.

восточно-христианской церковью различий, и это, равно как и то, что Византия в деле крещения Владимира оказалась обойденной, привело к сознательному искажению действительности греческими священниками в те времена, когда русская «книжность» оказалась в их руках.

Так родилась «Корсу́нская легенда».

Она была внесена в «Начальный свод», сделалась официальной версией о крещении Руси и, устранив древние свидетельства о нем, превратилась в орудие определенных церковно-политических тенденций. Автором ее был грек-христианин, один из создателей и строителей древнерусской церковной организации, человек, хорошо знающий топографию Херсонеса, вставляющий греческие слова в русскую речь («кубара», «лимен», «василика»), один из «корсунских попов» Десятиной церкви.¹³⁷

Старинные рассказы и, повидимому, источники, говорившие о крещении Владимира на Руси (Киеве, Василеве), о походе Владимира-христианина на Корсунь, сознательно игнорировались, замалчивались летописцами, и лишь отдельные отрывки этих местных, русских, достоверных сообщений, рисующих все события, связанные с крещением Владимира и Руси в ином свете и в соответствии с действительностью, сохранились и дошли до нас только в других источниках, причем искаженные и неполные. Итак, мы с полным основанием можем считать, что поход на Корсунь был предпринят Владимиром уже после принятия им христианства. Но почему Владимир, только что заключивший соглашение с Василием «о сватовстве и женитьбе», вдруг внезапно нападает на крымские владения своего шурина? Нет никакого сомнения в том, что поход Владимира на Корсунь был вызван тем, что Русь, выполнив свои обязательства по договору с Василием, ожидала того же от Византии. Последняя же, получив шеститысячный русский отряд, не торопилась осуществить договор: выдавать замуж за «варвара» «порфирородную» Василию все же не хотел.

Мы не знаем, почему за год до Корсунского похода Владимир «к порогам ходи», но мы можем предположить, что здесь, очевидно, он ожидал Анну, выйдя ей навстречу и остановившись в том месте, где византийской миссии, в составе которой должна была прибыть и Анна, угрожала опасность от печенегов, постоянно подкарауливавших русских у порогов. Здесь и остановился Владимир со своей дружиной, поджидая греческих послов, отсюда он повернул, не дождавшись Анны, к себе в Киев для того, чтобы на следующий год выступить в поход на Корсунь и, таким образом, оружием вынудить Василия выполнить свои обещания.

Русские суда весной 989 г. спускаются вниз по Днепру, выходят в море и пристают у Херсонеса.

Место высадки русского десанта, отрезавшего Корсунь от суши (вариант А. А. Шахматова, предположившего, что первые шесть месяцев Владимир блокировал Херсонес только с моря, должен быть отброшен как совершенно не соответствующий условиям местности¹³⁸, различными исследователями приурочивается к разным пунктам побережья. Бертье-Делагард полагал, что высадка русских воинов с лодий имела место в Карантинной бухте, которая длинным и узким, причудливо извивающимся заливом, заходит далеко в глубь берега у самых стен Херсонеса и отделяет город от Севастопольского рейда.¹³⁹

---

¹³⁷ А. Е. Пресняков, ук. соч., стр. 99, 100, 104, 109, 111, 113, 114. — С. В. Бахрушин. К вопросу о крещении Руси. «Историк-марксист», кн. 2, 1937.—Р. В. Жданов, ук. соч., стр. 16, 17, 19, 20, 23, 24, 28.

¹³⁸ А. А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира. Сб. в честь В. И. Ламанского.

¹³⁹ Бертье-Делагард Как Владимир осаждал Корсунь. ИОРЯС Акад. Наук, 1909, т. XIV, кн. I, стр. 248, 249 и др.

Б. Д. Греков резонно возражал Бертье-Делагарду, считая, что прорыв русского флота в Карантинную бухту был невозможен не только из-за той опасности, которую несли собой стены Херсонеса, но и потому, что в глубине бухты Владимир мог встретить укрывшийся в ней греческий флот, а войдя в нее, мог быть отрезан с моря греческими судами.

Поэтому Б. Д. Греков полагает, что местом высадки Владимира была Стрелецкая бухта, где он и расположился лагерем «дали града стрелище едино».¹⁴⁰

С этим следует согласиться, исходя из конфигурации берегов, в чем я мог убедиться, специально исследовав в 1929 г. побережье Черного моря у Херсонеса, и из того, что только такое предположение объясняет то место в летописи, где говорится «кладези яже суть за тобою (Владимиром, — В. М.) от востока».¹⁴¹

Дата похода на Корсунь и осады города может быть установлена точно. Продолжатель «Истории» Льва Диакона Калойского Михаил Пселл говорит, что «явление кометы и огненные страшные столбы, видимые ночью на северной части неба предвещали... завоевание Херсона Тавроскифами и взятие Верро и Мисянами».¹⁴²

Яхья Александрийский и Аль-Мекин датируют это небесное явление 7 и 11 апреля 989 г. Другое же явление, произошедшее 27 июня того же года, Михаил Пселл считает провозвестником октябрьского землетрясения. Следовательно, Корсунь был взят русскими между апрелем и октябрём, т. е. летом 989 г.

Осада была длительной и упорной. «И ега Володимер об он пол города, дали града стрелище едино, и боряхуся крепко из града. Володимер же обьстоя град. Изнемогаху в граде людье, и рек Володимер к гражданам: „аще ся не вдасте, имам стояти и за 3 лета“».¹⁴³

Русские насыпали перед стенами города земляной вал («приспу»), для того чтобы по нему ворваться в город. Кор-сунцы же «крадуще сыплемую перьсть» и относили к себе в город, ссылая землю «приспы» «посреде града». Осада затягивалась. Но не даром еще со времен Игоря, а быть может, и ранее русское влияние распространилось на Крым; не даром в следующем, XI в. корсуняне убили своего котопана камнями за то, что он отравил русского тмутараканского князя Ростислава; не даром здесь еще в XIII в. остается какое-то русское население и действуют безыменные русские князья.¹⁴⁴ Еще со времен Игоря какие-то земли в восточной части Крыма вошли в состав владений Киевского князя, а по ту сторону Керченского пролива раскинулись земли русской Тмутаракани. Со времен Святослава на Крымскую Готию распространился, как мы это знаем из «Записки Готского топарха», протекторат русского князя.¹⁴⁵

Понятно, почему в осажденном Херсонесе нашлись люди, которые оказали помощь Владимиру.

«Житие Владимира особого состава», Плигинский список «Жития» говорит о том, что

---

¹⁴⁰ Б. Д. Греков. Повесть временных лет о походе Владимира на Корсунь. Изв. Таврического об-ва истории, археологии и этнографии, 1929, г. III, стр. 109 и др.

¹⁴¹ Б. Д. Греков, ук соч., стр. 112.

¹⁴² Д. Попов. «История» Льва Диакона Калойского..., стр. 108.

¹⁴³ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 106.

¹⁴⁴ В. В. Мавродин. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа. Ученые записки Пед. инст. им. Герцена, т. XI.

¹⁴⁵ С. П. Шестakov. Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. «Памятники христианского Херсонеса», т. III, М., 1908, стр. 81, 82.

варяг, по имени Ждѣберн, в записке, прикрепленной к стреле, пущенной в лагерь Владимира, сообщил русскому князю, по какому пути в город доставляются припасы. Владимир велел перекопать дорогу, и Корсунь сдался.

Другой вариант рассказа о взятии Херсонеса сообщает, что стрела была пущена рукой корсунянина Настаса (Анастаса), который указал Владимиру, где находятся водопроводные трубы, снабжающие город водой. Владимир приказал их перекопать, и город сдался.

Следует отдать предпочтение второму варианту, так как перекапывать сухопутную дорогу бессмысленно, тем более, что Владимир, очевидно, обложил город со всех сторон, и никакой подвоз был немислиим. Другое дело — водопровод. Русские могли не знать и, действительно, не знали, каким путем корсунцы получают воду, и прекращение ее подачи, конечно, могло заставить херсонеситов сдаться Владимиру.

Но в обеих версиях речь идет о разных людях, и гораздо проще представить себе стреляющим в русский лагерь варяга Ждѣберна, чем «корсунянина» Анастаса, который выступает позднее на Руси в роли киевского епископа. Не проще ли предположить, что исполнителем был варяг Ждѣберн, а инициатором «корсунянин Настас», будущий киевский епископ, за услугу взятый Владимиром на Русь, облаканный им и игравший большую роль на Г;7си вплоть до времен Святополка Окаянного.

Б. Д. Греков считает, что и «Анастас и, Ждѣберн могли действовать единовременно и даже сообща». ¹⁴⁶

Корсунь был взят. Владимир послал гонцов к «Василью и Константину, глаголя аще „Се град ваю славный взях, слышу же се, яко сестру имата девою, да еще ее не вдаста за мя, створю граду вашему, яко же и сему створих». ¹⁴⁷

Угроза была реальной. Увидеть под стенами Византии русское войско не входило в рагчеты императора. Пришлось выполнять условия договора с Владимиром, сумевшим мечом добиться восстановления своих поправных прав.

В Корсунь прибыла Анна. Отдав Корсунь Василию «за вено... царицы деля», Владимир с Анной, Анастасом и «попы Корсуньски», взяв мощи святых Климента и Фифа, церковные суда, иконы, «ида (идолы, — В. М.) медяны две ка-пищи, и 4 кони медяны», возвращается в Киев. Началось крещение Руси.

Вернемся к судьбам русского отряда, посланного Владимиром на помощь византийским императорам. Русские воины на службе у византийских императоров не были редким явлением. «Русин» на службе у императора знают договора Руси с Византией.

О первых русских воинах в Византии говорит Константин Багрянородный. Сведения о них собрал в своей замечательной работе «Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI–XII веков» В. Г. Васильевский.

Из сочинения Константина Багрянородного «*De ceriioniiis aulae byzantinae*» мы узнаем, что русский отряд в 700 человек принимал участие в морском походе на Крит в 902 г. и сражался с арабами, за что и получил 100 литров серебра.

Нам известно о других морских походах русских в составе византийского флота уже в более позднее время. Речь идет о походе в Италию, против лангобардов, в 936 г., при Романе Лакапине, в котором принимало участие 415 русских воинов; о походе на Крит в 949 г., когда в составе греческой флотилии было 9 русских судов с 629 воинами. ¹⁴⁸

В это время 7 русских судов находились в Диррахиуме и Далмации, а остальные в

---

¹⁴⁶ Б. Д. Греков, ук. соч., стр. 111.

¹⁴⁷ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 107. 1 ЖМНПР, 1874, ч. 176–178.

¹⁴⁸ Ф. Успенский. Русь и Византия в X веке. Одесса, 1888, стр. 10.

Калабрии и Испании. В поход на Крит отправилось 9 русских кораблей и две галеры с пленными, вооруженными и принимавшими участие в боях. Интересно отметить, что русские воины, принимавшие участие в морских походах византийских императоров, получали более высокое жалованье, чем их иноплеменные товарищи, также служившие наемниками у «ромеев». ¹⁴⁹

Это свидетельствует о том, что русских мореходов Византия высоко ценила. В 961 г. Роман II просит у Ольги помощи для организации похода на Крит. Эта помощь была оказана, и снова русские воины в составе византийского войска, организованные в особый отряд, предпринимают морской поход на далекий Крит. Как мы уже видели, летом 988 г. шеститысячный отряд русских воинов, посланный на помощь императором Владимиром, находился уже в Византии и сражался против мятежников.

Остановимся на его действиях в границах Византийской империи и за ее пределами.

Михаил Пселл, продолжающий хронику Льва Диакона, сообщает о том, как к Василию II «незадолго перед тем... пришел от Тавроскифов значительный военный отряд». Кедрин рассказывает о том, как император, действуя против мятежного Варды Фоки у Хризополя (Скутари), «приготовил ночью корабли и посадил на них Русь, так как кстати он призвал к себе из них союзную силу и сделал зятем князя их Владимира по своей сестре Анне; переправившись с ними, он неожиданно нападает на врагов и легко захватывает их в свои руки». А Зонара, повествуя о разгроме войск Варды Фоки под Хризополем, добавляет: «Когда Дельфина расположился лагерем против Хризополя, император напал на них с русским народом, потому что он, устроив родственный союз с князем их Владимиром через сестру свою Анну, получил оттуда вспомогательный военный отряд». ¹⁵⁰

Первая крупная битва с мятежными войсками Варды Фоки была выиграна только благодаря помощи русского отряда, посланного в Византию Владимиром.

Мы можем вслед за В. Г. Васильевским проследить дальнейший путь этого отряда, очевидно, непрерывно пополняемого, вследствие убыли, новыми русскими воинами. Шеститысячный отряд русских воинов стал как бы частью византийского войска. Людской состав его менялся, одни умирали, другие погибали в бою. Откуда черпались новые воины, мы не знаем, но можем предположить, что они приходили из Руси, вербуемые там греками, причем в их рядах были и русские-славяне и скандинавские наемники, жившие на Руси и служившие русским князьям, т. е. и те, которые с изначала именовались в Византии варягами, а именно русские, и норманские искатели славы и добычи, также именовавшиеся в Византии варягами, вроде знаменитого, оваянного дымкой легенды, воспетого в сагах Гаральда Гардрада, зятя Ярослава Мудрого. Но эта варяжская, скандинавская струя появится лишь позднее, в первой четверти и в 30-х гг. XI в. Воины русского отряда со своими типичными для них боевыми топорами — секирами (недаром их часто называют «секироносными варварами») и мечами, копьями и щитами выступали в роли дворцовой стражи императора, его телохранителей. Мы видим их в 999 г. в городе Химсе, в северной Сирии, сжигающими собор Святого Константина, в 1000 г. в Таронском округе (между Диарбекиром и Эрзерумом) в составе византийского войска. И сообщающий об их встречах с грузинами Асохик (Степанос Таронский) говорит, что «народа Рузов» «было 6000 человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых просил царь Василий у царя Рузов в то время, когда он выдал сестру замуж за последнего. В это же самое время Рузы уверовали в Христа». «Западными воинами» называет этот русский отряд и продолжатель Асохика Аритаке Ластивертский, говорящий о схватке русских с грузинами в 1000 г., не о войне, а

---

¹⁴⁹ Константин Багрянородный, ук. соч., vol. I, Bonnae, 1829, p. 660—674

¹⁵⁰ В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варлго-английскал дружина в Константинополе XI и XII веков. ЖМНП, 1874, ч. 176, стр. 122—124.

именно схватке, о драке воинов двух союзных войск, русских и грузин.

Там же, в Малой Азии, мы встречаем русский отряд в битве с грузинами 11 сентября 1022 г. при Шегфе у Эрзерума, в 1031 г., в 1033 г., когда они берут крепость Пергри, в 1047 г. в Грузии в качестве союзников Баграда. Они сражаются в византийских войсках в южной Италии при Каннах в 1019 г., отбивая яростные атаки французских норманнов. Их снова находим в Италии в 1025 г., в 1038–1042 гг., когда они сражаются в Апулии и Сицилии. В эти годы в отряде русских воинов сражается знаменитый викинг, Гаральд Гардрад, будущий норвежский король и муж Елизаветы Ярославны, герой скандинавских саг.

В 1016 г. русские дерутся с болгарами в Пелагонии, участвуют в дворцовом перевороте в Византии в 1042 г., по свидетельству Льва Остийского, правда, нуждающемуся в серьезной критике, сражаются у города Бари, в Калабрии и Апулии в 1009 (или 1010) г., а в 1047 г. снова воюют в южной Италии, тогда как другая часть русского отряда в это время пребывала в Грузии. 151

Отсюда, из походов в Италию, быть может, занесен был на Русь праздник перенесения мощей Николая Чудотворца в город Бари (9 мая), под стенами которого сражались русские воины византийской службы, возвращавшиеся к себе на Русь.

Здесь на совместной службе, варяги-скандинавы сталкивались с варягами-русскими, славянами. В те времена, и это очень убедительно показал в своей вышеназванной работе В. Г. Васильевский, «варягами» в Византии называли русских или приходивших из Руси, тогда как собственно скандинавы выступали под другими названиями (в частности, наименованием «жителей островов дальнего севера»).

В рядах этого отряда искал славы и добычи на «вено» для женитьбы на «презиравшей его русской девушке с золотой гривной на шее», Елизавете Ярославне, будущий ее муж и король норвежский, а до этого дружинник Ярослава Мудрого, Гаральд Гардрад. В составе русского отряда бились норманны, попавшие под влияние своих русских товарищей по оружию и привезшие на свой суровый север вместе с воспоминаниями о знойном Блааланде (Африке) и сказочно-богатом Миклагарде (Константинополе) и слова славянского происхождения, заимствованные ими у своих русских братьев по оружию.

Так, например, саги называют Георгия Маниака «Гирги-р», т. е. Гюрги, по-русски, а дворец императора именуют «rolotu-r» («палаты»), т. е. тоже по-русски, и т. п.

С середины XI в. значение русского отряда в Византии падает, но участие его в византийских делах В. Г. Васильевский прослеживает и дальше.

Принятие Русью христианства, усиление значения церкви в политической жизни Руси, появление греческого духовенства, и т. п. — все это приводило к установлению определенной системы, при которой взаимоотношения Руси и Византии выражались формулой, согласно которой Византия считала себя «игемоном» Руси, а Русь упорно отстаивала свою независимость во внешних сношениях и в организации церкви. Русские воины попрежнему шли на службу к императору и не прочь были повторить времена Олега и Игоря. Так, Кедрин сообщает, что в 1018 г., после смерти Владимира и Анны, какой-то сородич (свояк) Владимира, Хрюсохейр («Золоторукий», «Золотая Рука», имя, аналогичное Волчьему Хвосту, т. е. имя-прозвище) с 800 воинами прибыл на судах к Константинополю, «жюлая вступить в наемную службу». Когда император предложил ему сложить оружие и явиться к нему для переговоров невооруженным, Хрюсохейр «не захотел этого и ушел через Пропонтиду». Разбив стратига Пропонтиды под Абидосом, он ушел к Лемносу. Здесь русские были обмануты византийцами и перебиты. 152

---

151 В. Г. Васильевский. ук. соч., ЖМНП, ч. 176–178.— В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. «Советское востоковедение», 1940, т. I. стр. 39.

152 Georgi Cedrmi, стр. 478, 479.

Это был поход-налет, предпринятый, очевидно, Хрюссхей-ром на свой страх и риск, но вскоре стремление Византии к «игемонии» заставило самого Ярослава взяться за оружие.

В 1043 г. Владимир Ярославович с воеводами Вышатою Остромиричем и Иваном Творимиричем выступил в поход на Византию. Греки рассматривали этот поход как бунт своих подданных «росов», которые стали подданными императора уже по одному тому, что приняли греческую веру. Но для русских это была борьба с попытками императора и патриарха подчинить своему влиянию, своей власти независимую Русь.

Отношения между Русью и Византией уже некоторое время были напряженными. В Константинополе знали о готовящемся походе и, во избежание осложнений в самой Византии, выслали из Константинополя русских купцов, а русское вспомогательное войско, игравшее со времени Владимира большую роль в империи, было выведено из столицы и расквартировано в провинции («скифы, находящиеся в столице в виде союзников, были рассеяны в провинциях»).

В Константинополе знали о том, что русские недовольны сложившимися отношениями и готовятся к борьбе. Но пока что обе стороны сносились безбоязненно и торговали друг с другом. Поводом к выступлению русских послужило убийство греками какого-то «важного скифа», т. е. русского. В ответ на этот инцидент Владимир Ярославович выступил в поход на Константинополь. пылая «яростной и бешеной ненавистью против греческой игемонии», русские знали, что сражаются против сильного и опасного врага, простирающего свои руки к молодой Киевской державе.

Возобновив «старую вражду», они «нарубили вверх (в верховьях Днепра, — *В. М.*) леса, выстроили из него малые и большие лодьи» и вышли в море. Кедрин определяет войско русских цифрой в 100000 человек, Аталиота называет другое число — 400 лодей, т. е. около 20 000 воинов, и это, несомненно, ближе к действительности. Им удалось проникнуть в Пропонтиду, и здесь они вступили в переговоры с императором Константином Мономахом, предлагая ему заключить мир, т. е. какой-то договор, очевидно, долженствующий положить конец притязаниям Византии на «игемонию» над Русью, и заплатить по 1000 статиров на каждую лодью (по другому варианту по 3 литра золота на воина). Император отказался. В морском сражении грекам помогла страшная буря. «Сильный ветер двинулся г востока на запад; взмучив море вихрем, он устремил волны на варвара и потопил одни из его лодок тут же, так море поднялось в середину им, а другия, загнав далеко в море, разбросал по скалам и утесистым берегам». Так говорит об этом сражении Михаил Пселл.¹⁵³

«Повесть временных лет» сообщает: «и бысть буря велика, и разби корабли Руси». ¹⁵⁴

Воспользовавшись бурей, крупные греческие суда — трииры (триремы) ворвались в расстроенную штормом русскую флотилию и пустили в дело греческий огонь. «И князь корабль разби и ветр и взя князя (Владимира Ярославовича, — *В. М.*) в корабль Иван Творимиричъ, воевода Ярославль». Более шести тысяч воинов из разбитых лодей оказались на берегу. Они хотели пробиться на Русь по сухопутным дорогам, но не имели военачальника. «И не идяше с ними никто же от дружины княжее». Тогда Вышата заявил, что он идет с ними. «Аще жив буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною». Но уйти на Русь не удалось. У Варны русские были разбиты, масса воинов пала в сражении, около 800 человек были приведены в Константинополь и ослеплены. Только через три года Вышата вернулся на Русь.

Оставшиеся лодьи, на которых плыли Владимир Ярославович и Иван Творимирич,

---

¹⁵³ В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII в. ЖМНП, ч. 178, 1875, стр. 89–92.

¹⁵⁴ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр 150, 151.

повернули на север. Вдогонку им император послал 14 судов, но русские, повернув обратно, дали им бой, «изби оляди Гречьскыя» и только после этого вернулись на Русь.¹⁵⁵

Когда, через три года после указанных событий, Византия почувствовала на себе всю силу ударов печенегов и познако-милась с кривой печенежской саблей, это заставило ее искать помощи у Руси, которая могла сковать кочевую стихию. Этим и объясняется возвращение Вышаты из византийского плена на Русь. Но дружеские отношения между Русью и Византией возобновились нескоро. Только в 1052 г. или 1053 г. Русь снова увидела на митрополичьей кафедре грека, и в дом русских князей была принята византийская царевна. Это была невестка Ярослава, жена его сына Всеволода, дочь византийского императора Константина Мономаха.

Этим мы заканчиваем рассмотрение морских походов русских во времена расцвета Киевского государства.

С середины XI в., после смерти Ярослава Мудрого, начался период феодальной раздробленности.

4. РУССКОЕ МОРЕХОДСТВО В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (до 30-х гг. XIII в.)

В истории русского мореходства период феодальной раздробленности характеризуется прежде всего тем, что отныне морские походы не диктуются одним политическим центром, как это имело место в период образования и расцвета Киевского государства, а предпринимаются из разных мест, вразброд, в различных направлениях и с различными целями.

Тем не менее нельзя говорить о прекращении активности русских на море со времен распада Киевского государства. Однако стало традицией и, надо сказать, дурной традицией исторической науки утверждать именно это.

Причем обычно ссылаются на половцев, отрезавших Русь от южных морей Черного, Азовского и Каспийского, на могущественную кочевую стихию Дешт-и-Кыпчак,¹⁵⁶ которая оторвала от Руси Посулье и Поморье, сделав «землей незнаемой», и сказочное Лукоморье и древнюю Тмутаракань.

Если и говорили о русском мореходстве той поры, то имели в виду только плавание по Балтийскому и Белому морям, походы удалых молодцев-новгородцев, плавания вольницы ушкуйников, поездки поморов. Считалось само собой разумеющимся прекращение активности русских в южных морях, обусловленное господством в Причерноморских степях половцев, и также не вызывало сомнения утверждение, что единственным выходом Руси на широкие морские просторы явилась узкая полоска побережья Финского залива от Карельского перешейка и до устья Наровы, да пустынные берега неприветливого и холодного Белого моря.

Мы не собираемся отрицать роли Балтийского и Белого морей в русской военно-морской истории и в истории мореходства на Руси вообще, но имеющиеся в нашем распоряжении и отнюдь не неизвестные до сей поры факты дают право утверждать, что русские суда бороздили воды Черного и Каспийского морей и в тот период времени, когда Русская земля представляла собой множество «самостоятельных полугосударств» (И. В. Сталин) — княжеств. Великий водный путь «из варяг в греки», непрерывно

---

¹⁵⁵ Повесть временных лет по Лаврентьевскому гписку, 1910, стр. 150, 151. — В. Г. Васильевскии, ук. соч., сир. 89–93.

¹⁵⁶ Дешт-и-Кыпчак, т. е. Половецкая степь (половцы-кыпчаки), в Европе тянулась от Днепра до Волги и Урала, от границы лесной полосы со степью и до Крыма и Северного Кавказа.

функционировавший, несмотря на то, что почти все время летом, у порогов мелькали печенежские всадники, не заглох и позднее, когда половецкая волна залила все Черноморские степи. Так же, как их пращуры в X в., плавали в Царьград в XII в. купцы «гречники», весной плыли по Днепру вниз, а осенью поднимались вверх русские суда, везя в Царьград меха и мед, воск и челядь, а оттуда привозя «паволоки, и злато, и серебро, и овощи разноликие». Только немного по-иному называлась эта древняя прямоезжая дорога, сменившая название «из варяг в греки» на «греческий путь». Конечно, беспокойно бывало на ней не раз, да и половцы были неизмеримо сильнее печенегов. Не всегда, видимо, помогали и такие чрезвычайные меры, которые принимал напр. Мстислав Изяславович, вышедший в 1170 г. навстречу купцам «гречникам». ¹⁵⁷

Не раз приходилось князьям посылать воев на помощь купцам. Так, напр, в 1167 г. Ростислав «посла... Володислава Ляха с вой, и възведоша Гречники». ¹⁵⁸

А прошел год, и целая коалиция князей и земель: «Мстислав из Володимера, Ярослав брат его из Лучьска, Ярополк из Бужьска, Володимир Андреевич, Володимир Мьстиолавич, Глеб Гюргевич, Рюрик, Давыд, Мьстислав, Глеб Городень-ский, Иван Ярославичь сын, и Галичская помощь» вышли навстречу купцам, двинулись на юг «и стояша у Канева долго время, дондеже взиде Гречник и Залозник, и оттоле възвра-тишася въсвояси». ¹⁵⁹

Второй раз такая коалиция князей стояла у Канева в ожидании «Гречник и Залозник» в 1170 г. Это вполне понятно, — половцы стали «пакостити Гречнику нашему и Залознику». Приходилось выходить им «противу», навстречу, оборонять купеческие караваны.

Конечно, обстановка в степях отнюдь не была благоприятной для Руси, и, несомненно, прав был Мстислав Изяславич, когда говорил князьям: «братье! пожальтеси о Руской земли и своей отчине и дедине... уже у нас и Гречьский путь изъ отимают, и Соляный, и Залозный...». ¹⁶⁰

Но все это были препятствия, помехи, вынуждавшие принимать чрезвычайные меры, вроде совместных походов князей навстречу «гречникам», и не больше. Торг по Днепру и по морю, а следовательно, и плаванья «гречников» из Руси в Царьград не прекращались, хотя и были затруднены по сравнению с тем временем, когда у порогов поджидали русские лоды относительно слабые и малочисленные отряды печенегов.

Нас не должно смущать то обстоятельство, что летопись не сохранила нам ярких и красочных описаний походов русских воинов на Царьград, как это имело место в X–XI вв. Молчат о налетах страшных «рос» на столицу империи источники «ромеев». Все это понятно. Прекратились завоевательные походы последних времен «славного варварства», оставившие столь яркий след в русских и византийских источниках.

Развитие феодальных отношений на самой Руси изменило характер русских войн и походов, характер связей с Византией.

Кончался завоевательный период в истории древней Руси. Начинался новый ее этап, характеризуемый упорным стремлением к укреплению государственности на самой Руси и развитием феодализма. Князья перестают «искать» и «воевать» «чужюю землю», а принимаются за освоение своей земли и эксплуатацию ее населения. «Строй землею» и «установ землею», а не рати, все более и более приковывают к себе внимание русских князей.

---

¹⁵⁷ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 368, 369.

¹⁵⁸ Там же, стр. 360.

¹⁵⁹ Там же, стр. 361

¹⁶⁰ Там же, стр. 368.

Изменяются формы общественной жизни и быта. Варварская Русь перерастала в Русь феодальную, Русь XI в. «Воя» Руси все более и более заслоняла фигура дружинника, княжеского «мужа». Зарождались и быстро развивались новые формы идеологии, свойственные раннему феодальному обществу.

Русь переставала быть варварской державой; она становилась феодальным государством. Эпоха «военной демократии» с ее бесконечными походами и войнами, нападениями и набегами, отходила в прошлое. И боевой клич «воя» — дружинника все чаще и чаще покрывался выкриками княжеского тиуна и даньщика, наблюдающих за тем, как трудится на княжеской ниве, на дворе, по «ловищам» и «перевесищам» многочисленная челядь, и собирающих дань с сельского «людья» Русской земли.

Таким образом, изменение в характере русского мореходства на Черном море в XI–XII вв. и позднее, до самого Ба-тыева нашествия, в самом характере связей с Византией, осуществляемых по морю, обусловлено причинами не внешнего порядка, — с ними Русь хоть с трудом, но справлялась, а внутренним общественным развитием самой Руси, развитием и укреплением феодальных отношений.

Не случайно последний поход русских на Константинополь падает на время княжения Ярослава Мудрого и примерно совпадает с периодом интенсивного развития феодальных отношений, нашедших яркое отражение в современной рассматриваемым событиям «Правде Ярославичей».

Изменения в социальном строе и в политической жизни Руси не могли не сказаться на характере ее войн и, в частности, на существовании морских походов.

От торговли и войн, войн и торговли к регулярным дипломатическим и торговым связям, не осложняемым военными столкновениями — таков путь развития связей Руси с Византией, являющих собой этап в истории русского мореходства.

И не половцам было положить конец плаванью русских по Черному морю. Силой, способной отбросить Русь от Черного и Азовского морей на целые века, оказалось лишь страшное Ба-тыево нашествие.

В данной главе я и попытаюсь собрать и проанализировать материал, относящийся к русскому мореходству на Черном, Азовском, Каспийском, Балтийском и Белом морях в период феодальной раздробленности. Сделать это не так легко, так как в противоположность периоду блестящих войн и морских походов времен образования и расцвета Киевского государства, нашедших столь полное и яркое отражение в русских, византийских, восточных и западноевропейских письменных памятниках и в устном народном творчестве, период феодальной раздробленности не знает таких выдающихся событий, как походы на Константинополь, заканчивающиеся договорами русских с греками. Все как-то проще, обыденнее, нет запоминающихся событий и имен, так как нет грандиозных походов, да и князья отстранились от непосредственной торговли с Царьградом товарами, добытыми в результате полюдья, дани и военной добычи, а эти-то события и эти люди княжеской крови только и интересуют летописцев. Поэтому летописец лишь попутно говорит о «гречниках», о «Греческом пути» — наследниках и преемниках «слов и гостей» времен Олега и Игоря, великого водного пути «из варяг в греки», и то тогда, когда «пакости» половцев вынуждают князей, биографии и дела которых интересуют его больше всего, взяться за оружие и идти навстречу купцам куда-либо в Канев, наподобие того, как ходил «к порогам» в ожидании невесты, готовый «боронить» ее от печенегов, Владимир Святославич.

Молчат о поездках «рос»-ов в Константинополь и византийские источники, предоставляя и византиноведом и русским историкам самим догадываться, откуда берутся на Руси греческие изделия и товары, мастера и монахи, как попадают в столицу «ромеев» меха и мед, воск и челядь, а с ними вместе отважные и сильные воины русские, чье искусство и храбрость так высоко ценились в империи.

Но и то немногое, что сообщают русские и зарубежные источники, все же проливает

свет на этот темный период истории мореходства в древней Руси.

Мы уже видели, что сношения с Византией и плавание по Черному морю не прекращались в XII в. и осуществлялись все по тому же древнему великому водному пути «из варяг в греки», который теперь носил только иное название — пути «Греческого».

Не забыт был и другой путь по Днепру и Черному морю — в Корсунь и далекую Тмутаракань, путь, шедший вдоль берегов Крыма.

Этим путем, быть может, пришел в свое время (1024 г.) со своей дружиной из Тмутаракани в Киев Мстислав. За такой путь тмутараканского князя говорит то обстоятельство, что он вначале «приде... Киеву» и только тогда, когда «не приняша его Кыяне», «он... шед седе на столе Чернигове».¹⁶¹

Конечно, можно было и идя степью прийти сперва в Киев, а потом в Чернигов, но, плывя морем и Днепром, уж наверняка вначале попадали в Киев, а затем уже, по Десне, в Чернигов. Выдвигая такое предположение, я исхожу еще и из других материалов и аналогий, утверждающих именно такой путь сношений Тмутаракани с Киевом и обратно, о которых речь будет дальше.

Наличие среди дружинников Мстислава хазар и касогов, жителей степей и предгорий, еще совсем не обязательно указывает на степные дороги, приведшие Мстислава в Киев, а затем и в Чернигов. Ведь в походе русских в 943 г. на Бердаа в Закавказье, как мы уже указывали ранее, участвовали аланы и лезги не в меньшей, а в большей степени, чем хазары и касоги, связанные со степью и, особенно, с горами.

В 1059 г. (по А. А. Шахматову) прибыл на «остров Тмутараканий» инок Печерского монастыря Никон и на «месте чистом», близ самого «града» построил церковь богородицы и основал монастырь.¹⁶²

Путь свой Никон проделал по морю, плывя вдоль берегов Крыма. Это подтверждается тем, что когда в Тмутаракани умер Ростислав, «князю острова того», «люди» Тмутараканские упростили Никона поехать к Святославу. Никон отправился к Святославу в Чернигов. По пути он имел свидание с Феодосией в Печерском монастыре в Киеве.¹⁶³

Все это говорит о том, что Никон отправился из Тмутаракани морем, плыл вдоль берегов Крыма, мимо Корсуни, где незадолго до этого был убит корсунянами греческий котопан, отравивший тмутараканского князя Ростислава, поднимался вверх по течению Днепра до Киева.

И в третий раз, вместе с Глебом Никон плывет в Тмутаракань. Не случайно Глеб интересовался морем, и «В лето 6576 индикта 6 Глеб князь мерил м[оре] по леду от Тмутараканя до Кърчева 10000 и 400 саже[н]», как гласит надпись на знаменитом Тмутараканском камне.

Путь с Днепра морем в Тмутаракань был путем довольно оживленным. Не случайно в Крыму русские купцы живут в XIII в., не случайно в XI в., как некогда во времена Владимира Святославича, в Корсуне немало сторонников Руси, а может быть, и просто русских людей, отомстивших котопану за отравление тмутараканского князя. Не был ли стоянкой русских купцов-мореходов, «крайним южным форпостом древней Руси» Коктебель, где в 1931 г. Барсамов обнаружил славянскую керамику, клейма на кирпичах,

---

¹⁶¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 143, 144.

¹⁶² Патерик Киевского Печерского монастыря, 1911, стр. 26.—А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 435. — М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913, стр. 175.

¹⁶³ Патерик Киевского Печерского монастыря, 1911, стр. 156.

совпадающие со смоленскими, фундамент церкви, имеющий аналогии во Пскове?¹⁶⁴

Как бы отмечая собой морской путь из Киева в Тмутаракань, тянутся вдоль него находки вислых свинцовых печатей с надписью «от Ратибора» (трехстрочная надпись: «<от/рати/боро>»), который был одно время посадником в Тмутаракани. Одна такая печать Ратибора найдена в Киеве, одна в Севастополе, одна под Керчью и две на Тамани.¹⁶⁵

Известны находки на Тамани камня-балласта той породы, которая встречается только под Киевом. Связь Тмутаракани с Киевом по морю не прекращалась в течение всего XI, а быть может, и XII вв.

Тмутаракань-Матарха играла очень большую роль в торговле в течение всего XII в.

Арабский географ Идриси (Эдриз) около 1154 г. писал: «Матарха — весьма древний город, а имя его основателя неизвестно. Матарха окружена возделанными полями и виноградниками, цари ее весьма отважны, мужественны, предприимчивы и весьма грозны соседним народам. Город этот густо населен и весьма цветущ; в нем бывают ярмарки, на которые стекается народ из **всех** близких и дальних краев».¹⁶⁶

Матарха упоминается в договоре императора Мануила с генуэзцами в 1169 г., как самостоятельный город. Где-то недалеко от нее (по Идриси в 20 или 27 милях) лежит Russia (Идриси) или Рос (Мануил), — тоже прибрежный город-порт. Мы не можем с уверенностью сказать, какой город Идриси называл «русским», но полагаю, что достаточно убедительны доводы Ф. Бруна и Ю. Кулаковского, считавших «Russia» — вторым названием Керчи. Ф. Брун аргументировал это свое утверждение тем, что от Матархи-Тмутаракани до Керчи примерно 20 с лишним миль, что как раз соответствует указанию Идриси.

«Устьем русский реки», у которого стоял этот город, он считает Керченский пролив. Ю. Кулаковский обратил внимание на наименование на известной печати Феофании Музалон, жены Олега Святославича, «архонтессой Руси». В состав Тмутараканского княжества Олега входили и Тмутаракань, и Керчь, обладание которой, носившей второе название — «Роіоаіа», и дало повод Феофании Музалон считать себя «архонтессой Руси».

Не были забыты и берега Азовского моря, древнее Лукоморье. «Русские села» встретились на пути Вильгельма де Рубрука на Дону, старинные генуэзские карты помешают русские порты у Калмиуса.

Все это говорит за то, что русские продолжали плавать по Азовскому и Черному морям, направляясь в Царьград и Корсунь, в Тмутаракань и Керчь. Недаром в самом начале XII в. Даниил, «Русьския земли игумен», побывал и в Иерусалиме, и на острове Родосе, где незадолго до него жил «Олег (Святославич. — В. М.) князь русский¹⁶⁷ лета и 2 зиме».¹⁶⁸

---

¹⁶⁴ А. В. Арциховский. Введение в археологию, стр. 188. — Н. С. Барсамов. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле 1929–1931. Феодосия, 1932. — И. И. Ляпушкин высказался отрицательно по вопросу о русском культурном элементе в Коктебеле. См. ст. Славяно-гусские поселения IX–XII ст. по Дому и Тамани. Материалы и исследования по археологии СССР, 1941, т. VI, стр. 226–230. Ему возражал А. П. Смирнов. Древнеславянские памятники нижнего и среднего Поволжья. «Советская этнография», № 2, 1948.

¹⁶⁵ Люценко. О древней вислой свинцовой печати с надписью «От Ратибора», найденной в 1872 г. около г. Еникале, что в Керченском градоначальстве. Труды III археологического съезда, т. II; Его же. Заметка из Керчи, Древности, Труды Московского Археологического общества, т. III, вып. II. — Н. И. Репнин. О древностях Тмутаракани. Труды секции археологии РАНИОН, 1928, т. IV. — И. И. Толстой. Древнейшие монеты великого княжества Киевского, Его же. Русские древности, вып IV, стр. 72.

¹⁶⁶ А. Я. Гаркави. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе. Труды Казанского археологического съезда, Казань, 1884–91, т. II, стр. 244.

¹⁶⁷ Ф. Брун. Черноморье. 1879, т. I, стр. 121, 122, т. II, стр. 305. — Ю. Кулаковский. К истории Боспора (Керчи) в XI–XII вв., Киевская старина, 1899, т. 67, стр. 132, 133,

Понадобилось Батыево нашествие для того, чтобы надолго разорвать эти связи и отрезать Русь от Черноморья.

Если еще во второй половине XI и в XII в. была очень активной деятельность русских в северо-восточной части Причерноморья и русские князья не могли примириться с тем, что и Посулье и Поморье стали «землей незнакомой», и воины Игоря Святославича Новгород-Северского шли далеко в глубь половецких степей, до роковой Каялы, для того чтобы «поискать града Тмутараканя» и «испити шелоном Дону», то и на другом берегу, в северо-западной части Причерноморья, воды Дуная и Черного моря бороздили русские лоды.¹⁶⁹

В XI–XIII вв. и даже позднее в Придунайской области Черноморья сохраняется русское население, в значительной своей части потомки уличен и тиверцев, остатки древних антов.

В 1043 г. Владимир Ярославич с Вышатою беспрепятственно доходят до Дуная, проходя, очевидно, по русским землям. По свидетельству Константина Багрянородного, Дичин был стоянкой русских купцов, направлявшихся в Византию.¹⁷⁰

Анна Комнен сообщает о самостоятельных князьях, правивших на нижнем Дунае. В их числе она называет некоего Всеслава, правившего в Вичине. Здесь недавно поселилось пришедшее из-за Дуная земледельческое «скифское племя», князем которого и был Всеслав. Есть все основания согласиться с Васильевским и Кулаковским, по мнению которых это «скифское племя» было русским, таким же, как и население, принявшее переселенцев-русских.¹⁷¹

Надо полагать, что и сам Всеслав был русским.

Мы не будем заниматься русскими на Дунае, так как это не входит сейчас в нашу задачу, да и сделано было нами в свое время.¹⁷² Нас интересует лишь та часть этой проблемы, которая связана с мореходством.

Еще в начале XII в. на Дунае действуют русские. В 1116 г. Мономах посылает на Дунай Ивана Войтишича, который сажает в Подунайских городах княжеских посадников. Для этого Мономаху не пришлось прибегать к военным действиям. Русские сидели тогда к востоку от Дристры. Это видно из того, что в 1116 г. Вячеслав и Фома Ратиборович не смогли назначить посадника в Дристру, так как *это* был византийский город.¹⁷³

Во второй половине XII в. русские княжества все еще удерживаются на Дунае. В 1162 г. Византия дает Васильку и Мстиславу Юрьевичам четыре города и волость на Дунае.¹⁷⁴

В XII в. вся Подолия, Галиция, Буковина, Молдавия, Бессарабия входят в состав

---

¹⁶⁸ Житъе и хождение Данила, Русьскыя земли Игумена. «Православный Палестинский сборник», 3 и 9-й вып., 1885, стр. 8, 9.

¹⁶⁹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 250.

¹⁷⁰ Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Изв. ГАИМК, 1934, вып. 91, стр. 10.

¹⁷¹ Ю. Кулаковский. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриарха. «Византийский временник», 1897, т. IV, вып. 3–4, стр. 322. — В. Г. Васильевский. Византия и печенеги. ЖМНП, 1872, XII, стр. 305.

¹⁷² В. В. М а в р о д и н. Русские на Дунае. Ученые записки ЛГУ, серия гуманитарных наук, № 87, 1943.

¹⁷³ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 204.

¹⁷⁴ Там же стр. 357.

Галицкого княжества, древней Червоной Руси. Галицкий Ярослав Осмомысл в представлении автора «Слова о полку Игореве» «затворил ворота Дуная», один «рядит до самого Дуная». Здесь, на берегах Дуная, поют русские девицы и «льются голоса их через море до Киева». Здесь, на Дунае, в «городах Подунайских», разворачивается бурная деятельность Ивана Ростиславича Берладника. Тут лежат города Берладь (совр. Бирлат), Малый Галич (Галац) и Текучий, упоминаемые в знаменитой грамоте Ивана Берладника.¹⁷⁵

Наличие не отдельных русских жителей, а целых русских поселений и городов по Днестру и Дунаю подтверждается еще и другими данными.

В Воскресенской летописи мы находим список русских городов по Днестру и Дунаю.

«А от имени градом всем русским дальним и ближним. На Дунае Видицов, о семи стен каменных, Мдин, об ону страну Дуная Трьнов, ту лежит святая Пятница, а по Дунаю Дрествин, Дичин, Килия, на устье Дуная Новое село, Аколятра, на море Карна, Каварна. А на сей стране Дуная: на усть Днестра над морем Белгород, Черн, Аскый Торг, на Пруте реце Романов Торг, на Молдаве Немечь, в горах Корочюнов Камень, Сочава, Серег, Баня, Нечюн, Коломыя, Городок на Черемоше, на Днестре Хотен».¹⁷⁶

Несомненно во времена составления списка некоторые упомянутые в нем города уже не были русскими и попали в список только потому, что некогда, чуть ли не во времена Святослава Игоревича, они были подчинены русскому князю. Но сведения Воскресенской летописи о русских городах по Дунаю в известной части подтверждаются греческим источником. В собрании документов, изданных Миклошичем и Миллером («Acta Patriar. Consta#t.»), есть список (№ 52) городов по Дунаю, не принадлежащих болгарам, но и не византийских. Документ датируется началом XIV в. Среди этих неболгарских городов Дуная значатся: Кар на, Каварна, Килия, Аколятра и Дрествин.¹⁷⁷

Пять неболгарских городов в русском и греческом источниках совпадают, и это дает возможность утверждать, что еще в начале XIV в. они были действительно русскими.

Среди упоминаемых в Воскресенской летописи городов немало приморских: Дичин, Килия, Карна, Каварна, Белгород и др. Города эти торговые, многолюдные и бойкие. Русские письма сохраняют здесь памятники даже XV–XVI вв., о русских говорят папские инструкции XVI в. По-старому генуэзские карты именуют Черное море «Русским морем». Торг и плаванья русских по Черному морю не прекращались здесь вплоть до полной ассимиляции русских (XVII в.).¹⁷⁸

В XI–XII вв. русское население нижнего Дуная было еще многочисленным и связанным с остальной Русью и — прежде всего — Галицкой, хотя связи эти не были прочными. Дашкевич предполагает, что низовья Дуная и Днестра носили название «Берладь», а следовательно, их русское население называлось берладниками. Сам же город Берладь был лишь главным центром берладской земли. «Идти в Берладь» на языке летописца древней Руси означало примерно то же, что на языке позднейшего казачества означало идти на Дон или в Сечь.

---

¹⁷⁵ Н. П. Дашкевич. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. Сб. статей, посвященных Владимирскому-Буданову, Киев, 1904 — В. В. Мавроди н. О народных движениях в Галицко-Волыпском княжестве ш XII–XIII ев. Ученые записки ЛГУ, т XLVIII, вып 5

¹⁷⁶ ПРСЛ, т VII, стр. 240

¹⁷⁷ Ю. К у л а к о в с к и и. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриархата. «Византийский временник», 1897, т. IV, вып. 3–4, стр 335.

¹⁷⁸ В. В. Мавродин Русские на Дунае. Ученые записки ЛГУ, серия гуманитарных наук, № 87, 1943, стр. 12.

Ипатьевская летопись в своем тексте сохранила ряд выражений современников, свидетельствующих о том, чем была в представлении людей XII в. далекая Берладь, Подунавье. В 1194 г. «сдумаша лепшии мужи в Черных клобуках» и явились к Ростиславу Рюриковичу с жалобой на постоянные нападения половцев. Черные клобуки говорили князю, что он не обращает на них внимания, пренебрежительно относится к их интересам, забыл о них. «А не ведаем Подунайци ли есм, что ли», укоряли они князя. 179

Очевидно, в те времена считалось совершенно естественным и понятным не заботиться о «подунайцах», так как этот край жил какой-то своей, особой, независимой жизнью, и обычная княжеская власть в определенных государственных формах ему была неведома. Следовательно, и князья не интересовались Подунавьем, да и, попросту говоря, не могли наложить на воинственных и вольнолюбивых берладников — «подунайцев» свою тяжкую длань.

И объяснялось это не столько отдаленностью Подунавья (Белоозеро было еще дальше от Киева), сколько характером подунайской вольницы, которая могла приглашать князей, но терпеть власть князя не была намерена.

Земли «Подунайцев», загадочная Берладь входили в состав Руси, но примерно так же, как входили в состав Московского государства Тихий Дон или в состав Речи Посполитой Запорожская Сечь. Конечно, их отдаляют века, они не идентичны, но черты сходства, несомненно, бросаются в глаза.

В 1174 г. Андрей Боголюбский советует Святославу Всеволодовичу сказать Рюрику Ростиславичу: «пойди в Смоленск к брату во свою отчину; а Давыдовы рци: а ты пойди в Берладь, а в Руськой земли не велю ти быти». 180

Из контекста видно, что Берладь не была Русью, «Руськой землей»; и предложить отправиться в Берладь означало примерно то же самое, что для новгородца времен ушкуйников отправиться в далекую Югру, для московского боярина очутиться в Пусто-зерске, для Дмитра Вишневецкого оказаться за порогами Днепра, в Сечи, т. е. означало предложение идти на все четыре стороны искать счастья по свету.

«Берладь» в представлении Андрея Боголюбского и его современников, князей и летописцев, — земля далекая, на которую не распространяется ни княжеская власть, ни созданные ею на Руси политические порядки.

Такова была Берладь, таковы были «подунайцы», берладники. Берладники представляли собой смешанное по этническому своему составу, но в основе своей русское, население, занимавшееся в низовьях Дуная и Днестра земледелием, охотой, рыбной ловлей, промыслами, часто выходившее на своих челнах для торговли и набегов в море. Здесь ловили рыбу «рыболовы галичские» и жили «галичские выгонцы». Берладники были хозяевами «Подунайских городов», весьма слабо ощущавшими власть галицкого князя. Полуоседлые земледельцы и промысловики, постоянно готовые к нападению и отпору врага — половцев, болгар, волохов и византийцев — и поэтому опытные воины, берладники были своеобразной «вольницей», населявшей и охранявшей юго-западные окраины Червоной Руси. Во время восстания Ивана Ростиславича Берладника к шеститысячному отряду берладников присоединяются горожане Кучелмина и смерды Ушицы, что подчеркивает близость берладников к народным массам Галицкой земли.

Для нас представляют огромный интерес плаванья берладников по Черному морю. У впадения Днепра в Черное море лежал город Олешье (Алешки, ныне Цюрупинск). Это был русский порт, предназначенный для торговли, в частности, для торга с Царьградом, последний пункт на пути купцов — «греч-ников», начало или, если угодно, конец

---

179 Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 451,

180 Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 389, 390

Греческого пути, место, где издавна обитали русские рыбаки.

Здесь, «во Олешьи», в 1084 г. князь Давид «зая грекы... и зая в них все именье», в 1153 г. сюда, «до Олешья», доходил с берендеями «притиву мачесе» Мстислав Изяславич, как некогда «к порогам» ходил «противу» Анны Владимир Свято-славич.

В 1164 г. из Олешья приехал ездивший «к цареви» Гюрята Семкович. Лодьи из Олешья, везшие рыбу и вино, дали возможность Даниилу в 1213 г. прибыть на Днестр.¹⁸¹

Олешье, как важный торговый пункт, было хорошо известно и за пределами Руси. Знали его в Царьграде, где жили греческие купцы, ездившие в Олешье, как это было, напр, в 1084 г.; знали его и в генуэзских колониях и в самой Генуе. На некоторых итальянских картах XIV в. Днепр носит название «реки Олешья» (Ellexe, l'ellexe, Elese, Illicis).¹⁸²

Все это говорит о значении Олешья в торговых связях Руси, о его роли в русском мореходстве на Черноморье в XI–XII вв. Где-то здесь же, на нижнем течении Днепра, лежал упоминаемый Идриси город Molsa.

Здесь-то, в Дунайских гирлах и Днепровских плавнях, от Берлади до Олешья, по Черноморскому побережью разворачивается эпопея морских походов «подунайцев».

В 1159 г. Иван Ростиславич Берладник «ста в городах Подунайских и изби две кубаре (корабли, от греческого *юоу*, — *fiario*. — В. М.) и взя товара много в нею, и пакостяше рыболовом Галичским». ¹⁸³

Речь идет о кораблях галицких купцов, подвергшихся нападению со стороны его воинов-половцев и берладской вольницы. Пред нами два типа судов — лодьи галицких рыбаков, которым Иван Ростиславич «творил пакости», и корабли (кубары) галицких купцов, которые он захватывает вместе с товарами. Для того, чтобы брать кубары и «пакостить» рыболовам, надо было самим действовать на судах. И берладники, действительно, были искусными мореходами.

В скором времени подунайская вольница стала еще более активной на море.

В восстании 1159, восстании горожан, смердов и берладников, связанном с именем и деятельностью Ивана Ростиславича Берладника, шеститысячный отряд берладников составлял вместе с половцами основную военную силу Берладника. Повидимому, во время этого восстания «вольница» берладников на своих лодьях выходит в море и захватывает Олешье. Лишь в 1160 г. берладники были изгнаны из Олешья, и то только после того, как против них был брошен спустившийся в «насадах» вниз по течению Днепра вплоть до Олешья многочисленный отряд киевских воевод Юрия Нестеровича и Якуна.

Юрий (Гюрги) Нестерович и Якун разбили берладников, преследовали их по морю до Дичина (Дциня), где «избиша е и полон взяша». ¹⁸⁴

Этот налет берладников на Олешье очень напоминает черноморские походы казаков.

Путь по рекам Подунавья в Черное море, а оттуда на Днепр не был забыт и позднее, в XIII в. И на сцену выступает все та же подунайская вольница, «подунайцы», галицкие «выгонцы».

В 1223 г., когда княжеские рати двигались на юго-восток, к роковой Калке навстречу Джэбе и (Вубэде, «выгонци Галичкыя») спустились по Дунаю или Днестру, вышли в море, морем дошли до Днепра и поднялись по Днепру вплоть до порогов, где соединились с

---

¹⁸¹ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 144, 320, 357, 491.

¹⁸² М. С. Грушевский. История України-Руси. 1905, т. II, стр. 517,

¹⁸³ Летопись по Ипатскому списку, 1878, стр. 341.

¹⁸⁴ Летопись по Ипатскому описку, 1871, стр. 341, 346,

шедшими сухопутьем княжескими дружинами. Здесь, «у реки Хорьтице на броду у протолчи», стала рать «выгонцев Галичских».

Сила эта была немалая — галицкие «выгонцы» подошли к Хортице на тысяче лодий. Во главе «выгонцев» стояли Юрий Дома-мирич и Держикрай Володиславич. Появление рати «галицких выгонцев» было неожиданностью для князей. Следовательно, это была вольница, рать «подунайцев», по своей инициативе двинувшаяся навстречу княжеским дружинам земли Русской для боя с татарами. Не были воеводами галицкого князя Юрий До-мамирич и Держикрай Володиславич. Может быть, они сами были «выгонцами», а может быть и боярами, изгнанными из Галицкой земли Мстиславом Удалым и Даниилом Романовичем во время феодальных войн князей с боярами, войн, которыми так богата история Червоной Руси, и поэтому выступавшими под названием «выгонцев», — трудно сказать. Весьма возможно, что Юрий Домамирич и Держикрай Володиславич, как и некогда Иван Ростиславич, выступивший во главе движения берладников и вошедший в историю с прозвищем Берладник, лишь возглавили поход «подунайцев». Однако несомненно — они не были княжескими воеводами. Галицкие «выгонцы», повидимому, первыми столкнулись с татарами, «выидоша в море» с Подунавья и Приднестровья (в летописи ошибочно, «приднеша по Днепру» вместо «Днестру»), и, подымаясь вверх по течению Днепра у порогов, галицкие «выгонцы» шли и правым и левым берегом Днепра. Их видели татары. Многочисленные русские лоды, повидимому, заинтересовали и встревожили татар. До сих пор они видели лишь пешее и конное воинство, сражавшееся на суше. «Людей тысяща» были для них неожиданностью. Вот почему к «протолчи» (отсюда начали «проталкиваться»), где на мелководье сосредоточился русский флот, они послали разведку («пришли суть видеть олядий Русских»).

Для Даниила Романовича и других русских князей это были «невиданная рати». Князья спорили о боевых качествах татар. Кто говорил, что татары — опытные стрелки из лука (это действительно так и было), другие же утверждали, что они — плохие воины, «пуще и Иоловец». Но галицкие «выгонцы» уже имели столкновение с татарами. Где оно произошло, каковы были последствия его для обеих сторон — неизвестно, но слова Юрия Домамирича, утверждавшего, что татары «ратницы суть и добрая вой», были, несомненно, обусловлены тем, что ему уже пришлось иметь дело с воинами Джэбе и Субэде.¹⁸⁵

Судя по количеству лодий (1000), в походе участвовало не менее 35—40 тыс. человек, а это свидетельствует о многочисленности русских «подунайцев», для которых не была безразличной участь земли Русской. Для нас также чрезвычайно важным является то обстоятельство, что свой грандиозный поход галицкие «выгонцы» предприняли морем, а это говорит о том, что, во-первых, морской путь Дунай — Днепр не только не был забыт в XIII в., но попрежнему был оживленной артерией, и, во-вторых, что «подунайцы» предпочитали лодью коню, т. е. о их мореходных традициях.

Не был забыт на Руси и торговый путь через Черное море. Правда, в начале XIII в. морская торговля и, прежде всего, хлебом, из Руси через Крым в Малую Азию оказалась в руках турок-сельджуков, но ненадолго. Ибн-ал-Асир под 1205 г. повествует, что при Хосрове-шахе «прекратилась... дорога из стран Рима, Руси и кипчаков, как сухопутная, так и морская».¹⁸⁶

Затем торговля возобновилась и шла уже через Синоп, находившийся с 1214 г. в руках

---

¹⁸⁵ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 496. — Л. В. Черепнин Летописец Даниила Галицкого. «Исторические записки», т. 12, 1941, стр. 244–245. — В. Т. Пашуто. Киевская летопись 1238 г. «Исторические записки», т. 26, 1948, стр. 281–282 и др.

¹⁸⁶ В. Тизенгаузен. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, т. I, стр. 28.

турок-сельджуков. 187

Нашествие Джэбе и Субэде снова прервало торговлю русских по Черному морю. И на этот раз надолго.

По свидетельству Ибн-ал-Асира, после битвы на Калке в 1223 г. «собрались многие из знатнейших купцов и богачей русских, унося с собой то, что у них было ценного, и двинулись в путь, чтобы на нескольких кораблях переправиться через море в страны мусульманские».188

Правда, и после битвы на Калке, и даже после Батыева нашествия, разорения Руси и установления татарского ига русские продолжали обитать в Крыму, о чем свидетельствует Ибн-Абд-аз-Захыр и Вильгельм де-Рубрук, а «цареградские» купцы со своими товарами проходили даже по разоренному и опустошенному Посемью, где стояли слободы Ахмата, 189но это были уже только последние остатки былых связей Руси с северным и южным берегами Черного моря.

Татарская кочевая стихия отрезала Русь от Черного моря, и потребовалось много времени и сил для того, чтобы Россия вырвала из рук «кочующих и разбойничающих татар» устья Дона, Днепра, Буга и Керченский пролив190 и распространила на эти земли свое «цивилизующее начало». 191

Около 1175 г. русские на 72 судах совершают поход по Каспийскому морю, нападают на Ширван и вторгаются во владения Ширван-шаха Ахситана. Русские на короткое время занимают Шемаху, а затем удаляются из Ширвана. 192

Кем был предпринят этот поход — неизвестно, может быть, следует согласиться с А. Куником, который в своих примечаниях к сочинению Б. Дорна полагает, что поход на Ширван совершили бродники, русская вольница степной, юго-восточной и юго-западной окраины Руси или, вернее, русская вольница земель, прилегающих к Руси с юго-востока и юго-запада.193

Интересно отметить тот факт, что мореходные традиции на юге Руси, вплоть до того времени, когда Русь погрязла в «кровавом болоте монгольского рабства» (К. Маркс), дольше всего держались у русской вольницы — берладников, галицких «вы-гонцев» и им подобных. Последними морскими походами (я не считаю плаванья русских купцов по Черному и Каспийскому морям) перед тем, как татары надолго отрезали Русь «от устьев ее рек и морских побережий» (К. Маркс), были походы именно русской вольницы.

Возобновилось же русское мореходство (опять-таки, если не считать отдельные поездки вроде плаваний за море гостей — су-рожан, путешествия Афанасия Никитина, митрополита Пимена и т. п.) на Черном, Азовском и Каспийском морях лишь со времен

---

187 А. Ю. Якубовский. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. «Византийский временник», т. XXV, 1927, стр 66.

188 В. Тизенгаузен, ук. соч., стр... 27.

189 Там же, стр. 63. — А. И. Малеин. Вильгельм де-Рубрук «Путешествие в восточные страны», 1911, стр. 67, 68, 83.—ПСРЛ, т. X, Никоновская летопись, стр. 162–165.

190 К. Маркс. Secret diplomatic history of the eighteenth century. 1899 гл. VI, стр. 87.

191 К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, 1932, стр 53.

192 Б. Дорн, ук. соч., стр. 20, 388–390, 529, 530. —Е. Арене, ук соч, «Морской сборник», № 1, 1919, стр 34.

193 Б. Дорн, ук соч, стр 390

казацких походов, походов запорожских, донских, волжских, яицких и прочих казаков в XVI и, особенно, в XVII в., т. е. все той же русской (в широком смысле этого слова) вольницы.

А это говорит о народности морского искусства у русских, о народных корнях русского мореходства. Не случайно, говоря о стремлении Петра к завоеванию выходов к морю и превращению России в морскую державу, К. Маркс указывал, что оно целиком соответствует «природным способностям и стремлениям великой русской расы».¹⁹⁴

К этой характеристике К. Маркса вряд ли можно что-либо добавить.

На этом мы заканчиваем за исчерпанием материала рассмотрение русского мореходства на Черном, Азовском и Каспийском морях в период феодальной раздробленности до татарского нашествия и обращаемся к русскому мореходству той же поры на севере и северо-западе.

Здесь, на севере и северо-западе Руси, начинателем и хранителем мореходных традиций являлся Господин Великий Новгород. С незапамятных времен Новгород был «окном в Европу» для русских земель. В IX в. новгородские «люди» положили начало северной части великого водного пути «из варяг в греки» и в том же IX в. прошли его полностью, соединив Ладогу с Киевом и устьем Днепра. Новгородские мореходы связали Балтийское море, «море Варяжское», «Бахр-эль-Ва-ранг» мусульманских писателей с Черным морем, «Русским морем» арабских, персидских и итальянских источников. По северным речным дорогам удалые новгородские молодцы пробирались до «Дышючего моря», «Студеного моря», как называли тогда Ледовитый океан.

Северная Двина привела их в Европейскую часть Ледовитого океана, а текущая далеко за Камнем (Уралом) Обь вывела в Азиатскую его часть. Новгородские ушкуйники были предтечами мужественных мореходов Севера, русских поморов XV–XVII вв., смело бороздивших на своих судах воды неприветливых Белого и Баренцева морей, плававших на Колгуев и Новую Землю, Терский берег и Печенгу, Груманг (Шпицберген) и за Норд-кап, к берегам Финмаркена, за Варангер-Фиорд, тех славных и храбрых русских мореходов, которые показывали путь и помогали Ченслеру и Баренцу.

Новгородские мореходы то с товаром как купцы, то с мечом как воины плавали в Линданиссу в Чудской земле и в Сигтуну, в Або и Висби, в Данию и Любек.

Расцвет морского искусства Новгорода был вызван не только перенесением центра тяжести русского мореходства с южных морей на северные, что было обусловлено отрывом Руси от них во времена татарского ига, но также и тем, что Новгород избежал участи многих русских городов и земель востока и юга. Татары до Новгорода не дошли и не разорили его, удовольствовавшись по необходимости тем, что «взяли число» и стали собирать дань. Поэтому Новгород имел возможность по-прежнему развивать свою торговлю.

Но нас в данном случае интересует не этот период в истории мореходства Господина Великого Новгорода, последовавший за Батыевым нашествием, который представляет, конечно, большой интерес, но должен быть предметом особого исследования, а период, предшествовавший установлению на Руси татарского ига.

К этому вопросу мы и перейдем.

Середина XII в. характеризуется быстрым развитием торговли на Балтике. Это было то время, когда Новгород завязывает быстро растущие торговые сношения с Любеком, в Новгороде возник двор немецких купцов и между новгородским и немецким купечеством установились определенные формы торговых сношений. Вторая половина XII в. была периодом развития и расцвета торговли Новгорода с Готландом, куда заходили все корабли, шедшие из Новгорода и восточно-балтийских гаваней на запад. Возрастали торговые связи Новгорода и со шведской столицей Сигтуной.

---

¹⁹⁴ К М а р к с, ук соч, гл VI, стр. 87.

В отличие от XIII и XIV вв., когда новгородцы совершали почти все свои торговые сделки с заморскими купцами на месте, в Новгороде, и сама торговля по морю совершалась на иноземных судах, в XII в. новгородцы широко участвовали в заморской торговле, а корабли их встречались повсюду на морских путях Балтики так же часто, как и готландские, шведские, немецкие.

Как это мы увидим далее, новгородские летописи сохранили нам упоминание о пребывании новгородцев в Дании (1130 и 1134 гг.) и на острове Готланде (1130, 1188 гг.). О тесных связях и регулярных сообщениях Новгорода с Готландом и Сигтуной говорит наличие в них русского населения. В главном городе Готланде Висби стояла русская церковь (по некоторым данным — святого Николая, «покровителя всех плавающих и путешествующих»).

В городе Гарда на Готланде на стенах церкви обнаружена фресковая живопись, выполненная русскими мастерами, что свидетельствует о наличии здесь русской церкви и, следовательно, русской колонии. Каменная русская церковь святого Николая и русская колония были и в Сигтуне.

Обилие в Сигтуне находок СЛАВЯНСКОЙ керамики с волнисто-линейным орнаментом, *которую* несомненно привозили русские не для торговли, а для пользования, говорит о многочисленности русского населения в шведской столице. Русские постоянно жили в Линданиссе, т. е. Колывани, древнем чудском (эстонском) городе на месте современного Таллина (Ревеля). Линданисса, повидимому, попала и в наш народный сказочный эпос под названием города Леденца. Еще в начале XIII в. в Ревеле был «русский конец» (Вендефер), а папская булла 1234 г. говорит о многочисленности русских в Ревеле.¹⁹⁵

Понадобились десятки, даже сотни лет активной враждебной деятельности немецкой Ганзы, датчан и шведов, а также ливонских рыцарей для того, чтобы вынудить новгородцев прекратить плавания за море и ожидать «заморских гостей», сидя по своим торговым дворам на берегах Волхова. Но для того, чтобы вырвать Балтийское море у новгородцев, враги Руси потратили много сил, средств и времени. Ожесточенная борьба ганзейских купцов, датчан и шведов с новгородскими купцами за господство на Балтийском море была обусловлена тем страхом, который внушали им новгородские мореходы. Морская мощь Новгорода была столь велика, что Ганза и Готланд, Сигтуна и Або (не случайно носивший финское название Турку, происшедшее от занесенного сюда, в шхеры Западной Финляндии, русского слова «торг») опасались, что не они будут ездить в Новгород, пожиная плоды своих побед и держа в руках торговлю новгородцев с Западом, а сами купцы Господина Великого Новгорода на своих судах будут «жаловать» к ним «гостить», отбивая у них прибыли и (прибирая к рукам мореходство и торговлю на Балтике. Победа далась «заморским купцам», «свеям», «доньям» и «гътем» нелегко, и борьба растянулась больше, чем на столетие. До полной победы «свеев» и «немцев» новгородцы чувствовали себя на Балтике так же привольно, как ранее их южные сородичи на водах Черного моря.

В руках Новгорода был весь северный отрезок великого водного пути «из варяг в греки», шедший по рекам и озерам Русской земли, а также весь путь по «морю Варяжскому». Центральной и южной частью пути «из варяг в греки» мы занимались в предыдущей главе, а сейчас нам предстоит остановиться на северной его части.

Отчалив от новгородских пристаней, русские суда спускались вниз по течению Волхова. В 12–13 верстах от впадения Волхова в Ладожское озеро стояла Ладога (ныне Старая Ладога) — древнейший русский город на севере, важнейший пункт пути «из варяг в греки» и в давние времена центр политической жизни «Славии». Плыли бурным Ладожским

---

¹⁹⁵ Рядом указаний в области истории мореходства Новгорода в XII–XIII вв. я обязан И. П. Шаокольскому, которому и приношу свою благодарность. См. его статью «Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой». «Военно-исторический журнал», № 7, 1940 г.

озером (озером Нево) до истоков Невы, а затем, по Неве, выходили в Финский залив.

Далее путь русских кораблей лежал на остров Коглин, где была стоянка русских лоцманов и, очевидно, находилось какое-то поселение. От Котлина поворачивали на юг, шли на запад, держась берега «Чудской земли». В Линданиссе (Колывани) останавливались и приготавливались к пути через море. Те, кто плыл к «гътем» или в Любек, продолжали идти вдоль берегов и, мимо острова Сарема, уходили на Готланд, в Висби, к очередной стоянке (если плыли в Любек) или конечной цели пути. Направлявшиеся в Швецию, в Сигтуну или в Данию из Колывани круто поворачивали на север, к берегам Финляндии у Порккала-Удд. Держась вдоль берега, шли на запад, к Або, и, оставив севернее Аландские острова, добирались до Сигтуны. Если Сигтуна не была конечной целью плавания, и нужно было плыть к «донам», то, держась шведского берега, добирались и до Дании.¹⁹⁶

О том, как плавали новгородцы по этому пути, как торговали они по «морю Варяжскому», как воевали они с «ворогом» на море и за морем, мы и попытаемся рассказать, расположив известия в хронологическом порядке.

Первое известие о плавании новгородцев «за море» Новгородская летопись сохранила нам под 1130 г. «В "се же лето, идущее из замория с Готь, потопи лодии 7; и сами истопоша, и товар, а друзии вылезоша, нъ нази, а из Дони придоша сдорови».¹⁹⁷

Следовательно, в 1130 г. новгородцы побывали и на Готланде и в Дании, откуда явились «сдорови».

Дания была заинтересована в торговле с Новгородом, но отнюдь не хотела открывать новгородским «заморским» купцам, прибывающим на своих кораблях, свои гавани. Это было убыточно и опасно с точки зрения датчан, стремившихся обосноваться на Востоке, что вскоре они и сделали, захватив в начале XIII в. область Ревеля в земле эстов. Датчане опасались пускать в свои воды предприимчивых и искусных новгородских мореходов. Вот почему в 1134 г. «.. рубоша Новгородць за морем в Дони» и «новгородцев порубиша за морем в Дони».¹⁹⁸

В том же году в Дании, вероятнее всего, в Шлезвиге новгородские купцы подверглись аресту.¹⁹⁹

---

¹⁹⁶ *Scriptores rerum Danicarum*, 1783, т. V, стр. 623.

¹⁹⁷ Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, 1875, стр. 25. Новгородская I летопись (1841, стр. 6) дает такой текст, начиная от слов «а друзии вылезоша, нъ нази» — «а и въ доми придоша здорови» Этот текст, несомненно, искажен. Летопись повествует о несчастье, которое претерпели «новгородцы, возвращавшиеся «с Готь». Семь лодий потонуло, погнили и люди и товар а другие спаслись, что «нази», т. е. потеряв все, а дальше следует «а и в доми придошн здорови». Получается бессмыслица. Не станет же летописец следить за их здоровьем во время пути от места высадки на берег после несчастья и до дома, констатируя, что путь этот они прошли без ущерба для здоровья! Другое дело текст Новгородской летописи по Синодальному Харатейному списку. Отмечая бедствия новгородцев, возвращавшихся «из замория с Гот», она в то же самое время констатирует, что в отличие от купцов, посетивших Готланд, часть которых погибла, часть испытала бедствия, «из Дони придоша сдорови» («а из Дони придоша сдорови»). Все сообщение летописи приобретает иной характер и смысл и не оставляет места недоуменным вопросам. Светотническое издание Новгородской летописи по Синодальному Харатейному списку (Синодальный список Новгородской первой летописи принадлежит к старшему изводу), предпринятое в 1875 г. под наблюдением Г. И. Савваитова, конечно, где идет ни в какое сравнение с неу(дачным изданием Новгородской I летописи в 1841 г., где летопись опубликована с пропусками и неточно. — Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. — А, 1947, стр. 440–444.

¹⁹⁸ Новгородская IV летопись, часть I, вып., список Никольского, стр. 586.

¹⁹⁹ М. Бережков. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб, 1879, стр. 77.

Вторично новгородские купцы были арестованы в 1157 г. В этом году датский король Свен IV, взяв Шлезвиг, захватил много русских торговых судов и пленил русских купцов, товары которых немедленно роздал своим воинам.²⁰⁰

Полагаю, что не из одних столкновений такого рода состояли связи Новгорода с Данией. Обычный торг, деловые сношения, носившие нормальный характер, не находят отражения в летописи. Летописец фиксирует чрезвычайные события, выдающиеся явления, чем-то выделяющиеся, достойные быть зафиксированными. Обычные, ничем не примечательные, кончавшиеся благополучно плаванья к «гътем» на Готланд, в Висби или Гарда не привлекали внимания летописца. Указания на такого рода плаванья напрасно искать в летописи, но наличие русских дворов в Висби и Гарда, готского двора в Новгороде, русских церквей, договоров и т. п. говорит о регулярных и постоянных связях Новгорода с Готландом. Летописец записал, как «истопи» свои «лодии» новгородцы, «идуше из заморил с Гот», ну а зачем было писать об обыденных, ничем не привлекающих внимания плаваньях на тот же Готланд, когда все в «доми придоша здорови»? То же самое следует сказать и о торговле с Данией и плаваньях новгородцев к «доньям».

Только такая высокоразвитая торговля с Готландом и могла породить два русских поселка — колонии с церквями в городах Готланда; только ею можно объяснить наличие многочисленных русских купцов в Дании, в Шлезвиге.

Конечно, и «гъте» и «дони» делали все, от них зависящее, для того, чтобы заставить новгородцев отказаться от плаваний «за море» и ожидать «заморских» купцов у себя в Новгороде. Конечно, Швеция, Дания, Ганза и Ливонский орден соединенными усилиями добились своего, но не скоро и дорогой ценою. Именно к середине XII в. относится создание в Новгороде организации «купцов заморских», а это говорит за развитие заморской торговли. К этому же времени относится учреждение русских дворов «за морем» и иноземных в Новгороде.

Развитие заморской торговли и привело новгородцев в XII в. не только на Готланд, в Сигтуну и в Данию, но даже в Любек. Из жалованной грамоты императора Фридриха I городу Любеку мы узнаем, что среди купцов, приезжающих в Любек с востока, на первом месте стоят русские.

«Butheni, Cothi, Normanni et ceterae gentes orientalis absque teloneo et absque hansa ad civitatem saepe dictajn (Любек) veniajit et libere recedant».²⁰¹

И тем не менее, несмотря на наличие нормальных взаимоотношений между Данией и Новгородом, Готландом и Новгородом, взаимоотношений, покоящихся на регулярных торговых связях, стремление изгнать новгородцев из Балтийского моря, вынудить их ограничиться лишь высылкой лоцманов на остров Котлин для помощи иноземным судам, стремление, подкрепленное силой оружия держав, превосходящих своим могуществом одинокий Новгород, было столь сильно, что плаванья новгородцев, во всяком случае, в западные воды Балтийского моря прекращаются.

Уже во второй половине XII в. прекратились плаванья новгородцев в Данию. Вскоре произошло «размирье» и с Готландом. Как это мы увидим дальше, это «размирье» было обусловлено походом новгородцев и карел на Сигтуну в 1187 г., в результате чего шведская столица и крупнейшая гавань была взята и разорена до основания. Прошло всего-навсего несколько месяцев, и шведы отомстили за разгром своей столицы.

В 1188 г. «... рубоша Новгородьце Варязи, на Гътех Немьце, в Хоружьку и в Новотържьце; а на весну не пустиша из Новагорода своих ни одного мужа за море, ни съла

---

²⁰⁰ А. С. L e h b e r g. Untersuchungen zur Erlauterung der alteren Geschi-chie Russlands, 1816, стр. 268. — М. Бережков, ук. соч., стр. 77.

²⁰¹ Цит. По М. Бережков у, ук. соч., стр. 78.

вѣдаша Варягом; нѣ пустиша я без мира». ²⁰²

Это был полный разрыв. И, вполне понятен гнев новгородцев. Но от разрыва отношений, видимо, Готланд страдал больше, чем Новгород. Готланд не хотел видеть у себя русские корабли, но очень нуждался в русских товарах и в купцах, везущих эти товары. Новгородцы же ответили на нападение на своих товарищей разрывом всяких отношений между Новгородом и Готландом.

Вот почему ищут мира «гъте», а не новгородцы. И удастся им добиться «милости» Новгорода лишь в 1195 г., когда князь Ярослав Владимирович с посадником Мирошкою и тысяцким Яковом заключают мирный договор «с всеми немьцкыми сыны, с Готы и с всемь латиньскимъ языкомъ» о торговле и «хождении» «без пакости». ²⁰³

Но и наличие договора не означало еще окончания распри. Весной 1201 г., как сообщает Новгородская первая летопись по Синодальному Харатейному списку, «варягы (так в те времена еще называли жителей Готланда, тогда как обитателей материковой Швеции уже давно называли «свей». — В. М.) пустиша без мира за море», только «на осень придоша Варязи горою на мир, и даша им мир на всей воли своей». ²⁰⁴

Так как неизвестно, являлся ли договор 1195 г. (датировка, как мы видели, условная) действительно договором, формально принятым и Новгородом и «всемь латиньскимъ языкомъ» (нет указаний ни на целование креста, ни на печати), то возможно, что лишь при заключении мира в 1201 г. «на всей воли» новгородский договор Ярослава Владимировича и посадника Мирошки «с всеми немьцкыми сыны и с Готы» получил характер официального договора. ²⁰⁵

Восторжествовали «воля» и «правда» новгородские. Но уже в этом договоре речь идет больше о торговле иноземных купцов в Новгороде, чем об активной торговле новгородских «заморских гостей» на острове Готланде или на материке «латиньских языков». В этой связи получают должное освещение и кровавая, предательская расправа с новгородцами в 1188 г., и сам договор, отражающий стремление «гътов» и «немцев» сохранить свои позиции в Новгороде, но подорвать новгородское мореходство. Почему им это начинает удаваться, вполне понятно. Не надо забывать, что Новгород был один, а на Русской уже «сеялась и росла усобица, погибало добро Дажбожьих внуков». Феодальная раздробленность ослабила Русь, как политический организм, и сделала ее врагов более дерзкими и настойчивыми.

Как мы уже указывали выше, плаванья новгородцев не ограничивались южной и западной частью Балтийского моря, но охватывали северную и северо-западную его часть. Здесь лежали земли еми (тавастов) и суми (суоми) — финских племен, давших начало суоми-финнам. Земли еми, наиболее многочисленного финского племени, давно находились в орбите влияния Новгорода и уже в самом начале XII в. (по А. А. Шахматову не позже 1113 г., когда составлено знаменитое «Введение» к «Повести временных лет», где среди подвластных Руси племен упоминается ямь, т. е. емь) платят дань Новгороду «скорой» («Устав» Святослава Ольговича 1137 г.). ²⁰⁶

---

²⁰² Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, 1875, стр. 97.

²⁰³ М. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права. 1899, стр. 108–112. Более осторожным было бы датировать этот договор временем между 1189 и 1199 гг.

²⁰⁴ Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, 1875, стр. 125, 126.

²⁰⁵ И. М. Кулиш. История русской торговли. Пгр, 1923, стр. 52, 53.

²⁰⁶ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, П., 1916, стр. XXI. — М. Владимирский — Буданов, ук. соч., стр. 256.

Об этом же говорят «Хроника Эрика», («Erikskronikan»), Якоб Циглер, «Рифмованная Хроника Финляндии» и «Chronicon Finlandiae», повествующие о том, что земля еми от Кюмени и до Хельсинки и севернее ранее входила в состав Руси и здесь господствовала «греческая вера».²⁰⁷ Этим, а равно мощным культурным влиянием русских на еми и сумь объясняется наличие в финском языке слов, заимствованных из русского языка и свидетельствующих о том, что с христианством, письменностью, торговлей финнов познакомили русские («aprakka» — оброк, дань, «gaamattu» — библия, книга, грамота, «risti» — крест, «parpi» — поп, священник, «Турку» (Або) — торг, и др.).

Зависимость еми от Новгорода носила специфический характер. Ни крепостей, ни городов, ни поселков русских в земле еми не было. Новгородцы не навязывали еми (как, впрочем, и другим народам севера) ни своих порядков, ни своих обычаев, ни законов, ни религии. Распространение русского влияния в земле еми было обусловлено преимуществами Новгорода — его значением в экономической, политической и культурной жизни северо-запада, его местом среди земель, прилегающих к Финскому заливу, его более высокой организацией народного хозяйства, социальных отношений, государственного устройства, его более высокой культурой. Не оказывая давления на еми и не опираясь на грубое насилие, а следовательно, слабо пустив корни в почву края тавастов, так как в те далекие времена чаще всего только сила меча феодала и организованного им государства определяла его влияние и прочность владычества в землях с инородным и иноязычным населением, для сохранения своего положения на севере от Финского залива Новгород должен был прибегать к другим средствам.

Одним из таких средств укрепления и распространения русского влияния было включение патриархально-родовой верхушки еми в состав новгородского боярства (Семен Емин). На эту обрусевавшую и обрусевшую племенную знать и опирался в краю «хладных скал и озер» Господин Великий Новгород. Здесь торговали новгородские купцы, здесь в земле суми был основан Турку, город-торжище, сюда плыли новгородские суда и ходили по дань новгородские «мужи».

Еще дальше на северо-запад лежала Швеция. Сюда, в Сигтуну, ходили новгородские суда и постоянно жило немало русских. По водам «моря Варяжского» в стародавние времена установился торг со «свеями». На этих же водах имели место первые вооруженные столкновения между шведами, начавшими в XII в. «крестовый поход» на Восток, в земли суми, еми и на Русь, и новгородцами и их союзниками-карелами. В 1142 г. «приходи Свѣнской князь с епископом в 60 шнек на гость, иже из Заморья шли в 3 лодьях; и бишася, не успеха ничтоже, и отлучиша их 3 лодье, избиша их полутораста».²⁰⁸

Бой произошел где-то в Финском заливе, недалеко от Новгорода. Это было началом наступления шведов на Восток. В пользу того, что это был не простой налет шведских пиратов на купеческий караван, говорит и многочисленность шведского флота, и участие в походе князя (по некоторым данным, сына короля Сверкераяра Иоанна) и епископа. Это был первый, «крестовый поход» шведов на северный берег Финского залива. Поход не был удачен. Во всяком случае закрепиться на берегу шведам не удалось. Это произошло потому, что на пути шведов стала могучая сила. Силой этой был Новгород. Булла папы Александра III от 9 сентября 1171 г. сообщает, что на область в стране суоми («финнов» собственно), на юго-западе Финляндии, где только что обосновались шведы, сразу же, начиная с 60-х г.

---

²⁰⁷ «Svenska medellidens rimkrOnikor. I. gamla eller Erikskronikan», Stockholm, 1865. — Jacob Ziegler. Terrae Sanctae, quam Palaestinam vocant, Sy-riae, Arabiae, Aegypti et Schondiae doctissima descriptio [una] cum singulis tabulis cerundem. Strasburg, 1536, стр. CVI. — Chronicon Finlandiae, Schwedlsche Bibliothec, т. I, Stockholm, 1728, стр. 97, 113. — Johann Mes-senii. Rimkronika om Finland och der Inbyggare, Helsingfors, 1865, стр. 13^

²⁰⁸ Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, 1875, 44, 45.

ХII в. постоянно совершают нападения какие-то вражеские войска. 209

Нападения эти носят не грабительский, а политический характер и ставят своей целью изгнать шведов из Финляндии и освободить сумь от шведского владычества. Походы эти совершались морем, так как даже емь общалась с сумью морем. Хотя они и соседили на суше, но их разделяла полоса труднопроходимых лесов.

Совершенно очевидно, что походы эти предпринимали новгородцы (эсты и емь отпадают: — у них на это нехватило бы ни сил, ни, главное, организованности) и предпринимали потому, что шведы угрожали новгородскому влиянию в земле еми и закреплялись на важнейшем морском пути, связывающем Новгород с Сигтуной и Готландом. Этот второй фактор даже, повидимому, играл большую роль, чем первый.

Новгородцы избрали правильную тактику. Защищаясь от агрессоров — шведов, они, вместо обороны, сами перешли в наступление. Шведы укреплялись на юго-западе Финляндии, вторгаясь в землю суоми. Но они, угрожая давним данникам Новгорода — еми, готовились двинуться дальше на восток и вырвать тавастов из-под влияния Новгорода. В ответ на это Новгород стремится подчинить себе сумь, распространить свое владычество на земли, подвластные с недавнего времени шведам, и изгнать последних из Финляндии. Шведы пытаются перерезать важнейший торговый путь, связывающий Новгород, — это «окно в Европу» Руси периода феодальной раздробленности, — с Готландом, Данией, Любеком, Сигтуной, стать на дороге русским купцам, плывущим вдоль юго-западного побережья Финляндии. В ответ новгородцы сами вторгаются в пределы захватываемых шведами земель суми.

Обращает на себя внимание то чрезвычайно характерное обстоятельство, что далеко не все эпизоды этой борьбы, упоминаемые в зарубежных источниках или известные нам по более поздним источникам, вспоминающим о них как о чем-то хорошо всем известном, попали на страницы новгородских летописей, и полагаем, что это было обусловлено не только сознательным отношением летописца к этим эпизодам, но и тем, что летопись, очевидно, отмечала лишь те походы, которые предпринимались новгородскими властями. Если же походы, предпринимались частными лицами и, может быть, при этом даже не из Новгорода, а из «пригородов» или Карелии, то они считались своего рода «частными предприятиями» и в летопись не попадали.

В свое время, касаясь русских походов на Восток, на Каспий, мы уже отмечали поразительное игнорирование летописью этих походов, что может быть объяснено невозможностью для летописца уследить за различного рода военными предприятиями, если они не исходили непосредственно от князя и не затевались в княжеских гридницах. Нам известны такого же рода походы и на Черное море в тех же X–XI вв.

Если мы учтем все указанное, то не будет затруднительным объяснить, почему начало борьбы новгородцев и их союзников на северном побережье Финского залива с захватчиками — шведами нашло отражение в шведских и замалчивается в русских источниках.

Но замалчивается лишь до поры до времени. В 1164 г. шведы предприняли поход на Ладогу, каменный город-крепость, охранявший рубежи земли Русской на северо-западе. В этом году «Придоша съве под Ладогу, и пожьгоша ладожане хоромы своя, а сами затворившася в граде с посадником с Нежатою, а по князя послаша и по Новгородце. Они же приступиша под город в субботу, и не успеха ничтоже к граду, нъ болыню рану въсприяша; и отступиша в реку Воронай. Пятый же день приспе князь Святослав с Новгородьци и с посадником Захариєю, и наворотиша на ня, в месяце мая в 28, на святого Еламия, в четвърк, в час 5 дни; и победита я Бо-жиею помощью, овы исекоша, а иные

измаша: пришли бо бяху в полушестадьсят шнек, измаша 43 шнек; а мало их убежаша, и ти езвѣни».²¹⁰

Поход 1164 г. не ставил своей целью завоевание Руси, — с такими силами даже в одной Ладоге невозможно было прочно укрепиться. Это была борьба двух аванпостов — Руси и Швеции. Поход со стороны шведов носил морской характер; русские давали им бой на суше; сперва у стен Ладоги, отбросив их, повидимому, во время вылазки и вынудив отойти к р. Вороньей между Сясю и Пашой, а затем и у Вороньей, где шведы были разгромлены новгородскими войсками князя Святослава Ростиславича и посадника Захарии.

В 1178 г. последовал морской поход союзников и подданных Новгорода карел на шведские владения в Финляндии. «Фрагмент Пальмшёльда» и «Хроника епископов Финляндии» Юстена сообщают о походе куронов на шведские владения в Финляндии и о захвате ими епископа Финляндии Рудольфа.²¹¹

Полагают, что поход этот не был налетом пиратов, какими считали куронов (куров), а серьезным и сложным военным предприятием, требовавшим значительных сил, и морских, и сухопутных. Поход был предпринят морем и направлен на резиденцию епископа и центр шведских владений в Финляндии той поры — Ноуси. Цели, которые преследовал поход, носили, несомненно, политический характер. Свидетельством этого является захват, увоз, а впоследствии и умерщвление епископа.

Таков был поход 1178 г. Но почему источники приписывают его куронам, обитавшим в южной части Курляндского полуострова и абсолютно не связанным с Финляндией и нисколько не заинтересованным в событиях на северном побережье Финского залива? Еще Г. Рейн указал, что в средневековых источниках куронов часто путают с карелами. Так напр, куроны выступают не только под названием «*curones, choriones, chariones, coeri*», но и «*kyri, curi*», а карелы именуются не только «*sarjali, coreli*», но и точно так же, как и куроны, «*kurii, Jtyri, Tcuri*».

В той же хронике, в другом месте, прямо говорится о совместной борьбе русских и куронов со шведами в 1250 г., что явно невозможно, если в куролах усматривать куронов (куров) Прибалтики, завоеванной уже давно Ливонским орденом, и легко может быть объяснимо, если в куролах видеть карел.

Таким образом, куроны, совершившие морской поход на шведские владения в Финляндии в 1178 г., — это карелы, вассалы и союзники Новгорода и враги шведов. Именно им, многочисленному и сильному народу, а отнюдь не куронам, был под силу большой морской поход против шведов, носивший чисто военный, политический характер.

Но наиболее крупным военно-морским предприятием Новгорода был поход 1187 г., результатом которого явилось взятие и разрушение Сигтуны. О значении этого крупнейшего торгового порта и политического центра Швеции в новгородской торговле мы уже в свое время писали. Город, стоявший на старой знакомой морской дороге, город с многочисленным русским населением, хорошо известный новгородцам центр экономической и политической жизни Швеции, Сигтуна очутился под ударом новгородцев.

Поход на Сигтуну был нелегким предприятием. Большой и прекрасно укрепленный высокими стенами и замками-форпостами, а также естественными препятствиями — болотом и скалами, город лежал на самой отдаленной от моря точке побережья озера Мелар, в 30 км от берега моря. Дойти до Сигтуны можно было только хорошо зная фарватер, а взять город — только обладая сильным флотом и многочисленным войском.

Предпринять и успешно закончить такой поход мог только отважный и сильный народ

---

²¹⁰ Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, 1875, стр. 64, 65.

²¹¹ Finlands Medeltidsurkunder, т. I, № 29. Juusten M. Pauli. Chronicon Episcoporum Finlandensium annotationibus et apparatu monumentorum illustratum. Aboae, 1799, стр. 11.

мореходов. Русские источники ничего не говорят о сигтунском походе. Все известия о походе на Сигтуну находятся только в шведских источниках и собраны в «*Scriptores rerum Suecicarum*».²¹²

Все они говорят в различных вариантах о взятии в 1187 г. язычниками Сигтуны и о разрушении (сожжении) города. Одновременно упоминается о том, что «ими же» («язычниками») убит в Альмарстеке (Альмаруме, Альмариуме) епископ Упсальский Иоанн, а в одном месте мы встречаем известие, что «тогда же построен город Стокгольм» (очевидно, вместо разрушенной Сигтуны) — В хронике Эрика (XIV в.) рассказывается, что нападавшие «плыли от моря и вверх в Мелар» и «очень часто совершали здесь грабежи». И вот «однажды у них появилось такое желание, что они сожгли Сигтуну и жгли все настолько до основания, что этот город еще не поднялся». Хроника Эрика, использовавшая народные предания о сиг-туиском походе, дожившие не только до времен ее составления (1320–1330 гг.), но и позднее, знает и национальность нападавших. Это были карелы.

Хроника Эрика Олая (середина XV в.) называет участниками похода на Сигтуну русских и карел.

Участие русских в походах на Сигтуну косвенно подтверждается рядом других источников и свидетельств. Так, уже упоминаемая нами выше хроника Эрика начала XIV в., говоря о том, что карелы нападали на Сигтуну и что после похода Биргер построил Стокгольм для того, чтобы не пускать в озеро Мелар карелов, в то же время отмечает, что разрушение Сигтуны «обрадовало землю Карел и Руссов». Конечно, это указание хроники Эрика может быть понято, исходя из естественного отношения Руси, Новгорода к удачному походу его вассалов — карел на Сигтуну, откуда, вероятно, исходила инициатива шведского наступления на восток, в земли суми и еми, угрожавшего и Новгороду, причем сам факт того, что «Руссы» радовались удаче похода, не означает еще необходимого признания активной роли русских в морском предприятии карел.

И тем не менее мы можем утверждать, что поход «язычников» в 1187 г. на Сигтуну был походом, предпринятым одновременно и русскими и карелами.

Вряд ли следует отвергать предположение, что если народные предания, отразившиеся в хрониках, точно указывают на национальную принадлежность нападавших на Сигтуну «язычников», то это еще не означает, что участниками похода 1187 г. были только карелы.

Морские походы карел на Готланд и Швецию в XII в. подтверждаются находкой в Карелии специфической фибулы XII в. с рунической надписью и именами, встречающимися только на Готланде, а так же указанием хроники Эрика на частые набеги карел на Швецию. Но это все были набеги, ставившие своей целью захват добычи и не больше. Постоянных и регулярных связей, в частности, торговых сношений между землей карел и Швецией не было, а между тем только такие прочные и систематические сношения приводят к тому, что обе стороны (или одна из сторон) хорошо узнают друг друга и, прежде всего, пути, по которым приходится общаться. Регулярно плававшие в Сигтуну и постоянно в ней жившие русские хорошо знали дорогу по морю и озеру Мелар, в глубине шхер которого лежала Сигтуна. Только хорошо зная фарватер и изрезанное фиордами побережье озера Мелар, можно было не только дойти до Сигтуны, но и скрывать свои суда в засаде среди береговых скал, о чем повествует хроника Эрика Олая. Так как карелы на Сигтуну до 1187 г. не нападали и никакой заморской торговли не вели, то естественно, что привести карел в Сигтуну могли только русские мореходы — новгородцы, а это, в свою очередь, предполагает их наличие (и не обязательно только в качестве лоцманов) в том флоте «*paganis*» (язычников), который напал на Сигтуну. Именно они, славные и опытные мореходы, хорошо знавшие Сигтуну и фарватер озера Мелар, на берегу которого она лежала, оставившие здесь следы своего пребывания в названиях прибрежных пунктов озера Мелар (бухта Rus-seviken и

---

²¹² *Scriptores rerum Suecicarum raedli aeoi*, Upsala. 1818, т. I, стр. 40, 48, 52, 81; 1871-76, т. III, 2, стр. 99.

мыс Ryssenudden), на своих судах прибыли к Сигтуне и привели с собой карельские суда.

Подтверждением активного участия русских в походе на Сигтуну являются и знаменитые врата Новгородской Софии. Уже в конце XV в. в Швеции, когда народные предания стали связывать разрушение Сигтуны с русскими, возникло и распространилось отражавшее действительное историческое событие предание об увозе русскими городских врат.

В Новгородской святой Софии действительно стоят врата, изготовленные в 50-х г. XII в. в Магдебурге. Эти врата ошибочно названы «Корсунскими», хотя они и изготовлены на Западе, тогда как врата византийской работы, подлинно «корсун-ские», почему-то носят название «Сигтунских».²¹³

Врата не могли быть куплены новгородцами, так как скульптуры их не соответствуют понятиям православного духовенства, да и сами католики не стали бы их продавать. При перевозке были утрачены части и нарушен замысел скульптора. На месте, в Новгороде, утраченные части были заменены. Это еще раз говорит за то, что врата попали в Новгород в качестве военной добычи. Кроме Сигтуны из крупных городов новгородцы в XII–XIII–XIV вв. брали с боя Дерпт (Тарту) и Або (Турку), но с этими городами никаких преданий, увязывающих поход русских с захватом городских врат, не связано. Кроме того, в самих т. н. «Корсунских» вратах не трудно установить отпечаток шведского искусства и даже более того, следы культа Сиг-фрида, особенно почитаемого в Сигтуне. Все это говорит за достоверность шведского предания об увозе русскими городских врат Сигтуны.*

Если бы поход 1187 г. был совершен только карелами, врата Сигтуны не стояли бы в Новгородской Софии. Итак, поход 1187 г. на Сигтуну был совместным походом русских и карел — вассалов Новгорода.

Результатом похода на Сигтуну и разрушения города были описанные нами уже выше события 1188 г. Когда «.. рубоша Новгородьце Варязи, на Гьтех Немьце, в Хоружьку и в Новотържце; а на весну не пустиша из Новагорода своих одиного муж за море, ни съла въдаше Варягом, нъ пустиша я без мира».

Ответом на разрушение Сигтуны было нападение «варягов» (жителей Готланда) на русских на Готланде. То же самое произошло и в Швеции, так как «Новоторжец» новгородской летописи не что иное, как Fykörping, а «Хоружек» — Thorshalla — гавань в Швеции. «Новоторжец» — это буквальный перевод шведского JSTykörping, а «Хоружек» — искаженное Thorshalla.

Вполне понятно, почему ответом шведов на сигтунский поход были репрессии по отношению к русским купцам. Шведы²¹⁴ знали, что поход предпринимал Новгород, и считали ответственными за военные предприятия Новгорода мирных новгородских купцов. «Розмирье» Новгорода с Готландом привело к тому, что путь на Готланд был закрыт. Тогда, повидимому, новгородцы нашли прямой путь на Любек и в другие порты южного и западного берега Балтийского моря. Это предположение кажется тем более обоснованным, что иначе нам трудно понять уступчивость Готланда, принявшего все условия Новгорода и заключившего мир «на всей воли» новгородцев. Новгород сумел найти путь к Любеку и другим портам Балтики в обход Готланду, что не могло не ударить по готландским купцам.

Борьба со шведами продолжалась и после сигтунского похода. В 1190 г. «избиша

---

²¹³ Поэтому в дальнейшем изложении, говоря о вратах, вывезенных из Сигтунд, мы имеем в виду так называемые «Корсунские» врата.

²¹⁴ И. П. Шаскольский. Предание о «Сигтунских вратах» и его достоверность. Ученые записки ЛГУ, № 112, серия исторических наук, вып. 14, Л., 1949.

Псковичи Чюдь поморскую, 7 шнек».²¹⁵

Мы не знаем, о какой «чюди» идет речь, но, несомненно, бились псковичи с нею не на суше, а на воде. Новгородская I летопись сообщает: «пришли бо бяху... оболочилися около порога в озеро, и удариша на не Пльсковичи и не упустиши ни мужь, а шнеке привезоша Пльскову в город». ²¹⁶

Уже в те времена Псков стал на охране Руси с запада так же, как Новгород оборонял ее с северо-запада.

В 1198 г. новгородцы совершают опустошительный поход на шведские владения в Финляндии, тянувшиеся узкой ленточкой вдоль берегов земли суми. Сведения об этом походе сохранила хроника Юстена и фрагмент Пальмшёльда. Они сообщают, что никаких дел от третьего епископа Финляндии Фольквина не сохранилось, так как все погибло во время опустошения, произведенного русскими, в день Пятидесятницы взявшими и разрушившими Або.²¹⁷ Новгородцы морем дошли до района Або, высадились на побережье и, огнем и мечом пройдя вдоль берега, так основательно разгромили шведские колонии, что понадобились десятки лет для того, чтобы восстановить во всей ее прежней силе власть шведов и возродить в земле суми христианство. Булла папы Иннокентия III от 30 октября 1209 г. рисует нам картину жалкого существования разоренных шведских владений в Финляндии и угасания христианства.

На этом заканчиваются морские походы новгородцев на шведов в Финляндию и Швецию. Как правило эти походы предпринимались только частью новгородского общества, исходили из каких-то пунктов необъятной земли Новгорода, частью, по-видимому, носили стихийный народный характер и не заслуживали внимания с точки зрения официального летописца, а посему и не попали на страницы летописи. Походы эти порою даже не были, по-видимому, известны во всех своих деталях в Новгороде. Во всяком случае официальные власти Новгорода их не предпринимали.

Почему после 1198 г. затихает борьба новгородцев со шведами?

По-видимому, прекращение русского наступления на Финляндию после успешного похода 1198 г. находит объяснение в том, что удары против шведов со стороны Новгорода и карел часто не направлялись каким-либо одним организующим центром. Когда шведы в Финляндии переходили в наступление, усиливался и отпор со стороны русских и карел. Когда же шведы были разбиты и надолго перестали быть серьезной силой — ослабел и отпор со стороны русских и карел. Изгнать шведов из Финляндии могли лишь власти самого Господина Великого Новгорода, но они редко занимались делами суми и еми и, кроме того, в начале XIII в. все их внимание было поглощено усобицами и борьбой с Ливонскими рыцарями. Вот что дало возможность шведам обосноваться в старинных русских землях в Финляндии.

XIII в. в русской истории — этот период, когда Русь «распадалась на уделы, делилась и подразделялась... была раздираема феодальными войнами и теряла целые области вследствие интервенции соседних народов».²¹⁸

Феодальная раздробленность ослабляла позиции Руси и на северо-западе. Не случайно именно в это время автор «Слова о полку Игореве», как бы предвидя то страшное бедствие, о котором будет говорить «Слово о гибели Русской земли», тщетно призывал князей

---

²¹⁵ Новгородская IV летопись, стр. 17.

²¹⁶ Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку, 1875, стр. 98, 99.

²¹⁷ Juusten M. Paulus. Chronicon Episcoporum Finlandensium....стр. 12.

²¹⁸ К. Маркс. Secret diplomatic history of the eighteenth century 1899, гл. V.

русских к объединению.

К. Маркс замечает, говоря о «Слове о полку Игореве»: «Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов». 219

Русь потеряла Тмутаракань и Лукоморье, теряла она и землю еми, северное побережье Финского залива, на которое ранее распространялось новгородское влияние. Причину того, что шведская колония смогла уцелеть, следует искать именно в феодальном раздроблении Русской земли, в княжеских «котовах», в феодальных войнах, в которые втянули и Господин Великий Новгород. И невольно хочется провести аналогию между той обстановкой, которая сложилась на берегах Финского залива и у входа в Ботнический залив, и той, которая была характерна для Восточной Прибалтики и была определена К. Марксом одной фразой: «Если бы эти племена были единоплеменны, то христианско-германская скотская культура была бы вышвырнута вон».

Мы попытались проследить историю русского мореходства на Черном, Каспийском и Балтийском морях в период феодальной раздробленности до установления татарского ига. Теперь нам предстоит остановиться на проблеме освоения русскими мореходами северных морей и, в первую очередь, Белого моря.

Задача предстоит трудная, так как в источниках Белое море предстает как уже давно и прочно освоенное суровыми и предприимчивыми русскими людьми, но когда начался этот процесс освоения, когда впервые русские суда были спущены на воды Белого моря, кто были те русские, которые первыми не побоялись холодной беломорской волны, когда и откуда они пришли сюда, к берегам Студеного моря, — все эти вопросы, к сожалению, не освещены в письменных источниках. Приходится пользоваться всякого рода косвенными данными и, идя вспять от XIV или, в лучшем случае, от XIII в., попытаться восстановить позабытую картину русского севера XI–XII вв., т. е. тех времен, когда север Восточной Европы заселялся и осваивался русскими людьми, становился подлинно русским.

Русского человека на далекий север к берегам Белого моря, на далекие Печору и Третье, в землю Югорскую привело то же самое стремление к освоению богатых пушным зверем и рыбой, птицей и морским зверем лесов, рек и морей, та же самая жажда промысловой деятельности, та же самая, характерная для русских людей, предприимчивость, которая привела правнуков беломорских поморов казаков-землепроходцев XVI–XVII вв. на Камчатку и Колыму, на берега Иртыша и Амура, к Охотскому и Берингову морям.

«Неродимая земля» северных и восточных окраин новгородских пятин вынуждала новгородцев стремиться к рекам, изобилующим рыбой, к лесам, где пушной зверь не редкость, а постоянный обитатель, к морям, богатым и рыбой и морским зверем. Всем этим были богаты далекие «земли» новгородские, «волости», лежащие на крайнем севере, земли подлинных и потенциальных данников Новгорода, малочисленных и слабых северных народов: лэппи (саамов), чуди заволоцкой (коми-зырян), югры (хантов и маньси, остяков и вогулов), самоеди (ненцев). Сюда на Север шли простые люди, «меньшие», спасаясь от эксплуатации бояр; стремились и боярство для того, чтобы начать эксплуатацию русского и нерусского населения Поморья, Подвинья, Приуралья.

«Повесть временных лет» под 1096 г. помещает замечательный рассказ новгородца Гюряты Роговича: «яко послах отрок свой в Печеру, люди, иже суть дань дающе Новугороду; и при-шедшу отроку моему к ним, а отгуду иде в Югру, Югра же людье есть язык нем, и соседять с самоедью на полунощных странах. Югра же рекоша отроку моему: „дьяволю мы находим чюдо, егоже несмы слышали прежде сих лет, се же третье лето почало быти; суть горы заидуче в луку моря, имже высота аки до небесе, и в горах тех клич велик и

---

219 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 122. 8 К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V. стр. 341.

говор, и секуть гору, хотяще высечися: и в горе той просечено оконце мало, и туде молвять, и есть не разумети языку их, но кажють на железо, и помавають рукою, просяще железа и аще кто дасть им ножь ли, ли секиру, и они дають скорою противу. Есть же путь до гор тех непроходим пропастьми, снегом и лесом, тем же не¹ доходим их всегда; есть же и подаль на полунощии"». 220

В рассказе Гюряты Роговича мы находим указание и на народы, населяющие страны «полунощные», и на немую меновую торговлю, и на пределы новгородских владений.

Печора, Югра, горы до Лукоморья (в которых не трудно усмотреть Уральские горы, или, по-новгородски «Камень»), а быть может и Обь — таковы географические познания новгородцев конца XI в.²²¹

Это первое засвидетельствованное источниками указание на то, что новгородцам в XI в. были известны не только страны, но и моря «полунощные».

Богатый пушниной Север манил к себе предприимчивого новгородца. В родных краях, где были только «лоскуты орамой земли», жилось трудно. Север был суров, но о его богатствах давно уже ходили легенды. Новгородцы передавали из уст в уста старинное предание, пришедшее из далеких северных земель, о том, как старики, ходившие за Югрой и Самоядь, рассказывали, что видели в странах «полунощных» удивительные чудеса — с неба спускается туча, из нее падают маленькие белки, растут и, выросши, разбегаются по земле. Спускается еще и другая туча, откуда падают маленькие олени и тоже, выросши, расходятся по земле.

Рассказ этот в летописи помещен под 1114 г., но ссылка на стариков, ездивших в Югру и Самоядь, свидетельствует о том, что путь на Север новгородцы проложили давно, задолго до XII в.²²²

Во всяком случае он был хорошо известен уже давным-давно ладожанам, жителям Ладоги (ныне Старой Ладоги), этого русского форпоста на северо-западе и севере, средостения многих путей, на авторитет которых и ссылается летописец, приводя свой рассказ о пушном Эльдорадо на далеком Севере, в землях югры и самояди.

«... Сему же ми есть послух посадник Павел Ладожкый и вси ладожане».

На далекий, суровый и холодный негостеприимный Север уходившие со своих «неродимых» земель предприимчивые новгородцы проникали разными путями. Шли Свирью на Онежское озеро, и далее, через реку Водлу, на Онегу, а оттуда прямо к морю или через реку Емцу на Северную Двину. Шли и через реку Вытегру к озеру Лаче, а оттуда речками и волоками попадали в море или на Двину. Уходили к морю и через северный берег Онежского озера на реку Выг, Суму и Нюхчу прямо к берегам Онежской губы. Шли от Корелы в «дикую лопь», а оттуда через Карелию к Белому морю.

Шли в дремучую северную тайгу, в тундру, в край зимней ночи и летнего дня, к берегам Студеного моря, шли за рыбой и мехами, морским зверем и солью.

Из каких социальных слоев выходили и что представляли собой эти первые русские поселенцы на Севере? Среди новгородцев, осваивавших Север, были и боярские холопы, и монахи, и свободные поселенцы — крестьяне. Именно эти последние, охотники, рыбаки, зверобой, солевары, «складывавшиеся» в «дружины», осваивавшие своим трудом землю и воды Севера, положили начало смелым и стойким поморам.

Когда же русские обосновались на берегах Северной Двины и Белого моря? Имеются в

---

220 Повесть стр. 226. 227. временных лет по Лаврентьевокому списку, 1910,

221 М. С. Боднарский. Очерки по истории русского землеведения. М.-Л., 1947, т. I, стр. 19.

222 Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр 199–200.

виду не походы и поездки торговых людей, не сборы дани, а именно постоянные поселения русских промысловых людей.

Невидимому, появление постоянных поселений русских поморов-промысловиков относится к тому же XI в., точнее ко времени не позже XI в., что и рассказы Гюрыты Роговича и поездки новгородских «мужей старых» «за Югру и Самоедь», в «полунощные страны».

Устав новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. упоминает Иван-погост, который со временем вошел в состав Холмогоров под названием Ивановского посада. Устав 1137 г. упоминает также расположенные у Холмогор Пинегу, Кегрелу, Ракулу, Емцу (устье), Вагу (устье).²²³ Таким образом Холмо-горы и их окрестности явились древнейшим новгородским поселением на Двине, в Поморье. Сами Холмогоры выросли на месте древнего «чудского» поселения, поселения коми, о котором говорят скандинавские саги начала XI в.²²⁴

Топонимика этого края древних биармийцев в районе Холмогор (Ухт-остров, Наль-остров, Кур-остров) говорит о том, что, как и везде на Севере, русские поселенцы мирно селились рядом с аборигенами, передавая им свою более высокую культуру; и либо подвергали их своему культурному влиянию, либо вовсе растворяли их в своей этнической среде. Поэтому трудно сказать, когда кончается мореходство зверобоев Севера, поклонявшихся Иомале (Юмале), о чем говорит норвежец Отер, информатор англо-саксонского короля Альфреда Великого, сага о Торрере Собаке и другие исландские саги, так красочно повествующие о сказочно-богатой Биармии, и когда начинается мореходство русских — христиан. Повидимому, одно выросло из другого и покрывало собой это первое, древнейшее, архаичное и примитивное.

Так шел на Север русский люд из земель новгородских. Но существовал и другой путь, по которому русские люди проникали на Север. Речь идет о колонизационном потоке, устремлявшемся на Север из междуречья Волги и Оки, из земель Владимиро-Суздальских и Белозерских. Уже в самом начале XIII в., а быть может, и несколько ранее, на Севере появляются владения великих князей Владимирских. Из грамоты великого князя Андрея Александровича известно, что великий князь посылал «на море» свои «ватаги» для поимки ловчих птиц, «ходил» «на Терскую сторону». По аналогии с грамотой Ивана Калиты, можно предположить, что речь идет о «Печорской стороне» и «Зимнем берегу» Белого моря, где исстари стояли ловческие заимки князей северо-восточной Руси.

Андрей Александрович указывает, что это право на «места» на далеком Севере «пошло при моем отце и при моем брате».²²⁵

Грамота Андрея Александровича (1294–1304 гг.) является ценнейшим источником, свидетельствующим о том, что русская колонизация Севера имела своим исходным пунктом не только Новгород, но и Суздальскую землю.

Различное происхождение русского населения Подвинья и Поморья нашло отражение в северо-русских диалектах. Цокающие говоры русского Севера — остатки речи новгородцев, колонизовавших край, а нецокающие говоры, распространенные по Шексне, в Белозерье и на Онеге, являются рудиментами речи русских поселенцев, переселившихся из Ростово-Суздальской земли.²²⁶

---

²²³ М. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права. 1899, вып. 1, стр. 255, 256.

²²⁴ С. Ф. Платонов. Очерки по истории колонизации Севера, вып. 1, 1922, стр. 32; его же. Прошлое русского Севера. 1923, стр. 14, 15 и др.

²²⁵ Акты Археографической экспедиции. 1836, т. I, № 1, 2, 3, стр. 1, 2.

²²⁶ В. Г. Орлова. Цоканье в русских говорах. Ученые записки МГУ, вып. 128, Труды кафедры русского

Итак, не может быть сомнений в том, что в XI–XII вв. освоение русскими Севера и, в частности, берегов Белого моря, достигло значительных успехов. Выход русских промысловых людей на морское побережье не мог не сделать их поморами. Бойкий торг продуктами северного морского зверобойного промысла, столь характерный для Новгорода того времени, в первую очередь, свидетельствует о том, что новгородцы не побоялись на своих утлых суденышках устремиться по холодным волнам Белого моря далеко на север.

Более того, русские поморы уже в те времена постоянно и регулярно, повидимому, ежегодно пересекали Белое море с юга на север и с севера на юг. На Двину, в Заволочье, на берега Белого моря новгородцы ходили каждый год. Эти малые, неофициальные походы в летопись не попадали. Они были обычны, о них не стоило писать, детали их ускользали от летописцев, не подвергались и не подлежали контролю со стороны новгородских властей. Поэтому о них мы почти ничего не знаем, а два-три факта, попавшие в летопись, не дают полного представления о колонизации Севера. Но если учесть, что в XIV–XV вв., когда освоение русскими Севера достаточно подробно отразилось в источниках, Север был уже густо заселен и стал, так сказать, своим, русским, привычным, исхоженным и изъезженным, знакомым и дорогим сердцу, то естественно, начало процесса освоения Поморья следует отнести к гораздо более раннему периоду времени, что мы и сделали, опираясь на немногочисленные свидетельства источников и некоторые косвенные сведения.

С южного берега Белого моря новгородцы проникли и на северное его побережье. Кольский полуостров был освоен выходцами из Заволочья. К XIII в. уже вся земля саамов была обложена данью в пользу новгородцев, и русские владения по побережью Баренцева моря тянулись в те времена гораздо дальше на запад, чем во времена последующие. Следовательно, уже тогда русские суда бороздили воды и Белого и Баренцева морей.

Подводя итоги всему сказанному о русском мореходстве в период феодальной раздробленности до установления татарского ига, мы опровергаем обычное представление о том, что после знаменитых морских походов первых киевских князей южные моря (Черное, Азовское, Каспийское) перестают интересовать русских и становятся недоступными, отрезанные от Руси половецкой степью, и единственной активной морской силой на Руси остается Новгород.

Период феодальной раздробленности отнюдь не характеризуется прекращением активности русских на морях, и Новгород отнюдь не является исключением в этой области. Меняется только характер мореходства, характер морских походов, пути русских мореплавателей. Тяга к морю, воплощенная в конкретных делах, в русском народе отнюдь не умирает, а продолжает жить, сохраняется под пеплом татарского пожарища, и во времена казачьих походов она, как искра, начнет разгораться в пламя.

5. РУССКИЕ СУДА

Вполне естественно, нас интересует вопрос — какими средствами преодоления водных пространств обладали славяне, как выглядели их первые суда, как эволюционировало судостроительное мастерство, как возникало и развивалось мореходное, и, в частности, военно-морское искусство. Как ни скудны наши сведения, как ни ограничен круг наших источников, но и на этот вопрос мы попытаемся дать ответ.

Погребальные обычаи восточных славян периода первых письменных источников свидетельствуют о чрезвычайной древности лодьи и саней в качестве средств передвижения. Обычай погребать покойника или доставлять труп к месту погребения в лодье или на санях указывает на то, что в религиозных представлениях восточных славян, отражавших чрезвычайно архаические формы быта, сани и лодья выступают в качестве древнейших

средств передвижения. Эти последние нужны покойнику для того, чтобы перебраться в загробный мир. Средством передвижения на земле были лодья и сани. Так было в древности, в далекие времена, когда еще не было ни колеса, ни телеги, а зимой и летом перебирались по суше в примитивных волокушах или санях, как это имело место еще не в столь отдаленные времена на Камчатке. И «сядя на санех» (X в. на склоне лет, в ожидании смерти, перед кончиной, у гробовой доски) Владимир Мономах, употребляя народное выражение, в своем «Поученье» сохранил нам, как и миниатюры Сильвестровского списка «Сказания о Борисе и Глебе», память не только о древнем погребальном обычае, но и о доколесных средствах передвижения своих далеких предков. 227

Синхронным, если не еще более древним, был обычай погребения в лодье, свидетельствующий, что у предков славян передвижение связывалось с челноком, лодьей. Ею и снабжали покойника, отправляющегося па тог свет. Ибн-Фадлан с рядом красочных подробностей описывает похороны знатного руса, сжигаемого в собственной лодье. 228

Остатки погребений в лодьях обнаружены при археологических раскопках. 229

Из всего сказанного естественно вытекает, что лодья была древнейшим средством передвижения у восточных славян.

В письменных источниках древнейшие русские суда выступают под названием «кораблей» и «лодей» (ладий, олядий), причем этими терминами летописец пользуется альтернативно, и выступают они в самом широком, нарицательном значении и употребляются для обозначения всякого судна вообще. 230

Обычно представление о греческом происхождении русского слова «корабль» (от греч. — *καράβος*) не имеет за собой никаких оснований. Мы можем проследить как раз обратный путь этого слова.

Наличие в ряде языков южной, юго-восточной и юго-западной Европы и сопредельных с ними земель мусульманского Востока слов, обозначающих судно и происходящих от слова «корабль» (латин. — *carabus*, исп. — *carabella* и порт. — *caravella*, араб. — «караб» и «гураб»), при отсутствии языковых и смысловых аналогий в языках Северной и Западной Европы говорит о единстве происхождения термина «*carab*», и вряд ли мы ошибемся, если предположим, что на юге христианского и в мусульманском мире этот термин распространялся из Византии.

Византия же заимствовала слово «корабль» из русского языка, переделав его в «каро;». Такой вывод на первый взгляд кажется неожиданным и необоснованным, причем такого рода отношение к высказанной гипотезе* обусловлено обычным представлением, что русский язык может заключать и заключает в себе ряд иностранных слов, но сам он на языки соседних народов, а особенно на греческий и латинский, влиять никак не мог.

Такое представление не соответствует действительности. Стоит вспомнить (у Плиния) латинское слово «*viverra*» (белка), явно позаимствованное из восточнославянских языков и представляющее собой латинизированную «виверицу» и греческое *akfj* — «*kaovdekY*»<;» того же происхождения, обозначающее «одежду из меха», происходящее от «куницы

---

227 Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 232.— Д. П. А н у ч и н. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронной обычай, М., 1890.

228 Путешествие Ибн-Фаллала на Волгу, под ред. И. Ю. Крачковского, стр. 79–84.

229 Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 25

230 Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 20, 2'), 34, 35, 43, 45, 150. —Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 351. 352.

Постараемся аргументировать высказанное предположение о восточнославянском происхождении греческого «караР°с» (ново-греч. кара|3i). Во всех без исключения славянских языках встречается слово «корабль», «кораб», «корабль» в значении «судна» (болг. — «кораб», чешское «korab, польское — «korab», серб. — «кораб», и т. д.).²³¹

И. И. Срезневский указывает: «нет ни одного славянского наречия, в котором это слово не было бы своим... слово korab, korabi — живет, как народное». ²³²Еще С. А. Геденов, а затем и Н. П. Загоскин совершенно справедливо восстали против объяснения слова «корабль», как заимствования из греческого.

Корень «кор», «кора», «корье», лежащий в основе слова «корабль» («корабль»), лежит в основе и 'таких слов как «короб», «коробка», «корзина» и обозначает некое вместилище, сделанное из коры. Не случайно и до сих пор в чешском языке слово «korab» означает и древесную кору, и большую лодку. И это вполне понятно, если мы учтем, что древнейшие суда делались из прутьев и обшивались корой, а позднее кожами. Исидор объясняет: «сарabus — есть малая ладья из сплетенных прутьев, обтянутых кожей».

Таким образом, в славянских языках понятие «судно» обозначалось словом «корабль» потому, что некогда, в очень отдаленные времена, суда действительно представляли собой лодки, сделанные из коры. В других индоевропейских языках слова, обозначающие суда, уже не отражали этой ранней ступени судостроительного искусства, и слово «корабль» пришло в греческий язык в архаическом, первоначальном его значении из славянских языков, в частности, из русского языка. Античная Греция не знала слова «карарос», обозначающего судно. В языке древней Эллады встречается слово «кара|3os» В значении древесного жука или определенного вида морского краба. И только у Гезихия из Александрии впервые это слово выступает в обозначении лодки, ботика, т. е. судна. Но произведение Гезихия относится к VI или началу VII века н. э., т. е. к тем временам, когда «фомей» уже хорошо знали славян, и Византия давно подвергалась их ударам и с суши и с моря.

Предполагать, что «крабом» стали называть «судно» потому, что оно стало панцырным, невозможно, так как русские суда, а их византийцы и называют «k<ipaj3o;», никогда не были панцырными. Следовательно, в греческий язык слово «кара|3ia» проникло из славянских языков относительно поздно, в византийские времена.²³³

Поэтому-то Константин Багрянородный в своем сочинении «De ceremoniis aulae Byzantinae» употребляет термин «кара|3ia» только по отношению к русским кораблям (ροοοικα καριпта, R<5^ kapd,3ia). Смысл этого слова грекам был уже непонятен, и они оперировали им, как чужим словом. Следовательно, судостроительное искусство древней Руси восходит к седой древности, ко временам начального формирования славянских языков, т. е. во всяком случае к эпохе переходной от высшей ступени дикости к низшей ступени варварства. ²³⁴

Очень древними терминами было и слово «ладья» («ладья», «олядь», «лодь», «лодья», «ладия»), так же как и «корабль», обозначающее судно вообще и встречающееся в ряде славянских языков (чешское «lod», «lodi», польское «lodzia», вендское «lodia», поморско-люнебургское «lida»).

---

²³¹ Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 353.

²³² И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 1284.

²³³ Griechisch-Deutsches HandwOrterbuch von Pape, Braunschweig, 1866. — Greek-English Lexicon Liddell — Scott. Oxford. 1925.

²³⁴ Л. П. Якубинский. «Образование народностей и их языков» Вестник Ленинградского университета, № 1, 1947, стр. 149–152.

С течением времени слово «лодья», «ладья», «лодка» вытесняет старый, архаический термин «корабль», сохраняющийся лишь в торжественной речи и в эпических произведениях.

Н. П. Загоскин намечает несколько этапов в истории судостроения у восточных славян и несколько типов судов, последовательно сменяющих друг друга.²³⁵ Древнейшим судном восточных славян (да и всех славян вообще) является уже упомянутый выше архаический «корабль», сделанный из гибких прутьев, скорее всего ивовых, и обшитый корой, а затем и кожами, напоминающий пироги индейцев и каяки эскимосов, чрезвычайно легкий, удобный при переноске через бесчисленные «волоки» и пороги, быстрый на ходу, но малоостойчивый,²³⁶ маловместительный, непрочный и почти непригодный для плавания в открытом море.

Время монопольного господства таких судов у восточных славян отделено от первых письменных источников не сотнями, а тысячами лет.

Вторым по времени и гораздо более совершенным типом судна является лодка («лодья») однодеревка, моноксил (ρονο- α 0X0, μονοxυλα) греческих источников. Это были огромные древесные стволы, выдолбленные внутри, обтесанные, могущие вместить сравнительно большое количество людей и груза, но все же не очень вместительные и малоостойчивые. Далеким их потомком, миниатюрным по размерам, является кое-где уцелевший до наших дней рыбацкий долбленный челнок-душегубка. Такое судно, почтенной давности, хранится в Военно-Морском музее ВМС СССР в Ленинграде.

Такие долбленки-однодеревки в первоначальном своем виде длительное время сохранялись в качестве речных судов, особенно на небольших речках и озерах, но на море они, пови-димому, в скором времени уступили свое место судам другого типа.

Третьим по времени типом судна, с которым русские и выступили в военно-морской истории и появились у стен Сурожа и Амастриды, Константинополя и Бердаа, и который у греков и получил название моноксила, хотя таковым, собственно говоря уже не был, уйдя далеко вперед по сравнению с подлинной долбленной лодьей-однодеревкой, были т. наз. «набойные лодьи».

Долбленная колода-однодеревка составляла у «набойной лодьи» как бы только основу, остов. Надводная часть такой лодьи увеличивалась нашивкой к бортам колоды путем «набоя» край на край, одна на другую, досок («набоев»), что значительно увеличивало ее размеры, грузоподъемность и остойчивость.²³⁷

И, наконец, четвертым типом явилось судно, целиком сделанное из досок («лодья» досчатая, или «досчаник»). Его размеры не регламентировались величиной колоды, и форма его зависела целиком от желания судостроителей. Такого рода «лодьи», по мнению Н. П. Загоскина, очевидно, со временем получили преимущество перед «набойными» лодьями и получили название «лодья морской», или «лодья заморской».²³⁸

Я считаю такое объяснение более правильным, чем попытка объяснить термин «лодья заморская» иноземным, «заморским» ее происхождением, которую сделал П. И.

---

²³⁵ Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 358, 359. — Русская Правда, изд. АН СССР, т. I, стр. 72, 80, 113, 131, 158, 174, 196, 225, 288, 310, 336, 357, 384, 399, 436, 437; т. II, стр. 207, 208, 214, 577, 578. См. также Г. Е. К о ч я н. Материалы для терминологического словаря древней России, стр. 174.

²³⁶ Остойчивость — морской термин, означающий устойчивость корабля,

²³⁷ Русская Правда, ук. изд., т. II, стр. 577, 578. — Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 366, 367. — П. И. Белавенец. Материалы по истории русского флота. М.-Л. 1940, стр. 16.

²³⁸ Русская Правда, ук. изд., т. I, стр. 113, 131, 158, 174, 196, 225, 256, 288, 316, 357, 384, 436, 439; т. II, стр. 577.

Благодаря любезности члена-корреспондента АН СССР профессора Ленинградского университета В. И. Равдоникаса мне удалось на раскопках в Старой Ладоге в 1948 г. в слоях X в. видеть т. наз. «кокеры» такой дощатой лодьи. Это громадные деревянные скрепы-ребра (шпангоуты), служащие для соединения и скрепления досок, составляющих борт такой «лодьи заморской». Раскопки В. И. Равдоникаса дали уникальный материал совершенно исключительного значения для истории русского судостроения.

Такова была в основных чертах эволюция русских судов. Во времена образования и расцвета Киевского государства и в период феодальной раздробленности до XIII в., т. е. в хронологических рамках нашего исследования, существовало, конечно, немало типов судов. Наряду с совершенными судами с высокими бортами встречались и архаические, наряду с большими — маленькие.

В XI–XII вв. упоминаются «насады» («носады»). О них говорят «Повесть временных лет», Ипатьевская летопись, Новгородские летописи, «Русская Правда», «Слово о полку Игореве». ²⁴⁰

«Насады» были вместительными судами и, повиди-мому, были близки к «набойным лодьям». ²⁴¹

«Русская Правда» сохранила нам еще упоминания о «струге» и «челне». О их величине говорит статья «Русской Правды» (Троицкий список), которая позволяет судить о размерах и ценности русских судов того времени. Речь идет о штрафах («продаже») за кражу судов. Самый высокий штраф полагается за кражу морской лодьи — 3 гривны, за набойную ладью устанавливается штраф в 2 гривны, за лодью — 60 кун (в гривне 50 кун), за струг — гривна и за челн — 20 кун. ²⁴²

Следовательно, струг дешевле лодей и, несомненно, меньше их. И, наконец, понятно маленький речной челн стоит дешевле всех.

Близок челну учан, упоминаемый в «Договорной грамоте Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой и Готским берегом» 1229 г., в которой учан приравняется к челну («у кого ся избить оучан, а любо челн...»), хотя быть может учан больше челна. ²⁴³

Источники интересующей нас эпохи в истории Руси сохранили и ряд названий судов иноземного происхождения. К числу таковых следует отнести встречающийся в летописи один раз термин «скедия» (греч. — sksota), ²⁴⁴ трижды — термин «кубара» (греч. — koAJ3dptov), ²⁴⁵ один раз под 1182 г. га-лея (галера), а шнеки (сканд. «feimk»), уже

²³⁹ П. И. Белавенец, ук. соч., стр. 16.

²⁴⁰ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 132.— Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 261, 293, 346, 422, 457. — Русская Правда, ук. изд., т. II, стр. 578. — Новгородская IV летопись, ПСРЛ, т. III, стр. 42.

²⁴¹ Мрочек-Дроздовский полагал, что набойная лодья и насад понятия равнозначные и обозначают лодью, на которую «набивались» или «насаживались» доски обшивки. См. его Исследования о Русской Правде, вып. I, стр. 205, 206.

²⁴² Русская Правда, изд. АН СССР, ч. I, 1940, стр. 113. — Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 364, 380, 381.

²⁴³ М. Владимирский-Буданов. Христоматия по истории русского права, 1899, вып. I, стр. 125.

²⁴⁴ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 43.

²⁴⁵ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 50, 108. — Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 341.

упоминавшиеся нами выше, указания на которые мы встречаем в новгородских летописях и в «Повести об Александре Невском», а с начала XIV в. лойвы и ушкуи (слова финно-угорского происхождения). Кроме того встречаются «триреи» (триеры) и дроманы (дромоны). Некоторые из этих терминов надолго закрепились на Руси, другие же (скедия, кубара, шнека, триреа, дроман) скоро исчезли и применялись чаще всего по отношению ко вражеским судам.²⁴⁶

Следует отметить, что как термин «корабль» вошел в греческий язык, а из него попал и в другие языки народов стран Средиземноморья, так и русский термин «лодья» вошел в языки соседей Руси на севере, шведов (*lodia*) и финнов (*lotia*).²⁴⁷

Судостроительное искусство на Руси непрерывно совершенствовалось. Под 1151 г. Ипатьевская летопись помещает рассказ о речном сражении на Днепре между князем Юрием Долгоруким и Изяславом Мстиславичем, князем киевским. В этом сражении на стороне киевлян действовали суда нового типа.

«Бе бо исхитрил Изяслав лодьи дивно: беша бо в них гребцы невидимо, токмо весла видити, а человек бяшет не видити; бяхуть бо лодьи покрыты досками, и борцы стояще горе в бронях и стреляюще, а кормьника два беста, один на носе, а другой на корме, аможе хотяхуть, тамо поидяхуть, не обращающе лодий». ²⁴⁸

«Лодьи» Изяслава Мстиславича были устроены так, что гребцы были укрыты дощатой палубой, которая одновременно служила помостом для облеченных в броню и обстреливающих неприятеля воинов. «Лодьи» имели по два руля-весла, одно на корме, и одно на носу, что давало им возможность, не поворачиваясь, идти по желанию и передним и задним ходом. Это было первое собственно военное русское судно. Сложными, с «чердаками», богато изукрашенными резьбой, были и новгородские суда, память о которых сохранил наш народный эпос. Трудно приурочить былины о Соловье Буди-мировиче и о Садко именно к рассматриваемому нами периоду времени, но если учесть, что в Садко можно усматривать летописного Сотко Сытинича, упоминаемого в новгородской летописи под 1167 г., то и некоторые элементы новгородского народного эпоса мы можем так же отнести к XII в. ²⁴⁹

Какова же была грузоподъемность русских судов? Прямые указания мы имеем только на грузоподъемность русских судов, совершающих морские походы. Договор Олега 907 г. говорит прямо «а в корабли по 40 мужь». ²⁵⁰

Из сочинения Константина Багрянородного «*De ceremoniis aulae Byzantinae*» мы узнаем, что на 7 русских судах помещалось 415 воинов, на 10 (может быть 11–12) — 629 воинов. ²⁵¹

Таким образом, надо полагать, что русские морские суда вмещали 40–60 человек.

---

²⁴⁶ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 422.

²⁴⁷ Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 359.

²⁴⁸ Летопись по Ипатскому списку, 1871, стр. 293.

²⁴⁹ В. Н. Вернадский. Господин Велики и Новгород, стр. 46.

²⁵⁰ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 30.

²⁵¹ Константин Багрянородный, ук. соч... Vol. I, Воппаё, 1829, стр... 664, 665. —'Ф. И. Успенский. Русь и Византия в X в., стр. 10.

Конечно, в лодьи грузилось оружие, одежда, пища, пресная вода. Все это заставляет нас прийти к выводу о достаточно больших для морских походов размерах «морских лодий». В то же самое время русские лодьи были легки, подвижны и, относительно, невелики, что обуславливало и соответствующую тактику морского боя.

В распоряжении судостроителей древней Руси имелись разнообразные и довольно совершенные орудия труда: топоры, долота (простые и втульчатые), пилы, сверла, скобеля, тесла.

Скобелем снимали кору с колод, теслом отделявали доски («тес»), выдалбливали и обстругивали лодьи, сверлом проделывали отверстия в досках и кокорах, сшиваемых прутьями или сколачиваемых деревянными гвоздями.

Очень рано в судостроении на Руси стала применяться пила. Пилы были небольшие по своим размерам и напоминали современные «ножовки». Употреблялись они только для мелких работ. Деревья рубили топорами, тесали доски тоже топорами или теслами. В искусных руках русских «древodelов» топор нередко становился универсальным орудием труда.

Отправляясь в морской поход, русские брали с собой инструменты, необходимые для починки оружия и для ремонта и строительства лодий.

Так например, захватившие в 943 г. Бердаа русские «привешивают... на себя большую часть орудий ремесленника, состоящих из топора, пилы и молотка и того, что похоже на них». ²⁵²

Строительство простых судов было доступно каждому, умевшему обращаться с топором, но совершенствование русских судов привело к выделению специалистов кораблестроителей. ²⁵³

Из сочинения Константина Багрянородного «De admini-strando Imperil» мы узнаем кое-что о технике судостроения и оснащении судов. Он рассказывает, что «однодеревки (ιονοιυХа), приходящие в Константинополь из внешней Руси», изготавливаются «оснащаются следующим образом: «славяне... рубят однодеревки в своих горах в зимнюю пору и, обделав их, с открытием времени (плаванья), когда лед растает, вводят в ближние озера. Затем, так как они (озера) впадают в реку Днепр, то оттуда они и сами входят в ту же реку, приходят в Киев, вытаскивают лодки на берег для оснастки и продают руссам. Руссы, покупая лишь самые колоды», превращают далее такую колоду в корабль. ²⁵⁴

Таково начало строительства древнерусского «корабля» времен Олега и Игоря. Прежде всего в дремучем лесу выбиралось огромное дерево: осина, осокорь, липа или дуб. Исполины лесов в те времена были не редкость. Иосафат Барбаро еще в XV в. видел на Руси липы, выдолбленный ствол которых служил колодой — остовом лодки, вмещавшим 8—10 людей и столько же лошадей. ²⁵⁵Срубив дерево, его обрабатывали и путем обтесывания, долбления и выжигания колоде придавали лодьеобразную форму. Затем колоду распаривали и разделявали ее кольями для придания соответствующей формы и размеров. Операция эта требовала большого количества времени.

Существовал в свое время и другой способ приготовления такой колоды, требовавший от двух до пяти лет. Он заключался в том, что в дереве еще на корню делалась трещина,

---

²⁵² А. Ю. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе руссов в Бердаа в 332 г. — 943/4 г.... «Византийский временник», 1926, т. XXIV, стр. 65.

²⁵³ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. 1948, стр. 407—413, 509.

²⁵⁴ Известия Византийских писателей о Северном Причерноморье. Изв. ГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 8.

²⁵⁵ Библиотека иностранных писателей в России, т. I, стр. 51.

которая постепенно расширялась путем вбивания клиньев и распорок. Когда дерево принимало соответствующую форму, его срубали, распаривали и, мягкое и податливое, окончательно отделявали распорками и топорами.²⁵⁶

Такие колоды-однодеревки и пригоняли весной в Киев в IX–XI вв. Далее Константин Багрянородный сообщает, как «руссы» оснащают однодеревки, снабжают их уключинами, веслами и прочими снастями. Тут же их обшивают досками. Строились «набойные лодьи». Доски прикреплялись к колоде либо деревянными гвоздями,²⁵⁷ либо пришивались (отсюда позднейшее «шитик») ивовыми прутьями или корнями можжевельника.²⁵⁸

Готовясь к выходу в море, на острове Евферия, «руссы» в случае, если это необходимо, дополнительно («опять») «снабжают свои однодеревки недостающими принадлежностями, парусами, мачтами и реями, которые привозят с собой».²⁵⁹

Из этого отрывка сочинения Константина Багрянородного мы узнаем, что окончательная отделка русской лодьи, направляющейся в Царьград, происходила уже в пути, на острове Евферия (Елферия, Ефе-рия), последней стоянке русских перед выходом в море. Здесь они прилаживали к своим кораблям мачту с реей («шегла»), устраивали уключины («ключь»), паруса («пре»), весла, якорь, а быть может, катки и колеса для «волоков» (в этой связи не покажется уже столь фантастическим рассказ летописи о том, как Олег поставил свои суда на колеса). Иногда, как во время похода Владимира Ярославича 1043 г., лодьи снабжались таранами. Быть может для непотопляемости и остойчивости «корабли» древних руссов, как и чрезвычайно на них похожие «чайки» и «дубы» казаков, по бортам окружались связками сухого черета (камыша).

Плавали по морю, держась берегов, боясь потерять берег из виду. Ориентиром служили знакомые очертания берегов, звезды, солнце.

Выступавшие покровителями купцов и путешественников, плававших по Черному морю (договоры Олега и Игоря с греками предусматривают помощь потерпевшим кораблекрушение со стороны русских), русские в то же самое время были опасными врагами на море.

Сам характер русской равнины, политические границы Руси, заключавшие в себе главные политические центры страны, отстоящие довольно далеко от моря (Киев, Переяславль, Чернигов, Ростов, Смоленск, Псков, Новгород, Полоцк, Червен, Перемышль; Тмутаракань, Олешье, Корчев, «города подунай-ские», конечно, не могли сравниться с этими крупнейшими городами Руси), диктовали особенности русского судостроения и мореходства, русской военно-морской тактики. Пороги и «волоки» требовали плоскодонных судов с минимальной осадкой, легких и сравнительно небольших по размерам. В то же самое время суда должны были быть достаточно грузоподъемны, дешевы и просты в постройке.²⁶⁰ Такой тип судна диктовался особенностями плавания русских людей, — одно и то же судно должно было выступать и в качестве морского, и в качестве речного. Речное судно не обязательно должно было удовлетворять требованиям, предъявляемым к морским

---

²⁵⁶ Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 372, 373.

²⁵⁷ Благодаря любезности чл. корр. АН СССР, профессора Ленинградского университета В. И. Равдоникаса, на раскопках в Старой Ладге в 1948, мне удалось видеть «кокоры» со следами деревянных гвоздей, использованные в постройках X века,

²⁵⁸ Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 373, 374.— П. И. Белавенец, ук. соч., стр. 16.

²⁵⁹ Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Изв. ГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 10.

²⁶⁰ Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 367, 368.

кораблям, но эти последние должны были обязательно выступать и в качестве речных судов.

В «Тактике» императора Льва мы находим указание на эту особенность русских судов: «Малые и большие дромоны ты снаряжаешь (в зависимости) от свойств воюющих (с тобой) народов. Ибо не одна и та же эскадра (пригодна для действия против) сарацинских варваров и так называемых северных скифов (русских, — В. М.). Ибо варвары-сарацины пользуются кум-бариями большими и малоподвижными, а ладьи у скифов малые и быстроходные, так как невозможно пользоваться большими кораблями на реках, впадающих в Евксинский понт». ²⁶¹ Это же указание мы находим и у Лиутпранда; «суда русов вследствие своего малого размера проходят там, где мало воды...». Русским «в их отчаянных морских предприятиях... приходилось довольствоваться теми же, лишь до известной степени приспособленными к требованиям морского плавания, судами, которые были типичными и для их днепровского речного флота вообще, хотя для этой цели и выбирались, конечно, лодьи наиболее надежные и значительные по размерам». ²⁶²

Легкость, подвижность и быстроходность русских судов диктовали и соответствующую тактику русских на море. «Полная неожиданность похода, стремительность атаки, возможность быстрого отступления в открытое море или к мелководным побережьям, плавням и речным устьям, где не в состоянии были бы настигнуть их тяжелые суда греческого флота, — такова была морская тактика наших предков, требовавшая флота если и многочисленного («покрыли суть море корабли» — говорится про поход Игоря 945 года), но, вместе с тем не громоздкого, легкого и подвижного, способного, смотря по обстоятельствам, идти как на веслах, так и под парусами». ²⁶³

В бою русские стремились разгромить врага, используя момент внезапности. Быстро нападали, пытаясь сойтись борг к борту, взять врага на абордаж, при неудаче быстро отходили, рассыпаясь по морю и стараясь ускользнуть от преследования. Типичным примером русского боя на море явилось сражение у Царьграда и во время похода 1043 г.

Целый день греческие триремы не решались нападать на русских, стоявших в строе фронта. Лишь вечером греческие суда устремились в атаку. Камнемётные машины, «греческий огонь» и страшная буря сделали свое дело. С большими потерями русские отошли в бухту. Но когда византийский адмирал Феодо-рокан увлекся погоней, русские, используя свое превосходство в маневренности и быстроходности, вступили в бой, разгромили греков, пустили ко дну несколько неприятельских судов, четыре галеры захватили и убили самого Феодорокана.

Из указанного видно, что скорость хода и маневренность служили средством защиты для русских судов.

Основным принципом ведения войны в древней Руси было единство военных действий и на суше, и на море (походы Игоря, Святослава и др.) — Война велась всеми средствами.

Походы предпринимались одновременно и по суше, и по морю, поход по суше превращался в морской (поход 943 г. на Бердаа), и морской заканчивался военными действиями или продвижением по суше (1043), с судов высаживались десанты, в том числе конница.

Внутри воинства древней Руси никакого деления на сухопутное и морское не было и быть не могло. Один и тот же воин по мере надобности сражался и на море, и на суше.

---

²⁶¹ Migne. Patr. gr., t. CVII, cap. XIX, § 69, стр. 1011.

²⁶² Н. П. Загоскин, ук. соч., стр. 368.

²⁶³ Там же, стр. 368

Дружинная организация в одинаковой степени была присуща русским «воям», ведущим военные действия и на суше, и на море.

Среди русских воинов-мореходов действовал тот же «закон русский» и та же «Русская Правда», которыми руководствовались княжьи «моужи», творя суд по земле Русской.

Никакого особого оружия русские мореходы не знали. Отправляясь «за море», русские воины брали с собой те же мечи и копья, луки и стрелы, боевые топоры и щиты, облачались в те же кольчуги и надевали те же шлемы, которыми они разили врагов[^] или оборонялись от них на суше.

Заканчивая рассмотрение судостроительного мастерства и мореходного искусства на Руси IX–XII вв., мы приходим к выводу, что и в этой области, как и во многих других, Русь шла своим самобытным путем, отнюдь не отгораживаясь от соседей, заимствуя у них и, в свою очередь, передавая им свои навыки, свой опыт, свое искусство, создавая оригинальные суда и своеобразную морскую тактику, эффективную и живучую, унаследованную в модифицированном виде и казаками XVI–XVII вв. и галерным флотом Петра, и превзойдя многие народы в области судостроения как по качеству, так и по количеству судов, а главное, в мореходном искусстве и морской доблести, заслуженно вошла в историю как страна предприимчивых и доблестных «пенителей морей».